

Ц. И. КИН

ИТАЛИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

«Кажется ли вам эта Италия прекрасной?»

✱

Идеология итальянского либерализма

✱

Борьба течений
внутри Социалистической партии

✱

Католический модернизм и Ватикан

✱

Кто виноват в том,
что Италия вступила в войну?

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страны и народы»

Ц. И. КИН

ИТАЛИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

ИЗ ИСТОРИИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ

МЫСЛИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980**

*

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Р. ЛОПУХОВ

© Издательство «Наука», 1980

ОТ АВТОРА

Почти на протяжении четверти века автор этой книги занимается проблемами, связанными с итальянской культурой. Вначале — борьбой идей, происходившей в Италии после второй мировой войны, развитием различных течений общественно-политической мысли, которые, переплетаясь, создают своеобразную реальность, не укладывающуюся в рамки жестко очерченных представлений. Позднее стало ясно, что нельзя по-настоящему понять сегодняшний день Италии, не задумываясь над прошлым, над историей страны. Именно непрерывность исторического процесса определяет оригинальность «итальянского варианта», роль и судьбы интеллигенции: светской и католической. Вопрос о традициях, об истоках отнюдь не является вопросом «академическим»: анализ происходящих сегодня в республиканской Италии событий требует знания событий, происходивших в не столь отдаленном прошлом. И поскольку современная Италия существует немногим более 100 лет, оказалось необходимым обратиться к периоду, который называют Пострисорджименто.

Термин этот принят в итальянской историографии и означает «период, последовавший *после* Рисорджименто», т. е. объединения Италии. Думается, что термин точен, что мы можем привыкнуть к нему так же, как привыкли к термину постимпрессионизм, занимаясь историей изобразительного искусства. На русском языке есть достаточно книг, в частности трехтомная «История Италии» (М., 1970), в которых читатель может получить богатую информацию об экономике страны, о социальных вопросах, с которыми столкнулась Италия после объединения. Вряд ли надо напоминать о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс оставили нам в наследство классически ясные определения понятий базисных и надстроечных явлений. В знаменитом письме к Йозефу Блоху от 21–22 сентября 1890 г. Энгельс, подчеркнув, что «в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни»⁽¹⁾, возражал против искажения и вульгаризации этой мысли.

В этом же письме есть два исключительно важных положения: «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях... Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие»⁽²⁾.

Перечисляя различные моменты надстройки, Энгельс писал своему молодому корреспонденту о политических формах классовых битв, подчеркивал, что важны государственный строй, правовые формы «и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм»⁽³⁾. Таким образом, все, кто стоит на позициях марксистского историзма, могут — и это представляется закономерным — избирать для своей скромной работы тот или иной отправной пункт. Автору данной книги, занимающемуся преимущественно историей общественно-политической мысли и культуры, особенно дороги и важны слова Энгельса об отражении «всех этих действительных битв в мозгу участников». Отсюда — интерес и особое внимание к личности государственных и общественных деятелей, о которых идет речь, к их психологии, взаимоотношениям, судьбам.

В последние годы в Италии вышло много исторических работ, посвященных периоду Пострисорджименто и «эре Джолитти», которая занимает центральное место в предлагаемой сейчас вниманию читателей книге. Эту книгу надо считать как бы продолжением другой моей работы — «Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий» (М., 1978). Продолжением, по не в чисто хронологическом смысле. Пришлось вновь говорить о событиях и о некоторых персонажах. Поступить иначе было практически невозможно: «эра Джолитти» берет свое начало в первых годах XX в., но сам Джолитти возник на политической авансцене Италии гораздо раньше. Следовательно, оказалось необходимым вернуться к предшествовавшему историческому периоду. Задача автора книги заключалась в том, чтобы, минимально повторяясь, найти новый ракурс в освещении судеб людей и теорий, привлечь свежие материалы, бросающие новый свет на некоторые события и на поступки «героев» и (пользуясь современной терминологией) «антигероев».

С другой стороны, чтобы в самом деле повторяться лишь в минимальной степени, мне пришлось о некоторых вещах писать довольно бегло, и я вынуждена просить тех читателей, кто, быть может, заинтересуется каким-либо персонажем или фактом, обратиться к предыдущей книге. Эти две книги так взаимосвязаны, что рассматривать их в отдельности на деле означало бы разорвать всю ткань повествования и сделать его искусственно упрощенным.

В первой много говорилось об объединении Италии, об идеологии Рисорджименто, была сделана попытка параллельно проследить развитие социалистической мысли и борьбу различных течений внутри католического движения, в рамках либерального государства, рожденного к жизни Рисорджименто. Принцип, положенный в основу настоящей работы, тот же самый. Но если в первой книжке выход в XX в. был дан лишь в эпилоге, то сейчас, когда мы занимаемся «эрой Джолитти», в повествовании фигурирует много людей, о которых раньше ничего не говорилось (или говорилось вскользь).

Повествование будет доведено до мая 1915 г. — момента вступления Италии в первую мировую войну. Именно вступление в войну приведет страну к национальной трагедии — к режиму чернорубашечников. Мне представляется принципиально важным подробно

рассказать об идеологии и мифах итальянского национализма, который нельзя, как это делают иногда, отождествлять с фашизмом, но который несет свою долю исторической ответственности за то, что произошло в 1922 г. Итальянская историография много внимания уделяет вопросу о том, существовала ли иная альтернатива. Автор книги убежден в том, что альтернатива существует всегда. Именно поэтому так много внимания уделяется судьбам людей, во многом определявших судьбы итальянского народа.

«ЧЕЛОВЕК ИЗ ДРОНЕРО»

«Эти деревенские персонажи — медлительные, тяжеловесные, рассудительные и лукавые, ширококостные и толстокожие, одетые в черное, усатые. Джолитти родом оттуда — неутомимый ходок, строгий, сухой, умеренный, скупой на слова, презирующий жесты...» — писал о Джолитти один из многочисленных его биографов. Однако лучше всего рассказал о себе сам Джованни Джолитти (1842–1928). Ему было 80 лет, когда он написал свои воспоминания. Сначала он упорно отказывался: ему казалось ненужным вновь мысленно возвращаться к людям и событиям далекого прошлого, к своим собственным поступкам. Но в конце концов согласился на уговоры, и получилась отличная книга.

Джолитти умно и точно, порой снисходительно, иногда саркастически рассказал о своих друзьях и о своих противниках. И о себе самом. В этих воспоминаниях есть одна ключевая фраза: «Разве государственный деятель действительно должен быть наивным?». Самого Джолитти в наивности упрекнуть никак нельзя: о некоторых вещах он вообще умалчивает, некоторые события истолковывает так, как ему удобно. По все чрезвычайно интересно, написано с уверенной ясностью суждений, в сухой и антириторической манере, которая как раз и придает блеск книге.

Роль, которую Джолитти сыграл в истории Италии, так велика, что общепринятым является термин «эра Джолитти». По масштабу Джолитти сравнивают с лидером и идеологом либеральной буржуазии, пришедшей к власти после объединения Италии в 1861 г., — графом Кампелло Бензо ди Кавуром (1810–1861). Семья Джолитти, которую он называет «крестьяне-горцы», происходила из местности, расположенной в Западных Альпах. До 1427 г. это была крошечная независимая демократическая республика со своим статусом. Выше всего в горах находилась коммуна Аччельо. Там раз в год собирались главы семей и выбирали очередных двух судей и двух консулов. В 1427 г. эта мини-республика заключила договор с маркизами ди Салуццо, признав их сюзеренами, но сохранив свои права. Когда впоследствии маркизы поддержали савойскую династию, привилегии горцев были подтверждены. Но Савойя нарушила пакт, и в середине XVI в. началась настоящая война, закончившаяся победой горцев. Поэтому, с гордостью писал Джолитти, у горцев «никогда не было ни феодализма, ни церковной инквизиции».

Семейные предания, продолжал он, «доходили до деда моего деда». Этот предок Джолитти спустился в долину как раз из коммуны Аччельо. Отец Джованни, Джовенале Джолитти, служил в местном суде. Мать, Энрикетта, происходила из дворянской семьи, ее родные участвовали в революционном движении Рисорджименто. Джованни был единственным сыном. Он родился 27 октября 1841 г. в Дронеро (область Пьемонт). Ему было всего год, когда умер отец. Энрикетта сама воспитала сына, который был к ней глубоко привязан. О годах учения, сперва в деревенской школе, затем в туринском лицее, Джолитти пишет коротко. Учился он прилично, не любил ничего «абстрактного» (в эту категорию входили латынь, греческий и математика), был равнодушен к любовным и приключенческим романам, знал старую итальянскую поэзию и увлекался философией, но «раз и навсегда излечился от этой страсти, прочитав «Теорию сверхнатурального» Джоберти». Потом — юридический факультет, серьезное изучение права. За несколько недель Джолитти сдает экзамены за три курса и защищает диплом.

Ему 18 лет, его тянет к практической деятельности, он поступает на службу и начинает делать административную карьеру. Работает очень серьезно, занимается финансами, юриспруденцией, попадает в окружение крупного государственного деятеля Куинтино Селла (1827–1884), о котором вспоминает с величайшим уважением. В 1867 г. умирает мать; в 1869 г. Джолитти женится. Его жена, Роза Собреро, происходила из интеллигентной семьи, ее дядя — «знаменитый химик Асканио Собреро, который изобрел нитроглицерин». Роза — идеальная жена для большого политика: умная, тактичная, преданная, ролевая. Когда нелепо гибнет их маленький сын, провалившись во время игры в щель пола в заброшенном доме, Роза сама сообщает мужу о трагедии и находит в себе силы для утешения.

Впервые Джолитти предлагают выставить свою кандидатуру в парламент в 1876 г., но он отказывается: это могло бы помешать продвижению по службе. Но в 1882 г. он уже государственный советник и может стать парламентарием. Он отказывается проводить традиционную предвыборную кампанию: «Меня это мало интересовало». Здесь нет позы: таков был человек. Тем не менее Джолитти был избран подавляющим большинством голосов. В парламенте он сразу проявляет блестящие способности и компетентность в области финансов и права.

Парламентские нравы этого времени были своеобразны. Либеральная буржуазия, пришедшая к власти в результате объединения страны, имела две главные партии. Более консервативная называлась Историческая Правая, более демократическая — Историческая Левая. Это не были политические партии в современном понимании, а скорее течения, группы единомышленников, связанных также и личными отношениями. Процесс объединения страны под властью Пьемонта (савойская династия) длился с 1861 по 1871 г. В движении Рисорджименто, которое было одновременно и национальной, и буржуазно-демократической революцией, наряду с буржуазией, чье историческое время наступало, участвовали также некоторые группы феодальной аристократии, много интеллигентов и верхушечные слои так называемых низших классов, т. е. народных масс.

В течение первых 15 лет после объединения у власти находилась (с небольшими перерывами) Историческая Правая. Депутаты ее происходили преимущественно из среды аристократии, земельных собственников и финансистов, которые в годы Рисорджименто встали на позиции либерализма. Многие из них были высокообразованными людьми, но никто не обладал политическим гением Кавура. Либералы искренне считали самым важным из всех конституционных органов объединенного государства парламент. Существование правительства зависело от исхода парламентских голосований. Но правом избирать депутатов пользовалась ничтожная часть населения. Кроме того, верующие католики в соответствии с решением Ватикана могли избирать и быть избранными лишь в органы местного самоуправления, но не в парламент. Права муниципалитетов ограничивались префектами, назначаемыми правительством.

Бенедетто Кроче (1866–1952), бесконечно восхищавшийся деятелями Исторической Правой, создал нечто вроде их коллективного портрета. Он отмечал их серьезность, достоинство, бескорыстие, патриотизм. Но Кроче перечислил также их недостатки и ошибки. Хотя «редко во главе какого-нибудь народа стояла группа людей, составлявших цвет общества, подобно старой итальянской Правой», они «слишком презирали компромиссы», думали только о «вещах» (больших общественных интересах) и не думали о «вещицах» (интересах отдельных групп и людей). Наконец, писал Кроче, нельзя было при населении страны в 28 млн. сузить число избирателей до полумиллиона. «Поступая так, они забыли о том, что было написано в книгах, которые они изучали, а именно, что пока не найдено другого средства приучать народ к свободе, т. е. вообще воспитывать его, кроме как предоставить этому народу свободу и дать ему возможность научиться ей на собственном опыте»⁽⁴⁾.

Внутри Правой были разные течения. В исследовании, основанном на парламентских документах, современный исследователь Альдо Берселли анализирует все правительства Правой, находившиеся у власти после объединения, и воздает должное тем, у кого слова не расходились с делом и кто стремился поступать в соответствии с принципами либерализма. По мнению Берселли, в борьбе между различными группировками внутри Исторической Правой «верх взяли консервативные элементы. Порой возникало намерение дать стране более либеральные структуры, но это осуществлялось плохо, отчасти из-за отсталости страны»⁽⁵⁾. В социально-экономическом отношении страна действительно была отсталой. Промышленность была развита слабо, система образования не отвечала требованиям времени. Экономическая политика Пьемонта привела к ухудшению положения масс Юга; возник так называемый «великий бандитизм», когда сторонники низложенной династии Бурбонов использовали крестьян и бывших солдат бурбонской армии в борьбе против правительства.

За время пребывания у власти Правая не сумела расширить социальную базу партии. Против блока торгово-промышленной и аграрной буржуазии Севера и некоторой части земельной буржуазии Юга была «действительная» («реальная») Италия: массы отсталых, неорганизованных, но недовольных крестьян, группы промышленных рабочих,

разраставшиеся по мере развития индустрии, часть мелкой буржуазии и интеллигенции Юга. Попытки наиболее просвещенных деятелей Правой проводить серьезные реформы наталкивались на тупое сопротивление консервативных парламентских кругов. Они отказывались понять, что проведение реформ отвечало не только общенациональным интересам, но и интересам буржуазии.

И все-таки в середине 70-х годов перемены стали неотвратимыми. Надо было покончить с тормозящей развитие страны централизацией, реорганизовать систему управления, оздоровить государственные финансы, хоть как-то повысить жизненный уровень самых обездоленных слоев, заложить основы всеобщего обязательного и бесплатного начального образования. Берселли пишет, что, когда кончилась «эпоха героев» (Рисорджименто), наступила эпоха, требовавшая «позитивных деятелей». Новая эпоха требовала новых людей. Однако были ли такими новыми людьми деятели Исторической Левой?

Историческая Левая, как политическое течение оформившаяся также в 60-х годах, была более демократическим крылом тех же либералов. Расхождения программного порядка (в отношении налоговой практики и некоторых общедемократических реформ) носили частный характер. Кроме левой группы либералов, к Исторической Левой примыкали также некоторые бывшие сторонники Джузеппе Мадзини (1805–1872). Лидером Левой был Агостино Депретис (1813–1887). Формально он не входил в Партию действия Мадзини, но симпатизировал ей. (Кавур в свое время отзывался о Депретисе довольно иронически, хотя это было не очень справедливо.)

Для Джолитти понятия Правой и Левой были весьма условными. Он рассказывает, например, о том, что в какой-то момент внутри Правой происходили ожесточенные споры между консерваторами «старой школы» и людьми, более открытыми современным идеям, к которым принадлежал и Куинтипо Селла, один из лидеров Правой. Его настойчиво уговаривали перейти к Левой. «Если бы он послушался этого совета, то, возможно, стал бы главой всей Левой и это частично изменило бы весь последующий ход событий. Но, насколько известно, самые авторитетные деятели Правой убедили его не совершать этого шага»^[6]. Следовательно, лидером Левой остался Агостино Депретис.

Сам Джолитти принадлежал к Левой, но его оценки Правой очень интересны. Правую, по мнению Джолитти, сформировали люди, достойные всякого уважения, патриоты, чье поведение было «продиктовано благородными гражданскими чувствами и высшими мотивами». Они были серьезны и компетентны, но столкнулись с большими трудностями, в частности в попытке оздоровить государственные финансы (это Джолитти всегда считал первостепенной задачей). Среди руководителей Правой были преимущественно северяне, пьемонтцы, кое-кто из Ломбардии и Эмилии и очень мало южан. А если и были южане, то они до объединения много лет провели либо в тюрьмах Бурбонов, либо в изгнании. Все это крайне достойно, но они «потеряли контакт с живой действительностью». Еще один недостаток: «Все они были идеалистами, воспитанными на общеевропейской культуре, и уже по одному этому не могли представить себе *реально* степень материальной нищеты и духовной обездоленности Юга». Главным злом был их отрыв от действительности.

Джолитти пишет: «Когда я стал депутатом в 1882 г., у власти находился Депретис, который в то время уже начал осуществлять особую политическую операцию, получившую название *трансформизм*». И дальше: «Слово пользовалось дурной славой и это отразилось на Депретисе, которого обвинили в скептицизме и цинизме. Но трансформизм имел глубокие политические причины, и Депретис не заслуживал такой оценки. Он был человеком, обладавшим очень важным для государственного деятеля качеством: здравым смыслом». Трансформизмом называют процесс постепенного размывания граней между Правой илевой, переход на новые, «надпартийные», казалось бы противоположные, позиции. Депретис, говоря о трансформизме, любил рассуждать о «новой великой национальной партии».

До последнего времени резкое противопоставление Исторической Правой и Историческойлевой было для итальянской историографии традиционным и бесспорным, но потом этот тезис стал подвергаться сомнениям. В частности, историк-марксист Эрнесто Раджоньери доказывал, что социальная база Правой илевой, проводимая ими политика не были радикально различны. Раджоньери писал: «Единственной почвой, на которой итальянская буржуазия, со всеми раздиравшими ее внутренними противоречиями, могла обрести какую-то сплоченность, было жестокое соблюдение общественного порядка, понимаемого как исключение из политической игры альтернативных социальных сил»⁽⁷⁾.

18 марта 1876 г. правительство Правой пало, не собрав в парламенте нужного числа голосов при обсуждении одного из законопроектов. Именно тогда к власти пришла Левая, и Депретис стал премьером. К этому моменту Историческая Левая разделилась на две фракции: Историческая Левая и Молодая (Конституционная) Левая. Принципиальные расхождения между ними были незначительными, главную роль играли личные взаимоотношения. День 18 марта 1876 г. провозгласили днем «парламентской революции», но Кроче называл его катастрофой. Он обвинял левых в неразборчивости, в беспринципности, в том, что они допускали в свою среду людей морально небезупречных, не обладавших высокой культурой. К трансформизму (он называл его также эклектизмом) Кроче относился с отвращением, и, конечно, сама легкость, с которой люди меняли политические привязанности, не могла не вызвать этого чувства. Раджоньери считает трансформизм не каким-то внезапно возникшим явлением, а продолжением давно происходившего процесса. (Примерно так же считал Джолитти.) Лидер социалистов Филиппо Турати (1857–1932) писал об «италийском нимбе», который состоял из «полукрасок, полупартий, полуидей и полуличностей».

Трезвый политик, Депретис вряд ли испытывал угрызения совести из-за трансформизма. Когда в период его пребывания у власти одна оппозиционная газета назвала итальянскую общественную жизнь болотом, Депретис заметил: «Но это совершенно верно, мы по уши погрязли в болоте». Депретис — лидерлевой — сам в своей практической политике неуклонно двигался вправо, и парламент, в общем, поддерживал это поправление. Будучи опытным тактиком, он безошибочно знал, когда ему угрожает неблагоприятное отношение парламента, и уходил в отставку до голосования, чтобы через некоторое время снова

вернуться к власти. Это можно назвать трезвой политикой, но можно назвать и политиканством.

Джолитти считал Депретиса хорошим администратором, умевшим глубоко вникать в суть вопросов, ненавидевшим пустую декламацию, активным и лояльным человеком. «Он открыто сражался против своих оппонентов, но был доброжелательным, без тени злобности по отношению к кому бы то ни было. Когда я начал голосовать против него, он однажды спросил меня, почему я перешел в оппозицию. Я перечислил разные причины, а потом добавил, что меня не очень убеждает правительство опирающееся на некоторых весьма сомнительных людей. На это он возразил: «А вы уверены, что среди ваших друзей по оппозиции нет людей такого же типа?». «Наверное есть, — ответил я, — но мы в оппозиции лишь дружно говорим «нет», другое дело — как управлять страной»^[8].

Джолитти сначала примыкал к большинству, поддерживавшему Депретиса. Однако позднее он во главе группы депутатов из Пьемонта перешел в оппозицию, главным образом из-за несогласия с бюджетной политикой кабинета Депретиса.

Таким образом, поскольку ни Правая, ни Левая в первые десятилетия после объединения, находясь у власти, не могли позволить себе более «открытой» политики по отношению к альтернативным политическим и социальным силам, буржуазия неизбежно прибегала к сложной тактике лавирования, маневрам и компромиссам.

ДЖОЛИТТИ, КРИСПИ И МАРКИЗ

Еще в начале 80-х годов в сознании правящих классов Италии укоренилась мысль о необходимости расширения колониальной экспансии. Англия и Франция давно имели колонии, Германия также расширяла свои колониальные владения. Для итальянцев «присутствие в Африке» было не только вопросом престижа, но и связывалось с приобретением новых территорий. В Тунисе давно уже было много итальянцев — эмигрировавшие из Сицилии крестьяне и лица свободных профессий. Многие думали, что именно Тунис рано или поздно станет итальянской колонией, по Тунис захватила Франция, и это вызвало у итальянцев чувство острой обиды и вспышку антифранцузских настроений.

Действие перебросилось в Абиссинию (Эфиопия). Еще зимой 1869–1870 г. при нескольких неясных обстоятельствах один бывший миссионер с согласия итальянского правительства приобрел от имени генуэзского судовладельца Рубаттино у предводителей одного из племен территорию, расположенную вблизи бухты Ассаб (провинция Эритрея) на берегу Красного моря. Весной 1882 г. правительство перекупило у общества «Рубаттино» его права на Ассаб, ставший, таким образом, официально первым колониальным владением Италии.

Впрочем, идеология колониальных захватов была разработана и сформулирована лишь через несколько лет. А во время истории с Ассабом тогдашний министр иностранных дел Манчини сказал, что Ассаб — всего лишь «торговая точка», хотя и добавил, что принципы, естественные для цивилизованных народов, нельзя автоматически применять «к диким или полудиким племенам». 1 января 1885 г. в журнале «Диритто» («Право») появилась сенсационная статья, в которой, по сути дела, провозглашалась «высшая справедливость» колониальной политики и конкуренции империалистических государств. «Цивилизованные державы» должны были проявлять активность, когда речь шла о *res nullius*^[1] и о *jus primi occupantis*^[2]. Тогда еще не было известно, что итальянское правительство уже решило направить в Абиссинию экспедиционный корпус, чтобы занять населенный пункт Массауа все в той же провинции Эритрея. Военная операция прошла удачно, но общественное мнение было встревожено. Принципиально против колониальной политики возражала только Эстрема (Крайняя Левая): социалисты, радикалы и республиканцы. Остальные спорили о направлениях экспансии: районы Средиземноморья или побережье Красного моря. Депретис ушел в отставку, но через две недели вернулся, пожертвовав министром иностранных дел.

Расширяя сферу влияния, итальянцы заняли еще несколько населенных пунктов вблизи Массауа. 26 января 1887 г. в местности, называвшейся Догали, на итальянский отряд из 500 человек под командованием подполковника Томмазо ди Кристофориса напал абиссинский рас (племенной вождь) Алула с 7000 воинов. И подполковник и его отряд погибли. Потрясенный Депретис сообщил об этом парламенту, но одновременно запросил ассигнований для доставки подкреплений в Африку. Против военных ассигнований выступил социалист Андреа Коста, повторив великолепные слова, произнесенные за несколько лет до того в германском рейхстаге Августом Бебелем: «Keinen Groschen und keinen Mann»^[3]. Эта формула стала традиционной, итальянские социалисты повторяли ее и в XX в. Хотя законопроект прошел, Депретис почувствовал, что прежнее трансформистское большинство несколько поколеблено, и 8 февраля 1887 г. ушел в отставку. После кризиса, продолжавшегося несколько месяцев, Депретис создал свое последнее, восьмое министерство. Вот что писал об этом Джолитти будущий премьер-министр маркиз Антонио Старрабба ди Рудини (1839–1908): «Дорогой друг, это совершенно точно: образуется министерство одной Левой. Само по себе это не пугает и не должно пугать: Левая, конечно, будет лучше, чем покойное большинство. Только вот с парламентским правительством покопчено. Отныне у нас есть только персональное правительство Депретиса, который переходит от Правой к Левой, как настоящий конституционный монарх. Комментарии излишни»^[9].

В свое последнее министерство Депретис включил на амплуа министра внутренних дел и «сильной личности» Франческо Криспи (1819–1901). Когда 29 июля 1887 г. Депретис умер, Криспи стал премьером. Он был первым южанином, возглавившим правительство объединенной Италии. Вначале на него возлагали большие надежды, хотя одна газета и писала, что на смену диктатуре старой лисы пришла диктатура старого волка. Став

премьером, Криспи не только сохранил пост министра внутренних дел, но присоединил к нему и портфель министра иностранных дел, сосредоточив таким образом в своих руках огромную власть. Многое из того, что связано с личностью Криспи, не вполне ясно и как бы «проблематично», начиная с даты его рождения. Он происходил из среды торговой буржуазии, его предки переселились на Сицилию из Албании. По образованию юрист, успешно занимавшийся адвокатурой, Криспи пожертвовал карьерой и личным благополучием во имя борьбы за объединение Италии.

В молодости он был другом Мадзини, формально входил в Партию действия, сражался в рядах «Тысячи» Гарибальди. После поражения революции 1848–1849 гг. он 10 лет находился в эмиграции, странствовал по свету (Марсель, Мальта, Лондон, Париж, Афины, Лиссабон). Революционер и конспиратор, человек яркий, властный, он не придавал чрезмерного значения морали и не отличался скромностью. Вскоре после объединения Италии в одной парламентской речи он говорил о себе как о самом старом из политических деятелей, которые выдвинулись «со времен конспираций и великих битв». На вопрос, кто он — мадзинист или гарибальдиец — последовал ответ: «Я — Криспи». За плечами у него был по-своему уникальный жизненный и политический опыт, он верил в то, что ему суждено «спасти Италию». Этой верой он заражал других. Политически и психологически эволюция Криспи очень интересна. По мнению Джолитти, приняв в кабинете Депретиса пост министра, Криспи фактически покинул Левую и «вошел в орбиту трансформизма». Раджоньери кажется удивительным не то, что Криспи постепенно уходил вправо, а то, что при этом он «сохранял топ и хватку якобинца», а его концепция «политики, культуры и поведения» решительно отличалась от мировоззрения консерваторов и *moderati* (умеренных либералов).

Раджоньери сделал интересное замечание: «В начале эры империализма в истории различных европейских стран довольно часты случаи, когда люди из демократического лагеря становятся политическими деятелями, наиболее последовательно проводящими в жизнь политику господствующих классов». Поражение рабочего движения в революциях 1848–1849 гг. и позднее, во время Парижской коммуны, «позволили европейским господствующим классам везде понемногу осуществить значительное расширение своих руководящих кадров». И более того: «Контакт с массами, в котором были заинтересованы все, кто проводил империалистическую политику... делал этих перебежчиков из лагеря демократии драгоценными, порою ключевыми фигурами для реализации политики господствующих классов. Так что в этом смысле Криспи не исключение»⁽¹⁰⁾.

Криспи был убежден в «исторической функции» буржуазии, к «социальному вопросу» подходил с позиций просвещенного буржуа, к социализму относился отрицательно, называя его «тираническим», Грамши однажды назвал Криспи человеком новой буржуазии, но иронически заметил, что у Криспи была страстная и напыщенная концепция национального величия. Волевой и импульсивный, бесконечно уверенный в себе, Криспи был точно создан для того, чтобы стать диктатором. Ему ничего не стоило менять взгляды и совершать самые резкие повороты с величайшим апломбом. Всякий раз он был уверен в

своей правоте. Искренняя любовь к Италии уживалась в нем с абсолютным цинизмом. Субъективно он, конечно, не ощущал себя циником (кстати, Криспи был тесно связан с масонами). Напротив: будучи искренне убежден в своей исторической миссии, Криспи считал себя вправе и решать и изменять решения. Как хороший юрист, он серьезно относился к вопросам управления и сделал много полезного. Но в экономике он разбирался слабо. Все вместе взятое причудливо уживалось в нем с подозрительностью, легковерием, навязчивыми идеями и вкусом к конспирации.

Маркиз ди Рудини считал, что Депретис ведет себя как конституционный монарх. Что касается Криспи, то он не считался не только с парламентом, но и с большинством своих собственных министров. В известной мере он прислушивался к мнению короля, так как принципиально был сторонником сильной монархии. Об этом он открыто заявил еще в 1864 г., когда разрабатывал программу Конституционной Левой. Как раз тогда произошел его разрыв с Мадзини, который продолжал упорно связывать все надежды с европейской революцией. А Криспи больше не верил в нее и хотел создать «прогрессивный блок» для поддержки монархии.

Придя в 1887 г. к власти, Криспи решил во что бы то ни стало поднять военный престиж Италии. В свое время он осудил экспедицию в Массаяу, но после событий в Догали изменил мнение. Зимой 1887/88 г. итальянцы восстанавливали прежние владения в Эритрее. Начались острые разногласия между главнокомандующим итальянскими силами в Африке генералом Бальдиссерой и дипломатом Антонелли насчет того, как лучше осуществлять экспансию. Генерал был выдающимся военным и политическим деятелем, а Антонелли вел сложные интриги и добивался некоторых внешних эффектов. Психологически понятно, почему Криспи поддерживал последнего. 14 октября 1889 г. Криспи произнес на шумевшую речь, всячески превознося колониальную политику. 5 января 1890 г. был издан королевский декрет, по которому отныне итальянские владения на берегу Красного моря называются «Колония Эритрея» и управляются губернатором. Еще до этого итальянцы заключили с негусом Менеликом, провозгласившим себя «царем царей», договор, содержание которого из-за разночтений в тексте трактовалось по-разному. Италия считала, что она установила протекторат над теми районами Эфиопии, над которыми властвовал Менелик. Но потом выяснилось, что Менелик иначе понимает договор и никакого протектората не признает. Это было серьезным поражением Криспи, но на этот раз он удержался у власти. Падение его первого кабинета было вызвано другими обстоятельствами и в конечном счете его темпераментом и поведением.

Джолитти почти два года был министром бюджета в кабинете Криспи; он проводил умную и терпеливую политику по оздоровлению финансов. На протяжении всей своей карьеры он всегда придавал финансовой проблеме решающее значение. Когда в свое время Джолитти выступил против Депретиса, это в большой мере объяснялось тем, что его возмущал «финансовый оптимизм» самого Депретиса и министра Мальяни, «человека веселых финансов», который проделывал поистине цирковые трюки, чтобы создать иллюзию благополучия. Джолитти принципиально был противником иллюзий. Он вышел из

кабинета Криспи, так как менее благоразумные коллеги мешали Джолитти проводить его линию. Тогда Криспи назначил на этот пост Бернардино Гримальди, который 28 января 1891 г. внес на рассмотрение парламента несколько законопроектов, увеличивавших налоговое бремя. 31 января во время прений один оратор напомнил, что Правая вела умную финансовую политику. Криспи, во власти одного из своих импульсивных порывов, заявил, что внешняя политика Правой была трусливой. Депутаты Правой вскочили с мест и начали осыпать Криспи оскорблениями за то, что он задел «священные воспоминания». При голосовании правительство понесло поражение. «Падение своего кабинета подготовил, сам того не желая, именно Криспи, который, все дальше отходя от Левой, бессознательно обеспечил победу Правой», — писал Джолитти.

Премьер-министром стал маркиз ди Рудини. «Когда маркиз ди Рудини сформировал свое первое правительство, он считался главой Правой, — писал Джолитти. — Это объяснялось тем, что уже исчезли другие, более выдающиеся люди, а также тем, что у него было достойное прошлое». Поясним: в 1866 г., когда маркиз был синдаком (мэром) Палермо, там вспыхнул мятеж, спровоцированный сторонниками Бурбонов. Маркиз проявил большое мужество, и многие сторонники Правой решили, что у них появился лидер. Он стал делать быструю карьеру. Франческо Де Санктис саркастически писал: «Он пришел в парламент как чудо-ребенок. Ребенок остался, но чудо исчезло». Первый кабинет маркиза продержался около года. Ди Рудини просил Джолитти войти в состав правительства, но тот отказался. Во-первых потому, что это был кабинет Правой, а во-вторых потому, что Джолитти не выносил одного деятеля (Джованни Никотеру), который стал бы его коллегой. «Но ведь я его переносу», — заметил маркиз. Ответ в стиле Джолитти: «Могу в таком случае пожалеть вас, но не могу последовать вашему примеру». Это, видимо, не заносчивость, а нечто более серьезное. Джолитти писал о маркизе: «Он был настоящим джентльменом, вежливым и тонким человеком, обладавшим не богатой, но, безусловно, выше среднего культурой. У него не было опыта, и он никогда не приобрел его, он не умел руководить ассамблеями»⁽¹¹⁾.

Когда кабинет пал, началась обычная лихорадка, король просил Джолитти сформировать правительство, и он приступил к этому 10 мая 1892 г. Это было не просто: следовало соблюсти пропорцию между Пьемонтом и остальными областями, учесть личные взаимоотношения, возможную лояльность или нелояльность будущих министров к самому Джолитти. Вместе с тем «человек из Дронеро» хочет сформировать кабинет с отчетливо демократической программой. Социалистическая партия будет создана лишь в августе 1892 г., но Джолитти прекрасно понимает растущую силу рабочего движения. Его намерение «решительно и конкретно применять демократические принципы» вызвано не соображениями конъюнктуры. Еще в 1886 г., во времена Депретиса, при вторичном избрании в парламент Джолитти в своей предвыборной речи заявил, что нация может проводить либо «политику силы», либо демократическую. «Политика силы» требует крупных военных расходов, большого налогообложения и сильного правительства. Демократическая означает сокращение военных расходов, уменьшение налогов, развитие

индустрии и земледелия, улучшение народного образования, повышение уровня жизни и установление демократических свобод. Для Италии, по мнению Джолитти, возможна лишь демократическая альтернатива.

За Джолитти голосовали все, кроме двух «сторонников правительства». Сипдак селения, в котором жили эти двое, извинился перед Джолитти за то, что не было единогласия, но заверил, что это не повторится: «В селении узнали, кто эти двое, и обошлись с ними так, что они решили эмигрировать во Францию». На что Джолитти возразил, что это уж слишком. Он пишет с юмором, но когда наступит «эра Джолитти», его манипулирование предвыборной борьбой станет виртуозным.

Правительство, сформированное Джолитти почти исключительно из деятелей Левой или левого центра, предстало перед парламентом 25 мая 1892 г. и было принято без энтузиазма. Это относилось не только к программе правительства, но и к Джолитти лично. Все признавали его компетентность, но в отличие от своих предшественников он не был участником Рисорджименто и пришел в большую политику из прозаического административного аппарата. Депутатам, привыкшим к риторике, не нравилась даже его манера говорить: содержательно и сухо, без фиоритур. Резолюция о доверии правительству: 169 — за, 160 — против. Джолитти подает в отставку, но король не принимает ее и предоставляет Джолитти возможность распустить парламент.

Новые выборы состоялись 6 ноября. На сей раз Джолитти использовал все методы — от подкупа до шантажа. Парламент оказался примерно таким, какой был ему нужен, с сенатом получилось хуже. Однако неожиданно разразился грандиозный скандал. Еще когда Джолитти был министром бюджета, Криспи рекомендовал ему некоего Бернардо Танлонго, управляющего Римским банком. Позднее Танлонго стал сенатором. Банковские скандалы в Италии продолжались с 1889 по 1893 г. Безудержные банковские спекуляции происходили на фоне тяжелого аграрного, а позднее общеэкономического кризиса. Большие злоупотребления существовали и в деятельности шести эмиссионных институтов.

Банки контролировались министерством сельского хозяйства, промышленности и торговли. В июне 1889 г. тогдашний министр Мичели поручил сенатору Джузеппе Альвизи, пользовавшемуся безукоризненной репутацией, с помощью чиновника казначейства Биаджини обследовать деятельность банков. Вскрылись колоссальные злоупотребления. Так, «Римский банк втайне напечатал банковских билетов на 9 млн. лир и допустил противозаконное превышение обращения банковских банкнотов на 25 млн. лир. Тайный выпуск 9 млн. лир должен был помочь скрыть банковскую недостачу, которую немедленно после ее обнаружения фиктивным образом устранил Бернардо Танлонго, управляющий банком»⁽¹²⁾. Кроме того, банк не мог взыскать крупные ссуды, которые были даны под векселя многим политическим деятелям, министрам, самому Криспи и его жене.

Альвизи представил доклад главе правительства Криспи и хотел опубликовать результаты расследования, но уступил настойчивым просьбам не разглашать все это, «чтобы не волновать страну». Совет министров в целом тоже не был оповещен, и трудно сказать, кто,

кроме Криспи и Мичели, был в курсе дел. Джолитти утверждал, что он ничего не знал. Гром грянул, когда Джолитти уже был премьером.

На парламентском заседании 20 декабря 1892 г. Наполеоне Колайанни (1847–1921), известный общественный деятель, социолог, выступил с разоблачениями. Впечатление было потрясающим. Было предложено парламентское расследование, но Джолитти предпочел административное, как более объективное. 30 декабря была создана комиссия во главе с сенатором Гаспаре Финали.

Арестовали Танлонго и кассира Римского банка, затем других. Парламент дал санкцию на арест одного депутата, подозреваемого в том, что он получил огромную взятку от банка, но депутат этот, Рокко ди Дзерби, внезапно умер. Предполагали самоубийство, но это не было доказано. В поезде был убит маркиз Нотарбартоло, бывший директор Сицилианского банка, позднее, после ухода с этого поста, выступивший с разоблачениями. Подозревали мафию, но так и не нашли концов. С исключительной энергией и дерзостью начал действовать Криспи. В этот момент он видел в Джолитти своего главного врага. Против Джолитти велись интриги и в королевском дворце.

Джолитти внес на обсуждение парламента 20 марта 1893 г. одновременно доклад комиссии Финали и законопроект о реорганизации банков. К докладу Финали был приложен запечатанный пакет со списком должников, которым банки по тем или иным причинам покровительствовали. Чтобы ознакомиться со списком, был назначен специальный комитет. Джолитти не возражал: он был убежден, что после проведенного административного расследования никому не удастся уйти от ответственности. Но 23 ноября комитет представил доклад, неблагоприятный для Джолитти. Он лично ничем не был скомпрометирован, но его обвиняли в том, будто он знал о содержании доклада Альвизи — Биаджини и скрыл это, а также что он содействовал назначению Танлонго сенатором, и т. д. Джолитти решительно опроверг все обвинения, но тотчас ушел в отставку, чтобы иметь возможность защищать себя, если понадобится, будучи простым депутатом, а не премьер-министром.

В архиве Джолитти сохранился «черновик неотправленного письма к избирателям», датированный, по-видимому, второй половиной ноября или первой половиной декабря 1893 г. Документ исключительно интересен. Он начинается сухим обращением «Избиратели!», в нем точно, подробно и убедительно излагается вся история с Римским банком (это тогда называли «моральный вопрос»). Джолитти пишет о том, как на него нападали и клеветали и как некоторые друзья удивлялись его равнодушию. А вел он себя так потому, что знал движущие мотивы клеветников: «Бывают порицания, делающие подвергающимся им людям честь; бывают похвалы, которых надо стыдиться»⁽¹³⁾.

На некоторое время Джолитти ушел в тень. Многие думали, что его политическая карьера окончена, и злорадствовали. У него были сильные и влиятельные враги, были явные и тайные недоброжелатели, но были и сторонники, верившие в его звезду и хранившие ему верность и в то время, когда формально он был всего лишь рядовым депутатом. Однако и в период внешней пассивности «человек из Дронеро» всегда был в фокусе, всегда был как бы

точкой приложения сил. Вокруг него клубились страсти и плелись интриги, против него замышлялись злобные заговоры. Но сам он с присущими ему хладнокровием и трезвостью судил о расстановке политических сил и действовал, как всегда, обдуманно. «Эра Джолитти» была впереди, до нее оставались считанные, но очень трудные для Италии, годы.

ТЕ ЖЕ ПЕРСОНАЖИ И ГЕНЕРАЛ ПЕЛЛУ

После того, как Джолитти ушел в отставку, к власти опять вернулся Франческо Криспи. Еще при Джолитти, в 1893 г., на Сицилии вспыхнуло мощное народное движение сицилианских фаши^[4], в котором участвовали крестьяне и рабочие серных рудников. В то время к Джолитти явились делегаты крупных сицилианских землевладельцев с требованием распустить фаши. Однако Джолитти был убежден, что волнения вызваны тяжелым положением на Юге, и, кроме того, был принципиальным противником крутых мер. После его ухода в отставку, «консервативные элементы, сплотившиеся вокруг Криспи, как вокруг своего человека, добились желаемого». Криспи и его окружение, отчасти и для того, чтобы отвлечь внимание от политических и моральных вопросов, связанных с банковскими скандалами, «были очень заинтересованы в том, чтобы преувеличить размеры опасности, дабы потом предстать в ореоле спасителей общественного порядка и существующих институтов»^[14].

Криспи уверял парламент (и, возможно, сам в это верил), что существует заговор, в котором замешаны французы и русские. Они хотят оторвать Сицилию от Италии и для этого провоцируют народные волнения, спекулируя на некоторых действительно имеющихся трудностях. Чтобы скомпрометировать движение, в ход было пущено все, от фальсификации документов до засылки провокаторов. Уже после того, как посланный на Сицилию с неограниченными полномочиями генерал Морра ли Лавриано жестоко подавил движение фаши, Криспи, под предлогом «борьбы с анархизмом», провел через парламент «исключительные законы», фактически направленные против социалистов и против всех демократических организаций. Это вызвало большое возмущение и сплотило идейных противников Криспи. Однако он удержался у власти: ему удавалось как-то гипнотизировать парламент.

Тем временем суд, к великому негодованию общества, полностью оправдал Танлонго и других обвиняемых по делу Римского банка, и Криспи решил, что настал благоприятный момент, чтобы свести счеты с Джолитти. Совершенно в духе мафии началось с предупреждения. Один депутат из окружения Криспи доверительно сообщил Джолитти, что если он прекратит свою оппозицию правительству, у него не будет никаких неприятностей. «Я ответил ему, — вспоминает Джолитти, — что никак не могу изменить свою линию поведения, так как она продиктована политической последовательностью, а не

личной враждой». После этого Криспи начал действовать. Были привлечены к ответственности полицейский комиссар Фельцапи и несколько чиновников, в свое время производивших обыски у Танлонго и компании. Их обвинили в том, будто они, действуя в интересах Джолитти, изъяли тогда ряд документов и скрыли их. При этом им дали понять, что все будет в порядке, если они дадут показания против Джолитти.

Чтобы организовать все это, Криспи привлек своего министра юстиции. Джолитти подробно пишет об этой истории: «Министр юстиции Календа деи Тавани нечаянно признался во всем. Перед лицом всего парламента, отвечая на запрос, он произнес фразу, ставшую знаменитой: «Надо было *preparare l'ambiente* (буквально: подготовить обстановку)»⁽¹⁵⁾. Ясно, что речь шла о большой инсценировке. Фельцани обратился к Джолитти за помощью, и тот, во-первых, дал формальное заявление для вручения следствию, а во-вторых, написал письмо королю. Изложив все обстоятельства, он дал свою оценку делу: «Меня лично все это не волнует, я могу доказать ложность любого из этих обвинений. Если я до сих пор воздерживался, то лишь для того, чтобы не вызывать еще большие скандалы, чем те, что уже произошли... Скандалное оправдание воров, укравших миллионы, к сожалению, создало нашей стране плачевную репутацию и показало неимущим классам, что в Италии уголовные законы не распространяются на крупных преступников. Теперь к этому добавляется доказательство, что в Италии не только оправдывают крупных преступников, но что они при помощи украденных миллионов могут заставить привлечь к судебной ответственности тех, кто их раскрыл, разоблачил и засадил в тюрьму»⁽¹⁶⁾.

Потом начался скандал со знаменитым «пакетом Джолитти», содержащим документы, компрометировавшие Криспи. Пакет этот Джолитти чуть не насильно передал парламенту. Криспи не допустил прений и устроил четырехмесячную «паузу» в работе парламента. Во время таких перерывов депутаты не пользуются парламентской неприкосновенностью, и Криспи хотел, воспользовавшись этим, привлечь Джолитти к суду все по тем же сфабрикованным обвинениям. Ничего из этого не вышло, Криспи распустил парламент, назначив выборы на 26 мая 1895 г. Несмотря на все ухищрения противников, Джолитти был избран вновь.

Новый состав парламента был довольно благоприятным для Криспи, но его репутация все же была подорвана. Тем временем приближались трагические события в Африке. Прежде эти дела словно отошли на задний план, но итальянские войска занимали африканские территории, дипломаты лавировали между враждующими племенами, т. е. практически на протяжении 1895 г. между Италией и Абиссинией с переменным успехом шла война.

Криспи слал из Рима приказы и контрприказы, в парламенте и в стране крепла оппозиция африканской политике правительства, но события в Эритрее развивались. Предсказать их зачастую было невозможно. 25 февраля 1896 г. Криспи послал губернатору Эритреи генералу Баратьери знаменитую телеграмму: «Это не война, а военная чахотка; мелкие стычки, в которых мы всегда уступаем противнику; безрезультатная трата героизма. Не будучи на месте, не могу давать советы, но констатирую, что кампания ведется без заранее

разработанного плана, и хочу, чтобы он был. Мы готовы идти на любые жертвы во имя спасения чести армии и престижа монархии»⁽¹⁷⁾. Войска были тогда сосредоточены вблизи Адуа. 1 марта итальянцы потерпели катастрофическое поражение в бою с армией Менелика II. Почти 5 тыс. человек было убито, множество ранено и взято в плен. Это было воспринято как величайший национальный позор. Перед лицом общего горя и обрушившегося на него презрения Криспи даже не пытался оправдаться. 5 марта 1896 г. он подал в отставку. Кончилась история одной диктатуры, кончилась драматично и бесславно. Приведем несколько суждений о Криспи. В корреспонденциях для газеты «Лейпцигер фолксцайтунг» Антонио Лабриола, современник событий, подчеркивая реакционный характер деятельности Криспи, писал: «...если Криспи хочет и дальше следовать по пути реакции...»; «...сам себя избравший диктатором Криспи...»; «...чтобы спасти честь, пардон, бесчестие Криспи...». Историк-марксист Раджоньери писал, что «империализм Криспи был непоследователен, а средства не соответствовали цели». Итальянский прогрессивный историк Джампьеро Кароччи заметил, что, несмотря на добрые намерения Криспи, его политика «привела лишь к тому, что общее положение радикально ухудшилось».

Яркий портрет Криспи дал Кроче. Хотя идеалом Криспи был Бисмарк, сам он не был деятелем такого масштаба. Но он фанатически верил в свое призвание. Если что-нибудь не выходило, виноватыми всегда оказывались другие. Случалось, его не просто обвиняли, но уличали в аморальности, например в двоеженстве⁽¹⁸⁾, но он каким-то образом всегда удерживался на политической авансцене. «Чего ждало от него общество?» — задает риторический вопрос Кроче. И отвечает: «Ничего, кроме так называемой энергии, и он со своей стороны не мог предложить ничего, кроме той формальной энергии, которой от него требовали». Криспи не был ни пророком, ни предтечей. «Он был политическим деятелем, не выходящим за рамки общества своего времени, связанным с силой и бессилием этого общества, с его желаниями и прихотями. Как и это общество, он мог следовать по определенным путям, колеблющийся и непоследовательный тогда, когда колебалось и было непоследовательным общество. В мыслях своих он как будто оставался верным идеям просветительства и Общественного договора, но, как часто происходит с такими абстрактно мыслящими людьми, его темперамент и действия были авторитарными»⁽¹⁹⁾.

Через пять лет после ухода с политической сцены Криспи умер, заброшенный и ненавидимый, сохраняя уверенность в том, что он все делал для блага родины, по враги Италии (и его личные враги) привели страну на край гибели. «Я не живу, я прозябаю, — писал он в 1897 г., — и когда я остаюсь один, а это бывает часто, мой ум подобен бурному морю, в котором мысли громоздятся и сталкиваются. Когда я думаю о том, что случилось, и все потому, что я служил своей стране, мне кажется, что я брежу».

После падения Криспи к власти вернулся маркиз ди Руди и и. Джолитти поздравил его и обещал поддержку «своих друзей». Опять, как и в первый раз, на ди Рудини возлагались некоторые надежды. Однако консервативное крыло Правой стало еще более влиятельным. В последние годы пребывания Криспи у власти острота «социального вопроса» неуклонно

возрастала, в центральных учреждениях и на местах царили беззакония, интриги и коррупция. Буржуазия вступила в полосу «большого страха», ибо народное недовольство проявлялось все более настойчиво и открыто. Идея «сильной руки», всегда присутствовавшая в правящих кругах, отнюдь не была забыта.

В новогоднем номере авторитетного журнала «Нуова антологиа» («Новая антология») (1897 г.) появилась статья «Вернемся к статуту». (Подразумевался так называемый Альбертинский статут — очень умеренная и консервативная конституция 1848 г.) Статья была подписана «Один депутат». Автор ее — крупный государственный деятель Сидней Соннино (1847–1922). Смысл сводился к тому, что парламентский режим в Италии совершенно дискредитирован и нужна «реорганизация всего государства». Хотя Кроче утверждал, будто Соннино не стремился к «цезаризму», явно имелся в виду какой-то вариант авторитарной власти. Программа Соннино была диаметрально противоположной той, которую еще в 1886 г. изложил перед своими избирателями Джолитти. Разным было все: мышление, отправная точка рассуждений, политические взгляды обоих деятелей.

К концу XIX в. бурно развивается итальянская промышленность. Вышли на международную арену промышленные гиганты. Рабочее движение, его политические и профсоюзные организации превратились в реальную силу, возросло влияние Социалистической партии. Усиливалось и влияние прогрессивного крыла католиков. Классовые противоречия неуклонно обострялись. Осенью и зимой 1897–1898 г. в связи с тяжелым экономическим положением во многих итальянских городах произошли массовые выступления трудящихся.

Кульминацией классовых битв явились майские события в Милане (1898 г.). Ди Рудини послал туда генерала Бава-Беккариса, дав ему такие же неограниченные полномочия, какие за несколько лет до того Криспи дал генералу Морра ди Лавриапо, подавившему движение сицилианских фаши. В городе были воздвигнуты баррикады, шли уличные бои, было много убитых и раненых. Король прислал Бава-Беккарису телеграмму и наградил его высшим орденом савойской династии «за вклад в спасение национальных институтов и цивилизации». Баррикадные бои продолжались пять дней. После событий в Милане состоялось 129 судебных процессов. По всей стране были произведены аресты, закрыты демократические газеты, распущены все организации, которые так или иначе могли показаться подозрительными и опасными.

Значение майских событий исключительно велико. Исследования последних лет дают основания предполагать, что весной 1898 г. буржуазия готовила самый настоящий государственный переворот с целью ликвидации конституционных норм. Известно, что ди Рудини подготовил проект соответствующего королевского декрета. Но, в то время как королева Маргерита и двор требовали крайних мер, король колебался. Историк-марксист Гастоне Манакорда пишет, что попытка ди Рудини перейти от эпизодических репрессий к постоянно-реакционному режиму глубоко видоизменила взаимоотношения между государством и гражданами.

Католический историк Габриэле Де Роза точно оценил майские события: в громе выстрелов генерала Бава-Беккариса «кончилась традиция умеренной политики, подозрительной, замкнувшейся в аристократической защите ценностей Рисорджименто, не подготовленной к тому, чтобы считаться в фактических масштабах государства с большими силами рабочего и крестьянского протеста. Два страха господствовали отныне над умами либерального правящего класса, льстивого, солдафонского, больного авторитаризмом». Это был страх перед социалистами и перед непримиримыми католиками, «которые отказывались прийти на помощь умеренному либеральному строю, словно только и ждали его гибели»^[20].

Джолитти, иронически замечая, что правительства ди Рудини казались настоящим калейдоскопом — так часто он заменял одних министров другими и «штопал прорехи», пишет, что, пытаясь удержаться у власти после майских событий, маркиз произвел очередное *rimpasto*^[5], по ему удалось оттянуть крах только на 23 дня. Потеряв большинство в парламенте, ди Рудини ушел в отставку, и на этом его политическая карьера навсегда закончилась. Характеризуя период, когда Криспи и ди Рудини попеременно сменяли друг друга, Джолитти заметил, что вне зависимости от намерений и заявления все это, по-существу, было попыткой найти консервативное и реакционное решение затяжного материального и морального кризиса, переживаемого страной. Консерваторы были настолько охвачены паникой после майских событий в Милане, что вообще не понимали, как глубоко перемены, происшедшие в общественном сознании. Много лет спустя Пьеро Гобетти (1901–1926), один из самых ярких представителей либеральной мысли, беспощадно и гневно писал об эволюции Исторической Правой: «Она превратилась в изворотливую партию неофитов, осуществлявшую свои опекунские обязанности, обманывая подданных разными фокусами и сделками в социальной области»^[21].

Джолитти с большим возмущением писал о тех политиках конца XIX в., которые хотели, чтобы их считали духовными преемниками и наследниками Исторической Правой и графа Кавура. Он писал: «Ссылаться на имя Кавура для того, чтобы проводить реакционную политику, нарушая свободы, значило предпринимать самую дерзкую попытку фальсификации истории»^[22].

После падения ди Рудини правительство возглавил генерал Луиджи Пеллу (1839–1924), пользовавшийся репутацией одного из наиболее либерально настроенных военных, в частности потому, что отказался во время волнений 1897–1898 гг. ввести осадное положение в Бари, где он тогда командовал округом. Придя к власти, он не только обещал провести некоторые реформы, но и кое-что сделал: вновь стали выходить левые газеты, были восстановлены распущенные организации и т. д. Мемуаристы подчеркивают честность и лояльность Пеллу, однако довольно скоро он «перешел на другие рельсы». 4 февраля 1899 г. генерал представил парламенту проект «исключительных законов», которые фактически уже проводил.

Нет единого мнения в анализе причин неожиданных перемен в политике Пеллу. Джолитти считал, что генерал уступил давлению и запугиванию со стороны наиболее консервативных

парламентариев и, возможно, сам находился под впечатлением того, что, несмотря на репрессии 1898 г., рабочее и социалистическое движение продолжало распространяться по всей Северной Италии. Некоторые исследователи пишут, что Пеллу «недоставало широты взглядов», другие — о влиянии Соннино и двора. Факт тот, что большинство парламентариев не желало более мириться с авторитарными методами, конфликты между Пеллу и депутатами становились все ожесточеннее.

В апреле 1900 г. депутаты Эстремы демонстративно покинули зал заседаний, а левый центр пригрозил, что поступит так же, если правительство Пеллу «не прекратит свою тиранию». Образовался широкий оппозиционный блок: объединились Эстрема и левое крыло либералов. Попытка Пеллу ограничить права парламента показывала, что он исходит из концепции, изложенной в статье Соннино, т. е. из «манифеста консерваторов». Не только депутаты, но и активная часть общественного мнения возражала против политики генерала. Пришлось назначить новые выборы, и, когда стало ясно, что Пеллу дискредитирован, в июне 1900 г. его кабинет ушел в отставку.

Манакорда так характеризует этот исторический период: «Отныне в центре политической борьбы между правительственными партиями оказывается дилемма: какую позицию занять по отношению к организованному рабочему движению. Классовая борьба вошла в парламент как компонент борьбы за власть. Не потому, что возникла альтернатива перехода власти к небуржуазным силам (даже социалисты об этом и отдаленно не помышляли), а потому, что перед правительственными партиями возникло два возможных варианта отношения к классовой борьбе. Выбор шел между реакцией и узаконением социализма в рамках конституционной монархии, что повлекло бы за собой такое же решение по отношению к организованному католическому движению». И дальше: «Отныне в стане реакции встречаются (независимо от соперничества в борьбе за власть) все те, кто считает «красных» и «черных» противников стоящей у власти буржуазии врагами нации, все те, кто усматривает в движении народных масс, руководимых католиками или социалистами, покушение на Рисорджименто И они отвергают этих «врагов существующих институтов, захлопывают перед ними дверь. Другая партия, персонификацией которой явится Джолитти, будет, напротив, стремиться абсорбировать всякую внеконституционную оппозицию в рамках либеральных институтов, предлагая классовой борьбе другой выход»^[23].

Создание переходного правительства после падения Пеллу было, быть может, неизбежным. Премьером был назначен 80-летний председатель сената Джузеппе Саракко, человек безликий, стоявший на умеренно консервативных позициях и «уважавший законы», Назначение его свидетельствовало о некоторой растерянности: видимо, король понимал необходимость изменения методов управления страной. Но через несколько недель после назначения нового премьера король был убит.

Это произошло 29 июля 1900 г. в г. Монца, куда Умберто I приехал взглянуть на спортивные состязания. Он возвращался в открытой коляске. Неожиданно из толпы к коляске приблизился молодой человек и выстрелил из револьвера три или четыре раза.

Король скончался через 15 минут. Стрелявший в него Гаэтано Бреши, анархист, приехал из США специально для того, чтобы «отомстить за многие несправедливости». Известны протоколы судебного заседания и отклики печати. Бреши был 31 год, его описывают как красивого, очень уверенно державшегося человека. Говоря о мотивах убийства, он упомянул о репрессиях на Сицилии и в Милане. В ответ на замечание председателя суда, что репрессии осуществляло правительство, Бреши возразил, что король подписывал соответствующие декреты: «Я хотел отомстить за жертвы; кроме того, я хотел отомстить за самого себя, из-за тяжелой жизни вынужденного эмигрировать. Когда в Патерсоне (США, штат Нью-Джерси. — Ц. К.) я прочел о событиях в Милане, где даже стреляли из пушек, я плакал от ярости и стал готовиться к вендетте. Я думал о короле, который награждал тех, кто осуществил эти побоища, и пришел к убеждению, что он застуживает смерти. Никто не внушал мне этого. У меня не было сообщников. Более того, за шесть месяцев до отъезда я вышел из всех политических организаций, чтобы чувствовать себя более свободным»^[24]. В Италии не было смертной казни, и Бреши приговорили к заключению. По официальной версии он повесился в тюрьме 22 мая 1901 г. Кто знает, было ли это самоубийством? Помимо осуждения Гаэтано Бреши, репрессий в стране не было. Через несколько недель после вступления на престол Виктор Эммануил III, сын убитого короля, заявил, что он намерен восстановить мир внутри страны и добиться «единения всех людей доброй воли». Это было прелюдией к «эре Джолитти».

ДУХОВНАЯ АТМОСФЕРА ПОСТРИСОРДЖИМЕНТО

Несколько поколений патриотов, участников движения Рисорджименто, политически сражались под разными знаменами, но все они сходились на центральной *идее нации*. В это понятие разные люди вкладывали различный смысл, но все верили в то, что у новой Италии есть особая всемирно-историческая миссия. Во время Рисорджименто авангардной силой была интеллигенция. Потом наступил период, называемый Пострисорджименто. «Интеллектуалы — участники движения Рисорджименто больше всех других способствовали созданию в высшей степени идеализированного облика этого движения. Именно поэтому они сильнее всех ощущали, что новое объединенное государство не соответствует пламенным надеждам недавнего прошлого»^[25]. Объединенная Италия перестала быть мечтой и превратилась в реальность. Однако реальность не всегда совпадала с тем образом, который рисовали себе люди, боровшиеся за воплощение в ней своих идеалов.

Современный философ-марксист Альберто Азор Роза высказывает мысль, что в годы борьбы за объединение некоторая расплывчатость идеологии Рисорджименто способствовала сближению позиций различных групп. Но позднее, когда цель была

достигнута, наступили отрезвление и разочарование. Характерно письмо, которое знаменитый поэт Джозуэ Кардуччи (1835–1907), республиканец и гарибальдиец, кумир интеллигенции и молодежи, впоследствии ставший консерватором, адресовал другому видному деятелю Рисорджименто, известному литератору и организатору культуры Арканджело Гислерп: «Кажется ли вам прекрасной эта Италия? Я лично не считаю ее прекрасной, но, чтобы не вносить горечь в сердца других, молчу и буду молчать...».

Процесс переоценки ценностей Рисорджименто, охвативший интеллигенцию, был длительным. Напомним, что в период объединения Италии политические институты в большинстве европейских стран были либеральными, и, несколько обобщая, можно сказать, что господствующей политической философией была либеральная и демократическая философия, исходившая из бессмертных принципов Великой французской революции: свобода, равенство, братство. Капитализм в ранней стадии своего развития политически ориентировался именно на либеральную доктрину. На практике, разумеется, идеология чистого либерализма (Азор Роза предлагает термин «абсолютный либерализм») может развиваться как в сторону демократического, так и в сторону консервативного либерализма. В Италии после объединения существовали две тенденции: либеральная и демократическая. Но внутри каждой из них были многочисленные оттенки, а в процессе исторического развития происходили сложные изменения.

Приведем еще одно письмо, которое известный экономист и политический деятель Маффео Пангалеони (1857–1924) отправил Наполеоне Колайанни. (Мы говорили о нем в связи с банковскими скандалами.) Письмо звучит как настоящий манифест. Рефрен — горький упрек окружающему: где настоящие люди? «Где те, кто хочет свободы мысли и действия (только не преступного) *для всех*: для священника и для анархиста, для реакционера и для поборника прогресса? Скажем конкретнее: где те, кто одновременно признает свободу преподавания, устройство школ для священников, свободу ассоциаций, собраний, печати, любой пропаганды для социалистов? Где люди, которые не желают пользоваться поддержкой государства *для себя* и использовать государство против своих врагов?» Государство должно осуществлять репрессии только против уголовных преступников. Закон должен быть одинаковым для всех, от короля до уборщика мусора. «Где же те, кто хочет свободы и независимости для каждого отдельного гражданина, которому должна быть предоставлена возможность пожинать плоды, хорошие либо плохие, его собственных действий?»⁽²⁶⁾

Энергия и горечь этого письма (личные письма часто красноречивее текстов для печати) показывают настроения той части итальянской интеллигенции периода Пострисорджименто, которая вне зависимости от партийной принадлежности была глубоко предана либерализму как философской этической доктрине. Маффео Панталеони не был ни католиком, ни социалистом, он отстаивал идею свободы для всех. И людей, подобных Панталеони, было немало. Это были люди, родившиеся в конце 50-х годов и, следовательно, сформировавшиеся вне духовной атмосферы Рисорджименто. Они не были связаны иллюзиями, мифами и риторикой героического прошлого, не были романтиками и

чуждались абстракций. В философском смысле их поколение отошло от идеалистической философии и подняло на щит позитивизм, прощая ему все наивности и упрощения за его серьезность и тягу к конкретному.

Эти люди верили в прогресс и хотели основательных реформ. Авторитетные социологи и экономисты проводили обследования и получали объективную картину общества — картину, которая не могла обнадеживать: безграмотность, слабое развитие промышленности, отсталое сельское хозяйство, использование детского труда, исключительно низкий уровень жизни народных масс. Люди, о которых мы говорим, уважали данные науки. Их критика существовавшей системы была, как выразился один итальянский автор, одновременно научной, политической и моральной. Они никак не могли считать свою Италию «прекрасной».

В эти годы повышенного интереса к социологии и общественной психологии позитивизм в равной мере оказывал влияние и на буржуазную интеллигенцию, и на социалистов «второго поколения»^[6]. Современный философ Эудженио Гарэн писал, что у позитивизма была большая заслуга: он предложил тем группам интеллигенции, «которые осуществили объединение в борьбе с церковью, хорошую, выглядевшую вполне респектабельно замену традиционной религии»^[27].

Что касается социалистов, то большинство руководителей основанной в 1892 г. Социалистической партии тоже воспитывались на философии позитивизма. Правда, философ и мыслитель Антонио Лабриола (1842–1904), которого называют первым итальянским марксистом, в своих теоретических трудах и лекциях яростно боролся с позитивизмом. Но Лабриола предпочитал оставаться «философом партии» и не принимал участия в ее практической деятельности. Итальянский социализм с самого начала носил ярко выраженный эволюционистский и гуманитарный характер. Однако идеи научного социализма, которые утвердились в общеевропейской политической мысли в особенности на протяжении 1870–1880 гг., имели огромное значение и для Италии. Кульминация приходится на пятилетие 1890–1895 гг., когда Энгельс с поразительным тактом и терпением руководил итальянским социалистическим движением.

Самим фактом своего существования социалистическая мысль требовала от буржуазии и ее идеологов, от буржуазной интеллигенции, чтобы те со своей стороны предложили обществу свою систему ценностей. И не только в решении социальных и экономических вопросов. Политически вполне понятно, почему Джолитти рассматривал трансформизм как неизбежность. И, конечно, правы те, кто рассматривает трансформизм не как обособленный феномен, а как завершение длительного и сложного процесса.

Но подойдем к трансформизму с другой точки зрения, подумаем о психологическом моменте. В атмосфере возраставшего разочарования («кажется ли вам прекрасной эта Италия?») интеллигенция не могла воспринимать трансформизм иначе как беспринципность, как отказ от каких-то идеалов. Трансформизм означал, что старые политические формулы утратили свой вес и смысл, что на смену «благородному идеализму» пришла достаточно неприглядная с моральной точки зрения практика

эклектизма — синоним, предложенный Кроче. Потом, как мы знаем, началась полоса авторитарного правления, «криспизма». Затем банковские скандалы, годы, когда, как писал много лет спустя Луиджи Пиранделло, «с небес Италии падала грязь». По свидетельству современного историка Франко Каталано, в последнем десятилетии XIX в. самоубийства, особенно в среде интеллигенции, «стали подлинной социальной проблемой».

Кроче писал, что в те годы образованное итальянское общество, в частности молодежь, испытывало чувство глубокой неудовлетворенности и тоски. Не было ясных целей, не было уверенности в средствах для достижения даже ограниченных целей, не было *идей*. Вот почему, считает Кроче, началось увлечение доктриной социализма. До начала последнего десятилетия XIX в., писал Кроче, «интеллигенция слабо разбиралась в различиях между демократическим и республиканским революционаризмом, анархическими или иными утопиями, гуманитарным социализмом. Все это находилось в компетенции людей, которые, несмотря на апостольский энтузиазм, а также на известное интеллектуальное превосходство некоторых из них, все же находились в отрыве от подлинной национальной и культурной жизни»⁽²⁸⁾.

Потом, однако, положение решительно изменилось благодаря деятельности Антонио Лабриолы и развитию социалистической мысли и социалистической печати (в частности, журнала Турати «Критика социале» и основанной в конце 1896 г. газеты «Аванти!» («Вперед!»)). В том же году была проведена анкета об отношении к социализму, охватившая 194 деятеля культуры: 105 писателей, 63 ученых, 26 художников. Безоговорочно *за* социализм высказалось 110 человек, *за* с оговорками — 54 и только 30 — *против*. Год спустя неаполитанская Академия Понтиниана обсуждала на конкурсе монографию, посвященную третьему тому «Капитала». Не следует, впрочем, забывать, что существовал и некоторый момент «моды», существовал «сентиментальный социализм». Это, впрочем, тоже надо рассматривать как явление общественной психологии.

Важно то, что в эти годы именно Социалистическая партия выступает как носитель высоких этических ценностей. Деятели этой партии импонировали даже идейным противникам своей серьезностью, компетентностью, бескорыстием, самоотверженностью. Приведем лишь два примера. 31 декабря 1891 г. Вильфредо Парето (1848–1923), видный социолог и экономист, пишет Колайанни: «Я не социалист и сожалею об этом». Второй пример: 16 апреля 1897 г. Папталеоли писал, что ему хотелось бы созвать в Швейцарии конференцию, посвященную изучению взглядов итальянских социалистов. Это дань восхищения и доказательство морального престижа, которым пользовались социалисты.

Серьезные представители итальянской буржуазной интеллигенции, стоявшие на совершенно иных позициях, с большим вниманием и интересом относились к социалистической альтернативе. Азор Роза справедливо считает, что самый факт существования Социалистической партии ставил задачу создания буржуазных партий нового типа по сравнению с политическими объединениями Рисорджименто и Пострисорджименто. Возникла также необходимость разработки таких «культурных постулатов» (термин Азор Розы), которые в наибольшей степени соответствовали бы

веяниям времени. По мысли Азор Розы, ситуация, возникшая в Италии в конце XIX в., — «классический пример того, как политика определяет культуру». Пока оппозиция правящим классам не была организованной, господствующие политические и культурные круги могли позволить себе роскошь оставаться разрозненными. Но когда эта оппозиция стала реальной силой, возникла необходимость выработать общую платформу, или, иными словами, «комплекс постулатов».

Все это происходило в годы, когда в Италии впервые в истории страны в политическую жизнь входят широкие народные массы со своими нуждами, требованиями и правами, входят не как некая «стихия», а как сознательная и хорошо организованная сила. Структура общества меняется на глазах. Возникает современная индустрия, растут противоречия между трудом и капиталом. Авторитарное правление показывает хрупкость понятия чистого либерализма и одновременно несостоятельность «авторитарной гипотезы». Кроме того, пишет, что люди, называвшие себя наследниками Исторической Правой, на самом деле были антилибералами и просто реакционерами. «Официальная философия» никогда не опускалась так низко, как в последнем десятилетии века, а некоторые «вообще не понимали, что существуют законы истории».

В годы банковских скандалов, паразитизма и коррупции, в атмосфере антипарламентской полемики появился теоретик, которому предстояло стать одним из идеологов консервативного крыла либеральной партии. Это сицилианец Гаэтано Моска (1858–1941). Он происходил из среднебуржуазной, традиционно-либеральной семьи, учился на юридическом факультете Палермского университета и в 1881 г. защитил диплом, посвященный национальному вопросу. Позднее известный историк Федерико Шабо писал, что Моска заходил очень далеко, размышляя о природе и функции войн, и настаивал «на грубой силе как на одном из главных факторов для образования наций».

Через три года Моска пишет первую важную работу — «Теория правительств и парламентское правление», в которой были заложены идеи, которые он разовьет позднее. Редактор тома произведений Моски, озаглавленного «Закат либерального государства», Антонио Ломбардо, утверждал, что опубликование этой работы является «свидетельством рождения современной итальянской политической науки». Уже в этой работе Моска употребил термины, ставшие знаменитыми: *политический класс* и *политическая формула*. Политический класс — это синоним руководящего класса. «Теория политического класса исходит из того, что внутри общественных формаций любого типа существует организованное меньшинство, которое сосредоточивает власть в центрах, принимающих эффективные решения, Политическая формула — это соединение идеологий, верований и мифов, которые политический класс «производит» как основы политической и социальной структуры, чтобы оправдать свое господство над обществом в целом»^[29]. Иначе говоря, народ в массе своей не в состоянии сам управлять собой и нуждается в руководстве. Но и господствующие классы неоднородны: в разные исторические периоды они по-разному осуществляют свою власть. Отсюда родилось понятие политической формулы, которое,

если расшифровать его, означает: каким образом, при помощи какой идеологии и каких комбинаций господствующий класс осуществляет управление обществом.

Современный философ Норберто Боббио считает, что в произведениях Моски налицо «строгая позитивистская убежденность в реформаторских возможностях научных познаний», что Моска неизменно стремился к научно обоснованной политике и что его понимание политической науки было позитивистским. Однако позитивизм Моски не был наивным позитивизмом некоторых философов. На протяжении восьми лет (1887–1895 гг.) Моска, если не считать нескольких рецензий и одной статьи, подписанной псевдонимом, не занимался научной работой. Он последовал за своим другом и покровителем ди Рудини в Рим и посвятил себя государственной деятельности. Но именно в эти годы кристаллизовались его идеи. Он отнюдь не хотел простого возврата к идеалам Исторической Правой. Во-первых, он принадлежал к другому поколению. Во-вторых, этот пессимист, «последний ученик Макьявелли», глубоко и холодно анализировал перемены, происходившие в обществе. Видимо, в конце века Моска хотел предложить консервативному крылу либеральной буржуазии политическую программу, которая позволила бы ей противостоять как возрастающему влиянию социалистов, так и линии Джолитти. Наиболее зрелая работа Моски — «Элементы политической науки» — вышла в 1896 г.

Неверно было бы представлять себе Моску одиноким мыслителем. Критика парламентской системы в Италии в те годы систематически велась несколькими журналами. Сама теория политической формулы вписывается в общеевропейскую панораму консервативной реакции, начавшейся после разгрома Парижской коммуны, когда стали разрабатывать «антиякобинские» идеологические системы.

Видным идеологом итальянской буржуазии, оказывавшим очень большое влияние на развитие общественной мысли, был Вильфредо Парето. По образованию математик и инженер, он был одним из самых авторитетных экономистов и помещал в «Джорнале дельи экономисти» блестящие аналитические статьи. Оскорбленный тем, что в Италии ему не предложили университетской кафедры, Парето в 1893 г. уехал в Швейцарию. Его работа «Курс политической экономии» и многие другие вышли на французском языке. Он преподавал в Лозаннском университете, а потом поселился вблизи Женевы, продолжая, однако, живейшим образом интересоваться итальянскими делами.

Если Моску можно уверенно назвать консерватором, то Парето в этот период своей жизни был либералом радикального склада. Он стоял за развитие «позитивных отношений с социалистическим движением», печатался в «Аванти!». В его письме к Колайанни, которое мы цитировали, была важная мысль: «Мне кажется, что экономисты и социалисты могли бы пройти часть дороги вместе, чтобы противостоять хитростям наших правителей». Попробуем изложить в самых общих чертах суть политической теории Парето. История, по мнению Парето, состоит из циклов. В каждом цикле должно существовать определенное социальное равновесие. Постоянно действующими факторами являются *residui* и *derivazioni*. Если перевести буквально, это «остаточные элементы» и «производные

элементы». Историк-марксист Паоло Алатри определяет первые как «инстинкты, чувства, интересы, коренящиеся в самой природе человека», а вторые как «стремление найти рациональное объяснение первым». Скажем иначе: в первом случае речь идет о реальных, в значительной степени иррациональных движущих силах, а во втором случае об идеологиях, цель которых «прикрывать», как выражается Алатри, эти движущие силы.

Парето признавал, что движущей силой истории является борьба классов, но его понятие «класс» в корне отлично от марксистского. Он отрицал значение того, кому принадлежат средства производства, отрицал определяющую роль экономического и социального положения людей. Марксистской теории классовой борьбы Парето противопоставлял теорию элиты, т. е. господства избранного меньшинства над подчиненным большинством (это фактически совпадает с понятием политического класса у Моски). Элиты, по Парето, сменяют одна другую и видоизменяются в соответствии с происходящими общественными изменениями. Однако при всех условиях элиты занимают руководящее положение, и те, кто относится к элите, должны обладать особыми психологическими свойствами. Так, они пользуются силой и хитростью — в ином случае они не могли бы осуществлять свою власть. При этом огромное значение имеет подсознание. Алатри пишет: «Изучение подсознательного, того, что движет людьми независимо от их осознанных намерений и программных заявлений, проходит через все исследования Парето. Хотя политические теории и политические интересы всегда были у Парето преобладающими, они лишь часть, хотя и главная часть, его исследований»^[30].

Развивая свою теорию, Парето писал, что аристократы могут быть элитой при условии, что они сохраняют свою способность оставаться руководящим классом. Но если они не могут или не желают больше бороться за свое господство, как это было, например, с французской аристократией в конце XVIII в., они автоматически перестают быть элитой.

Можно ли считать Парето позитивистом? Если, как это делает Гарэн, рассматривать позитивизм как метод познания, прежде всего стремящийся к конкретности, то Парето был позитивистом. И Моска, и Парето, и многие другие ученые того времени очень серьезно работали и способствовали проникновению позитивизма в разные отрасли естественных и общественных наук. Но в то же время они, как считает Азор Роза, своей деятельностью приводили «к медленной коррозии позитивистской мысли». Позитивизм все менее мог считаться общим мировоззрением, все больше — только методом. Это было связано и с другими моментами в развитии итальянской общественной мысли в конце XIX — начале XX в.

НАЧАЛО «ЭРЫ ДЖОЛИТТИ»

Вскоре после того, как король Умберто I был убит, Сидней Соннино выступил (на этот раз не под псевдонимом) с новой программной статьей. Он призывал к созданию сильного

государства, управляемого сильным правительством. Основная идея заключалась в том, что необходимо создать единую партию, которая смогла бы объединить консервативные и либеральные силы, верные савойской династии и способные противостоять Эстреме. У Соннино было немало единомышленников. Для того чтобы яснее понять изнанку итальянской политической жизни, обратимся к трехтомному личному архиву Джолитти, охватывающему 40 лет.

Это увлекательное чтение. Множество депутатов, журналистов, министров, личных друзей или сторонников Джолитти пишут ему конфиденциальнейшие письма, сообщают факты, раскрывают большие и маленькие секреты, информируют о случаях, гипотезах, состоянии общественного мнения, дают оценки людей и событий. Нередко информация противоречива, корреспонденты Джолитти не очень любят друг друга. Мы видим, как строятся сложные комбинации, заключаются сделки, принимаются решения. Первый том архива охватывает период с 1885 по 1900 г. Масса персонажей и группировок — Левая, Правая, левый центр, правый центр, Крайняя Левая, Крайняя Правая — настоящий калейдоскоп. Ди Рудини большей частью кажется почти пешкой, о Криспи пишут с ненавистью и презрением («криспизм»), но в то же время в одном сверхконфиденциальном письме находим рассуждение: если бы Джолитти и Криспи (в тот момент уже противники) могли объединиться... Еще в 1898 г. в качестве возможных преемников ди Рудини назывались Соннино и Саракко.

Второй том архива охватывает 1901–1909 гг. Но еще 24 июня 1900 г. один из корреспондентов, Томмазо Сенизе, пишет Джолитти: «Я не знаю, какова будет твоя линия по отношению к новому министерству. Конечно, Саракко и некоторые другие, входящие в него, не могут отвечать нашим идеалам. Но будем приветствовать Саракко, если его приход означает возврат к добрым конституционным нормам»^[31]. Однако через неделю тот же Сенизе отправляет Джолитти новое конфиденциальное письмо, сообщая, что правительство продержится очень недолго. Но, поскольку оно пока живо, «надо хорошо организовать с тем, чтобы быть вполне подготовленными к моменту вскрытия завешания».

Письма, которые Джолитти получал в то время, свидетельствуют об очень сложных политических интригах. Его заверяют, что новый король — действительный либерал и ни в коем случае «не пойдет вправо». Взвешиваются шансы самого Джолитти, и большинство друзей рекомендуют ему не претендовать сразу на пост премьера, а сначала войти в новый кабинет в качестве, например, министра финансов. Среди возможных кандидатов в премьеры называют старого либерала Джузеппе Дзанарделли (1826–1903), пользовавшегося уважением. Но по всему видно, что час Джолитти приближается. 23 сентября 1900 г. туринская «Стампа» («Печать») публикует письмо Джолитти, в котором содержится аргументированная критика всей политической концепции Соннино. Письмо вызывает восторженную реакцию не только левого крыла либералов, но и всех, кто опасался крайне консервативного курса. Среди множества поздравительных писем есть также письмо ди Рудини.

Политический кризис разразился очень быстро, после того как в конце 1900 г. генуэзский префект по указанию Саракко распустил Палату труда. В Генуе вспыхнула забастовка, оказавшаяся в центре внимания всей страны. Волнения происходили и в других городах. Во время парламентских прений Джолитти произнес речь, которая на много лет определила его будущую правительственную политику, стала идеологическим обоснованием «эры Джолитти». Это было 4 февраля 1901 г. Джолитти привел много примеров того, как вели себя власти во время трудовых конфликтов. Он утверждал, что это не только несправедливость, но и слепота, ибо признание законных интересов трудящихся отвечает интересам самого государства. Речь Джолитти отличалась безупречной аргументацией: «Рабочий класс отлично знает, что от реакционного правительства не может ждать ничего, кроме гонений. Это касается и его борьбы против капитала в защиту своих интересов и налоговой системы. Никакое реакционное правительство никогда не согласится с реформой налоговой системы в пользу менее имущих классов. И если понадобятся деньги, реакционное правительство увеличит цену на соль, увеличит пошлины на зерно и другие продукты, но никогда не вознамерится обложить специальным налогом имущие классы»^[32]. В воспоминаниях Джолитти подробно рассказывает о том заседании парламента, о «комических маневрах» группы Соннино, которые закончились провалом. Правительство Саракко, получив вотум недоверия, ушло в отставку. Победили, таким образом, леволлиберальные группировки. «Отныне стало неизбежным формирование либерального министерства. И поскольку самым видным из либералов был Дзанарделли, его имя было названо единодушно»^[33].

Дзанарделли просил Джолитти занять пост министра внутренних дел, и тот согласился. Фактически он направлял всю политику, но формально стал премьером только в ноябре 1903 г., когда Дзанарделли тяжело заболел и ушел в отставку. Джолитти считал, что в Италии существуют три настоящие политические силы: клерикальная, социалистическая и конституционная. Социалисты организуют пролетариат и руководят им. Многое из того, что они обещают народным массам, невозможно выполнить, и самые умные социалисты понимают, что все это — дело лишь далекого будущего. Тем не менее авторитет и влияние социалистов растут. Движение народных масс будет неуклонно крепнуть, ибо оно «происходит во всех цивилизованных странах и основано на принципе равенства между людьми». А поскольку никто не сможет помешать народным массам завоевать свою долю политического и экономического влияния, многое будет зависеть от поведения «конституционных сил». Джолитти прекрасно понимал, что лишь решительное изменение политики сможет сохранить конституционную монархию в новых исторических условиях, в противном случае почти неизбежна катастрофа.

Эту конституционную монархию многие итальянские историки называют «социалистической монархией». Кароччи, автор считающейся классической книги «Джолитти и джолиттианская эра», пишет: «Так называемая джолиттианская система, рассматриваемая в целом, базировалась на двух видах молчаливого сотрудничества: между промышленниками и рабочими, между правительством и социалистами. Этот второй вид

сотрудничества был не только политическим осмыслением и выражением первого, но и чем-то более обширным. Он включал в себя и социалистические цитадели в Паданской низменности с их кооперативами, социалистической администрацией в местных муниципалитетах и также — хотя это было труднее — с государственными служащими-социалистами. Юг, по существу, из всего этого был исключен»^[34].

Кароччи пишет, что было еще два очень важных компонента «джолиттианской эры». Во-первых, парламентское консервативное большинство, представляющее главным образом Юг. Во-вторых, возраставшая поддержка организованных католических сил (мы об этом будем говорить дальше). «Эти два элемента как бы служили противовесом сотрудничеству с социалистами». Пользуясь ими, особенно первым, Джолитти умел добиваться желаемого. Кароччи признает, что это несколько схематично. Однако главные факторы определены точно.

Мы, говоря об «эре Джолитти», будем группировать материалы по возможности тематически, придерживаясь этих определений. Основные темы: социалистическое движение, католическое движение, националисты, культура в эпоху Джолитти. Разумеется, эти темы так или иначе связаны между собой, но все-таки известная условность налицо. Кроме того, неизбежны некоторые «темы внутри темы», например проблема меридионализма, с которой мы сейчас и начнем.

Меридионалистами называют людей, ведущих борьбу за разрешение сложных проблем итальянского Юга, — Meridione. Среди таких людей были (есть и сегодня) политики, социологи, экономисты, историки, представители творческой интеллигенции. В описываемое время среди меридионалистов были и консерваторы, и либералы, и левые. Особое место занимал Гаэтано Сальвемини (1873–1957), который примкнул к Социалистической партии во время движения сицилианских фаши. В конце века вышла его книга «Южный вопрос». Центральная идея заключалась в том, что единственной силой, способной нанести поражение реакции, является союз промышленных рабочих Севера с крестьянами и сельскохозяйственными рабочими Юга. По убеждению Сальвемини, органическое слияние меридионализма и социализма должно стать главной и решающей силой итальянской революции. Вскоре после выхода в свет книги Сальвемини в социалистической печати вспыхнула жестокая полемика. Ту-рати противопоставил идее Сальвемини другую — он основывался на первостепенном значении Севера и промышленного пролетариата. Это, по убеждению многих исследователей, в частности Манакорды, отражало реально существовавшее тогда в Италии соотношение сил. Неверно было бы сказать, что социалисты в то время вообще игнорировали Юг. Партия решительно поддержала движение сицилианских фаши. Она уделяла много внимания крестьянскому движению. Во множестве деревень, в то время как священники проклинали социалистов-агитаторов с амвона, крестьяне забрасывали камнями этих агитаторов. Но потом в тех же самых деревнях создавались лиги и кооперативы, а органы местного самоуправления таким образом оказывались под безраздельным влиянием социалистов.

Но все-таки Турати считал, что на какой-то период оказывается необходимой временная гегемония более передовой части населения над более отсталой. Поэтому «союз с прогрессивным крылом буржуазии, к которому стремился Турати, исключал всякую другую альтернативу. И эти две позиции (Сальвемини и Турати. — *Ц. К.*), определившиеся уже на заре века, оставались, по существу, неизменными на протяжении десятилетий и еще дольше, вплоть до того времени, когда после войны принцип союза между рабочими Севера и крестьянами Юга станет основой коммунистической доктрины о движущих силах революции»^[35]. (Манакорда имеет в виду знаменитую рукопись Антонио Грамши «Некоторые аспекты южного вопроса»).

Современный историк-марксист Джулиано Прокаччи, анализируя структуру рабочего и крестьянского движения, приводит много статистических данных, сравнивает положение в промышленных и аграрных центрах, вскрывает внутренний механизм организованных стачек, рисует картины спонтанных выступлений рабочих и батраков, неизменно говоря о психологии народных масс. Прокаччи пишет о силе и слабости итальянского рабочего движения в начале века. Силой он считает участие в этом движении различных социальных слоев, различных групп, тягу к единству и к солидарности. Слабость, по его мнению, заключалась в том, что часто не удавалось найти наилучшие политические формы для достижения этого единства.

Рабочее движение в Италии, как в городе, так и в деревне, развивалось под знаком реформизма. Суть реформизма вообще и итальянского в частности сводится к тому, что социализм является конечной целью, которой можно достичь постепенно, путем кропотливой работы в массах, путем реформ. Отличительной чертой итальянского социалистического движения на протяжении нескольких десятилетий был его гуманитарный и эволюционистский характер. Прокаччи дает исчерпывающие сведения: реформисты были организаторами и руководителями многих палат труда, отраслевых профсоюзных объединений, крупных крестьянских федераций, кооперативов^[36]. В 1901 г. была создана первая в Европе федерация работников земледелия — Федертерра. Она сразу объединила 704 лиги и около 150 тыс. человек, преимущественно батраков. В первые годы XX в. число бастовавших батраков превышало даже число забастовщиков на промышленных предприятиях. Прокаччи показывает и многообразие форм крестьянского движения — от «классических батрацких организаций» на Севере до «крестьянских братств» на Юге, в Романье. Он приводит и свидетельство Наполеоне Колайанни, что в Италии «идеи мирного, эволюционистского социализма» исключительно быстро распространялись в деревнях — иногда даже быстрее, чем в среде промышленного пролетариата.

Вскоре после знаменитой речи Джолитти правительству пришлось доказать, расходятся ли его слова с делом. Весной 1901 г. забастовало около 600 тыс. батраков. Правительство не вмешивалось, подтвердив тем самым, что оно действительно признает законность «экономических конфликтов». Начались бурные дебаты в парламенте, и 22 июня состоялось голосование, от которого зависела судьба кабинета. Депутаты Эстремы, в том

числе и социалисты отдали свои голоса правительству, оказав ему тем самым решающую поддержку. Это голосование было не просто парламентским эпизодом, оно имело большое принципиальное значение. Формально социалисты нарушили решение, согласно которому их парламентарии не могут голосовать за доверие буржуазному правительству. Фактически, по мнению многих историков, социалисты поступили логично и проявили политический реализм.

Но через несколько дней Италию потрясли кровавые события в Берре (провинция Феррара). Там произошло столкновение между демонстрантами-батраками и полицией. Буржуазия, которая как будто вначале была застигнута врасплох размахом стачечного движения в городах и волнениями в деревнях, перешла в контрнаступление. События в Берре были расценены как провокация, за кулисами которой стояли Туринский банк и некоторые военные круги. Джолитти, как министр внутренних дел, вынужден был послать два эскадрона, но в телеграмме префекту писал: «Прошу Вас объявить администраторам, занимающимся мелиорацией, что правительство отлично понимает, в какой мере их поведение вызвано политической враждебностью. Однако организовывать беспорядки специально для того, чтобы создавать трудности — бесчестно»⁽³⁷⁾.

Кровавые события в Берре вызвали большое возмущение. В Милане на митинге протеста выступил Костантино Ладзари (1857–1927), видный деятель рабочего и социалистического движения. Он резко осудил голосование парламентской фракции социалистов 22 июня. В ответ на критику 16 июля 1901 г. Турати опубликовал в «Критика социало» статью «Социалистическая партия и текущий политический момент». Эту статью надо рассматривать как «модель», как итог и в то же время как начало нового трудного этапа итальянского социализма.

В статье Турати содержалось идеологическое обоснование голосования 22 июня, было четко сказано, что от позиции, которую займет Социалистическая партия, зависит будущее всего итальянского рабочего движения. Партия признает принцип классовой борьбы, но считает также своим долгом способствовать естественному процессу эволюции и проведения реформ. Партия признает, что после 1900 г. «произошла парламентская революция первостепенной важности» и выработана совершенно новая правительственная программа. Огромную роль сыграли давление снизу, организованное рабочее движение, рост классового самосознания пролетариата. Ссылаясь на исторический опыт, Турати предостерегал против упрощенного представления, будто имеется «единая масса реакционеров». Напротив, хотя все имущие классы объединены интересами, противоречащими интересам пролетариата, между ними есть множество внутренних противоречий. Поэтому в отдельных случаях социалисты могут временно объединиться с одной или несколькими фракциями буржуазии для достижения определенных целей.

Все итальянские историки считают статью Турати программным документом партии начала века. Создание правительства Дзанарделли — Джолитти Турати считал экспериментом. Если эксперимент окажется удачным, писал Турати, в стране появятся все условия для консолидации и для дальнейших успехов пролетариата и тогда удастся

осуществить программу-минимум Социалистической партии^[7]. Оценивая статью Турати, современный историк Маммарелла пишет: «В статье параллельно развивались два тезиса, она преследовала две взаимосвязанные цели. Одна — политическая. Налицо было стремление представить правительственную формулу, основанную на том, что Эстрема участвует в большинстве (парламентском, — *Ц. К.*), как формулу, которая в данный момент обеспечивает трудящимся классам наиболее выгодные условия, а в будущем обещает им частичное осуществление программы реформ. Другая — идеологическая. Реформа стекая линия рассматривалась как единственная подлинно социалистическая, а оппозиция ей рисовалась как оппозиция со стороны анархически-бунтовщического меньшинства»^[38].

Опубликование статьи Турати вызвало резкие споры. Артуро Лабриола (1875–1960), видный деятель левого крыла Социалистической партии, написал брошюру «Министерство и социализм. Ответ Филиппо Турати». Лабриола был одним из лидеров революционно-синдикалистского течения, основной базой которого был Юг. В то время, когда началась поддержанная реформистами (Турати говорил не реформисты, а «социалисты-позитивисты») «эра Джолитти», положение Юга было исключительно тяжелым. Промышленности почти не было, сельскохозяйственный пролетариат и крестьянство находились почти в таком же положении, как и во времена сицилианских фаши. Вполне понятно, почему именно на Юге идеи революционного синдикализма были особенно распространены. В те годы шли большие споры о том, кому должен принадлежать приоритет в борьбе за ниспровержение капиталистического строя: партиям рабочего класса или синдикатам.

Неаполитанец Артуро Лабриола в юности испытал влияние анархизма, потом заинтересовался научным социализмом. После майских событий 1898 г. он нашел убежище в Швейцарии, позднее во Франции встретился с Жоржем Сорелем, чья книга «Социалистическое будущее синдикатов» положила начало существованию революционного синдикализма как самостоятельного течения. Сорель утверждал, что верен идеям Маркса, но в действительности находился под сильным влиянием Прудона и считал, что все будущее социализма зависит от автономного развития синдикатов. Сорель отвергал не только любые формы парламентаризма, но и партию как политическую организацию пролетариата. Революция, по Сорелю, означала лишь всеобщую забастовку, революционное насилие, «прямое действие».

Артуро Лабриола, вернувшись в Италию, решительно выступил против реформистов. Он считал, что действительно надо добиваться постепенного проведения реформ, но для этого нужно не сотрудничать с правительством, а, напротив, оказывать ему решительную оппозицию. Чем она будет резче, тем на большие уступки пойдет правительство. Оспаривалось также утверждение Турати, что к власти пришла «новая социальная группа». По Лабриоле, «новая буржуазия» мало чем отличалась от старой. Точнее, интересы новой буржуазии («паразитарных кругов») и разных темных дельцов скрещивались и совпадали. Их объединяла вся система, исторически сложившаяся в Италии. Артуро Лабриола оспаривал правильность линии партии, — линии на борьбу против реакции совместно с

общедемократическими силами. Борьба за демократические свободы казалась Лабриоле «риторикой», ибо эти свободы «вовсе не необходимы для прогресса социализма». Вся система аргументации Артуро Лабриолы, его интерпретация истории представляются нам сегодня очень грубыми и, главное, элементарными.

На брошюру Лабриолы 2 августа 1901 г. ответил в «Аванти!» один из реформистских лидеров Иванов Бономи (1873–1951). Позицию Лабриолы он объяснял специфическими условиями Юга, где необходимость борьбы с каморрой (разновидностью мафии) вынуждала социалистов блокироваться с самыми различными социальными элементами, подогревая такой противоестественный союз «пылом революционной фразы». Напротив, на Севере главной задачей социалистов была организация массы рабочих и крестьян. Временное «перемирие», на которое вынуждено было пойти правительство, социалисты использовали для создания лиг, профсоюзов. Иными словами, они стремились превратить Социалистическую партию, состоявшую из разрозненных, рассеянных, в значительной степени мелкобуржуазных элементов, «в чисто пролетарскую армию».

Прокаччи пишет, что статья Бономи была прямым обращением к здравому смыслу низовых партийных организаций: «В дискуссию был введен новый, чрезвычайно важный элемент, а именно был подчеркнут пролетарский характер туратианского направления. В общем, рабочие и крестьяне, организованные в лиги, были согласны с Турати и с теми, кто рекомендовал умеренность и осмотрительность и не доверял революционным фразам...»^[39]. В самом деле, на Севере реформисты опирались на сильное и хорошо организованное рабочее движение, заинтересованное в существовании либерального режима, который гарантировал бы законные права палат труда и профсоюзных организаций при конфликтах с промышленниками и аграриями.

Джолитти пишет, что он еще в начале 90-х годов понимал роль рабочего движения и полную законность существования рабочих организаций и ассоциаций. Между тем даже при правительстве Саракко «существовала тенденция считать опасными все ассоциации трудящихся. Тенденция эта была следствием плохого знания новых экономических и политических течений, которые уже некоторое время существовали у нас, как и во всех цивилизованных странах, и непонимания того, что организации рабочих развивались наряду с общим ростом цивилизации»^[40]. Если сравнить февральскую речь Джолитти и статью Турати, можно найти немало общего. В свое время Энгельс писал, что итальянские социалисты не должны ограничиваться чисто негативной критикой буржуазно-демократических партий, ибо может наступить момент, когда придется с этими партиями сотрудничать^[41]. Правда, Энгельс имел в виду сотрудничество с буржуазно-демократическими партиями, находящимися, как и социалисты, в оппозиции к реакционному правительству. Но что делать, если к власти пришло либеральное правительство: нужно ли, можно ли поддерживать его? Турати был явно убежден в положительном ответе: да, поскольку это правительство признает необходимость осуществления определенных реформ.

Во всем этом была очевидная логика. Турати, конечно, не считал, что при изменении правительственного курса, как бы ни был либерально настроен новый кабинет и стоявшие за ним круги «молодой, решительной современной буржуазии», классовые противоречия могут исчезнуть. Но было ясно, что при новом курсе партия и рабочее движение окажутся в более благоприятных условиях. Впрочем, в рассуждениях Турати был и элемент некоторых иллюзий. Иллюзии, которые питали Турати и его друзья, были естественными и даже закономерными. Пальмиро Тольятти заметил однажды, что Турати представляется ему как бы последним из деятелей Рисорджименто. Это очень тонкое и точное психологическое замечание. В характере и системе взглядов Турати было много от революционного идеализма той эпохи.

Статья Иваноэ Бономи означала начало кампании в защиту платформы Турати. «Аванти!» начала печатать резолюции местных секций партии, большинство соглашалось с туратианской линией. Авторитет Турати был неоспоримым, но у него было и немало противников, начиная с Артуро Лабриолы и кончая Энрико Ферри (1850–1929). Последний в 1894 г. опубликовал книгу «Социализм и позитивная наука», имевшую, как он самодовольно писал Энгельсу, «большой коммерческий успех». В сентябре 1894 г. Энгельс писал Каутскому: «Итальянцы начинают приводить меня в ужас. Этот пустомеля Энрико Ферри прислал мне вчера полное собрание своих последних работ и письмо, преисполненное таких неумеренных выражений, что оно сделало мои чувства к нему еще более умеренными. И все-таки изволь отвечать ему вежливо! Его книга о Дарвине, Спенсере и Марксе — страшно путаная, плоская галиматья»^[42]. Но в Италии Ферри считался «мужем науки»; одно время он играл большую роль в Социалистической партии.

Против Турати выступил и Франческо Саверио Мерлино, который, впрочем, никогда марксистом-то и не был. Когда в 1898 г. Турати был арестован, а «Критика социале» закрыта, Мерлино основал журнал «Ривиста критика дель социализмо», который историк-социалист Гаэтано Арфе называл эклектическим: в нем печатались с одной Стороны Бернштейн, Сорель, Артуро Лабриола, а с другой — Маффео Панталеон. Когда началась оппозиция, бывший анархист Мерлино, как и Артуро Лабриола, настаивал на «моменте спонтанности» в противовес идеям проведения постепенных реформ.

Ответ Турати был напечатан в «Критика социале» 1 и 16 сентября 1901 г. Турати было нетрудно поймать своих оппонентов на логических противоречиях. Он писал, что они хотят проведения реформ любыми путями, кроме того единственного, который при данных политических условиях мог бы к ним привести. Они отрицали возможность давления пролетариата на правительство, которое в настоящий момент может удовлетворить многие конкретные требования трудящихся. Турати саркастически писал, что Артуро Лабриола оплакивает кабинет Пеллу. Здесь был известный резон, так как многие революционные синдикалисты заявляли, что легче поднять массы на борьбу против реакционного правительства, нежели против либерального.

В начале 1902 г. начал выходить журнал Ферри «Иль социализмо», в первом номере которого было напечатано приветствие Каутского. Редакция писала, что «авторитетные

слова Каутского подтвердили наличие двух тенденций в Социалистической партии. Однако это не нарушает единства партии по существу, поскольку, если того потребуют обстоятельства, единство всегда будет важнее всего». Программная статья Ферри называлась «Революционный метод». Она доказывала, что Ферри больше всего занимают вопросы тактики. Он насчитал в партии целых четыре течения: крайне реформистское, умеренно реформистское и два революционных («традиционно-революционное» и «абсолютно непримиримое и негативное»). Этой статьей Ферри делал заявку на роль лидера.

Все группы, существовавшие внутри партии, готовились к съезду. В позициях социалистов Севера и Юга имелись большие противоречия. «Эксплуататорский капитализм» был главным врагом северян, поэтому для них «блок» с правительством Дзанарделли — Джолитти был естественным. А южане отрицали всю концепцию социализма *gradualistico*^[8], и поэтому в их глазах силой, которой принадлежит будущее, была «революционная элита», немногочисленная, но преисполненная решимости, а не организованное рабочее и крестьянское движение.

Турати не проявил особой проницательности в оценке неаполитанской группы: он считал, что это лишь вспышка старых анархистских настроений. Между тем неаполитанские социалисты, нередко отличавшиеся безупречным личным мужеством, выступали во имя общественной морали. Условия Юга определяли не только их принципиальные, теоретические взгляды, но и их психологию. В их взглядах было немало абстрактного, но по-своему они были последовательны. Турати не попытался понять, какими объективными причинами объяснялся успех новой фракции, и сводил все к личным вопросам. Эта политическая близорукость позднее привела к серьезным последствиям. Постепенно неаполитанцы стали распространять свое влияние и на Северную Италию, в частности на крупнейшую классовую организацию — миланскую Палату труда. В Милане они блокировались с Ладзари, поскольку в тот момент у него были серьезные разногласия с Турати. В миланской социалистической федерации дело зашло очень далеко. После бурных прений Турати и большая группа его единомышленников вышли из федерации и основали Миланский социалистический союз с печатным органом «Лотта ди классе» («Борьба классов»).

Прокаччи считает, что в это время произошла вспышка старых анархистских^[9] настроений. Ладзари и другие, встав в оппозицию Турати, хотели тем самым показать, что рабочие вполне могут обойтись без интеллигентов. Руководство партии пыталось найти компромисс, но Турати был непреклонен и в знак протеста отказался и от своего парламентского мандата. Лишь позднее обе миланские социалистические секции воссоединились и образовали общую федерацию, причем большинство в ее руководстве составили реформисты. Турати был триумфально переизбран в парламент. Интересно, что позицию Турати по поводу голосования 22 июня поддержал Антонио Лабриола. Он трижды выступил в печати, заявляя: «Депутатам-социалистам невозможно было не голосовать за правительство, которое, как бы то ни было, предоставляло рабочим свободу

агитации, организаций, политической и профсоюзной борьбы. Не входя в состав министерства, а ограничиваясь одобрением его либеральной политики, социалисты не совершили никакого акта оппортунизма»^[43]. Но выступления «первого итальянского марксиста», поддержавшего Турати, остались почти незамеченными. В результате серьезных внутрипартийных дискуссий, а также личных конфликтов создалось трудное положение: «Единственный человек в Социалистической партии, обладавший подлинным престижем и политическими способностями, — Филиппо Турати видел, как его авторитет все больше оспаривался и как ряды его сторонников уменьшались»^[44]. Непосредственно перед съездом в Имоле, 1 сентября 1902 г., Турати дал газете «Пунголо» («Стимул») интервью, в котором изложил позицию и тактику реформистов. Он заявил, что решающую роль в политике Социалистической партии играют факты, а не теория, построенная *a priori*, и что партия является «критической и экспериментирующей». Борьба течений — нечто искусственное, вызванное персональными моментами, а реформизм есть подлинное выражение социализма. Политика реформ — единственное средство для осуществления революции, все проявления «экстремизма» осуждались.

Один из лучших биографов Турати, Франко Каталано, считает, что к этому моменту взгляды Турати претерпели эволюцию: «Неукоснительное проведение реформ, одна за другой, выливающееся в непрерывный процесс, не оставляло более никакого повода для революционного взрыва. Таким образом Турати постепенно пришел к отрицанию революционного характера партии, хотя и объявлял его необходимым и неотъемлемым моментом внутренней социалистической диалектики»^[45]. Здесь Каталано подошел к самой сути вопроса. В самом деле, в концепции эволюционного социализма волевой момент в революции фактически отрицается, что неизбежно приводит к «фаталистической» идее всего социалистического движения.

На съезде в Имоле в сентябре 1902 г. произошло резкое столкновение течений внутри партии — реформистов и «левых», «непримиримых», хотя и те и другие выступали за единство партии. «Левые» были союзом нескольких групп, прежде всего Артуро Лабриолы и Ферри. Присоединение Ферри отнюдь не способствовало прояснению идейных позиций, так как он «увидел в возникшем споре прежде всего удобную возможность вырвать из рук Турати скипетр, встав во главе одного из течений»^[46]. Формула Турати — «деятельность партии является реформистской, поскольку она революционна, и революционной, поскольку она реформистская», — звучала не слишком убедительно, хотя и импозантно. Турати защищал сотрудничество с правительством Дзанарделли — Джолитти, привел данные о значительном росте рабочего движения и отверг обвинение в том, будто парламентарии-социалисты «занимаются дворцовыми интригами». Он заявил, что Артуро Лабриола — не социалист, а сторонник мелкобуржуазной демократии.

Манакорда считает, что «обе души итальянского социализма», т. е. два течения в партии, резко проявившиеся на съезде в Имоле, находят свое историческое оправдание в структуре итальянского общества, которую породила национальная буржуазная революция. События конца XIX — начала XX в. выдвинули альтернативу: либо поддержать продвижение

прогрессивной буржуазии, способствуя демократическому развитию в пределах, которые она могла гарантировать, либо ставить целью демократическую революцию на базе союза всех трудящихся классов. Первая альтернатива одержала в Имоле верх, но вторая не потеряла от этого своего значения. «Однако она не обладала достаточной силой, чтобы объединить все группы «революционеров», создать левое крыло Социалистической партии и превратиться, таким образом, в национальном масштабе в постоянную диалектическую альтернативу реформизму»⁽⁴⁷⁾.

Получив большинство голосов на съезде в Имоле, Турати полагал, что партия как бы дала ему мандат на дальнейшее сотрудничество с правительством. По что тем временем делало это правительство, на которое возлагалось столько надежд? К великому разочарованию реформистов, поведение правительства становилось все более двусмысленным. В конце 1902 — начале 1903 г. происходят выступления трудящихся в городе и деревне. Правительство лавировало: оно шло на минимальные уступки, чтобы успокоить народ, но в то же время старалось ни в коем случае не задевать интересы промышленников и аграриев. Иногда происходили схватки бастующих с войсками. После одного из столкновений, когда были убитые, Турати 31 марта 1903 г. произнес очень резкую речь в парламенте. Это был настоящий обвинительный акт против Дзанарделли и еще нескольких министров. Но для Джолитти было сделано исключение: Турати призывал его порвать старые связи, сделать шаг вперед и т. д. Хотя социалисты голосовали против доверия правительству, оно собрало большинство голосов и осталось у власти, а Джолитти ушел с поста министра внутренних дел.

Но вскоре заболел Дзанарделли, и, как мы уже знаем, король поручил Джолитти сформировать новый кабинет. Джолитти намеревался сделать его *левым* и предложил Турати войти в правительство. Об этом своем шаге Джолитти сообщил в конфиденциальном письме либералу Карло Ромусси, прося его посредничать в переговорах. Ромусси писал премьеру: «Турати, с которым я имел сегодня длинный разговор, решительно заявил, что не может войти в кабинет... Тщетно я говорил ему о Мильеране, обо всем добре, которое можно было бы сделать, о нашей поддержке»⁽⁴⁸⁾. Новый кабинет оказался весьма умеренным, если не откровенно правым. Программная речь Джолитти отразила это поправление. Создалось впечатление, что реформы будут проводиться, но крайне осторожно и что Джолитти намерен лавировать. Есть много свидетельств того, что Турати и его единомышленники были обескуражены: почему «человек завтрашнего дня» так странно ведет себя в решающий час своей политической карьеры?

Но теперь, в исторической ретроспекции, многое становится более понятным: Турати решительно отказался «стать итальянским Мильераном». и потому, что это противоречило его личным убеждениям, и потому, что Социалистическая партия в массе своей никогда не приняла бы и не оправдала этого шага. Но политическая арифметика предполагает определенные правила парламентской игры: Джолитти не мог сформировать левый кабинет и у него не оказалось никакой иной альтернативы, как создать кабинет умеренный.

РОМОЛО МУРРИ И ЛУИДЖИ СТУРЦО

После объединения Италии взаимоотношения государства и Ватикана развивались трудно и сложно. Церковь долго отказывалась признавать новое государство и запрещала католикам принимать участие в общенациональной политической жизни. Но внутри католического движения еще в 70-х годах XIX в. были созданы постоянно действовавшие ассоциации. Главная из них — «Опера деи конгресси» была строго централизованной организацией, построенной по иерархическому принципу. Ее возглавлял постоянный комитет, президент которого утверждался Ватиканом. «Опера» имела несколько секций, важную роль играла Вторая секция, занимавшаяся «социальным вопросом».

Социальная доктрина католической церкви основана как на признании неизбежности классового неравенства и отрицании принципа классовой борьбы, так и на утверждении, что необходимо проявлять милосердие и заботу о неимущих. Классическим выражением социальной доктрины церкви явилась изданная папой Львом XIII 15 мая 1891 г. энциклика «Рерум новарум». В условиях развивающегося капитализма церковь стремилась противопоставить свою систему ценностей идеалам научного социализма.

Крупнейшим теоретиком католической социальной доктрины был профессор политической экономии и права Джузеппе Тониоло (1845–1918). Ему удалось стать связующим звеном между католиками разных направлений, стремившихся принять активное участие в решении «социального вопроса». В 1890 г. по его инициативе был создан «Католический союз по изучению социальных наук», а в 1894 г., когда на Сицилии шла кровавая расправа с фаши, в Милане на ассамблее этого союза была принята «Программа католиков в противовес социализму», или «Миланская программа». Текст этого программного документа был написан Тониоло. Программа начинается словами: «То, что предвидели самые просвещенные и справедливые люди, сегодня развертывается перед нашими ошеломленными и смятенными взорами. Социалистическое движение охватывает весь мир, даже нации, менее предрасположенные к таким конвульсиям, как наша Италия. Оно охватывает даже классы, менее всего готовые воспринять его, а именно крестьянское население». И далее: «И вот Италия, эта преимущественно католическая страна, вынуждена трепещущей рукой касаться чудовищных проблем, с которыми давно уже столкнулись еретические страны»^[49].

«Социальный вопрос» вызывал у католиков не только чувство страха и растерянности. «Рерум новарум» — это попытка дать ответ, противопоставляя социализму нечто действенное, основанное на «христианской солидарности». Тониоло писал, что, хотя массовые волнения, которыми охвачена Италия, и заслуживают порицания, поскольку они связаны с социалистическими идеями, они тем не менее свидетельствуют о том, что «отныне возможна или социалистическая революция, или восстановление христианского социального уклада»^[50].

Сальвемини заявил в 1923 г., что организованное пролетарское движение в Италии родилось под двумя разными знаменами: социалистическим и католическим. Лео Вальяни также признает, что «участие народа является характерным элементом католического движения, и масштабы не меньшие, чем в социалистическом движении, хотя компоновка сил иная»^[51]. Заключительный абзац «Миланской программы» гласит: «Мы никогда не сможем забыть, что наша конечная цель — это не война, но мир, который должна нам принести христианская демократия двадцатого века, в коей, во имя Христа, вся социальная иерархия, стоящая над народной базой, обретя уверенность и благородство, будет руководить эволюцией трудящихся классов, выражая их интересы»^[52].

Первые христианско-демократические фаши возникли в 1897–1898 гг., и только Тониоло, пользовавшийся громадным авторитетом, спас их от немедленного разгрома ватиканской иерархией. Эти фаши создавали молодые «католические социологи», многие из которых были священниками. Назову два важнейших имени: Ромоло Мурри (1870–1944) и Луиджи Стурцо (1871–1959). Многие «католические социологи» испытали на себе действительное влияние социалистической мысли и в своих взглядах шли гораздо дальше, нежели Тониоло. Так, для него сам термин «христианская демократия» звучал иначе: он не вкладывал в эти слова того динамизма и диалектики, без которых понятие демократии теряет смысл. Что касается руководства «Опера деи конгресси», то оно отнеслось к движению христианско-демократических фаши враждебно. Все в этом движении вступало в противоречие с упорным фанатизмом таких людей, как президент «Опера» Джанбаттиста Пагануцци (1841–1923), человек чрезвычайно властный и негибкий.

Тониоло оставался как бы на полпути между «молодыми социологами» и «Опера». Габриэле Де Роза точно замечает, что Тониоло, «даже тогда, когда он как будто приближался к марксистскому анализу процесса формирования пролетариата», все же не мог мыслить исторически конкретно. Тониоло идеализировал корпоративную систему, и это влекло за собой утопическую традиционную концепцию патернализма. Между тем в Италии был уже осуществлен опыт патернализма, в котором был силен католический компонент. В 70-х годах нашего века появились работы об Алессандро Росси (1819–1898), одном из «капитанов итальянской индустрии».

Семейная фирма «Ланифичио Росси» (восемь текстильных фабрик в провинции Виченца) принадлежала к числу итальянских колоссов в XIX в. и существует по сей день, конечно, видоизмененная. В молодости Алессандро Росси был простым рабочим на одной из фабрик своего отца. Потом отец послал его в Англию, чтобы изучить новейшую технологию производства. Условия, созданные на предприятиях Росси, были по тем временам сказочными: профессиональное обучение, социальное обеспечение, техника безопасности и т. д. Это было первым опытом патернализма в Италии. Алессандро Росси стал депутатом в 1867 г. и через три года — сенатором. Он никогда не входил в правительство, желая сохранить за собой полную свободу действий. Сейчас в Италии тщательно изучают парламентские речи, статьи, книги Росси, которого называют идеологом *ante litteram*^[10] своего класса. Так, в одной из важнейших книг Росси, «Рабочий вопрос и социальный

вопрос», автор, в соответствии с переосмысленной и модернизированной католической традицией, существовавшей задолго до энциклики «Рерум новарум», рассматривал всевозможные формы участия рабочих в прибылях предприятий^[53].

Платформа молодых христианских демократов была совершенно иной. Она была ясно изложена 1 января 1898 г. в первом номере журнала Мурри «Культура социале» (само название — как бы переключка с «Критика социале» Турати). Все сотрудники — священники и миряне — беззаветно преданы папе. Они намерены бороться и с социалистами, и с либералами. В то же время решительно осуждался капитализм и резко критиковалась «Опера». О ней говорилось: «Эта организация стала цитаделью узкого круга лиц, которые командуют, не допуская никакой оппозиции». Мурри придавал огромное значение защите общедемократических свобод и откровенно писал, что требования христианских демократов в основа ном совпадают с программой-минимум Социалистической партии и с требованиями остальных групп Эстремы. Прямо ставился вопрос о создании католических профсоюзов и политической партии католиков. В конечном счете, по убеждению Мурри, все сложные проблемы, возникшие в Италии на пороге нового века, может решить лишь сближение либерального государства со святым престолом.

Итальянские исследователи спорят насчет того, действительно ли хотел Мурри создать политическую партию католиков, противопоставив ее «Опера деи конгресси». Слова о партии были произнесены не раз. Христианско-демократические фаши, созданные Мурри, можно считать ядром будущей партии. Однако трудно предположить, что Мурри, несмотря на всю страстность своего темперамента, мог думать о разрыве с могущественной иерархией, без поддержки которой он никогда не добился бы массового участия католиков. Впрочем, Мурри не был одинок.

У него были дружественные, хотя и сложные отношения с влиятельным деятелем католического движения Филиппо Медой (1859–1939), статьи Мурри печатались в некоторых католических газетах, число его фаши все возрастало. В начале XX в. Мурри был настроен оптимистично.

Но в январе 1901 г. Лев XIII опубликовал энциклику «Гравес де коммуни», посвященную преимущественно социальным вопросам. Она была близка концепции Тониоло. Опять подчеркивались принципы сотрудничества классов, роль благотворительности и пр. Папа писал, что слову «демократия» ни в коем случае нельзя придавать политического значения: «Хотя слово «демократия» с точки зрения этимологической, а также в употреблении философов и служит для обоснования народных форм правления, все же мы должны отвлечься от какого бы то ни было политического смысла и для нас это слово должно означать лишь одно, а именно благотворительную христианскую деятельность на пользу народа»^[54]. В энциклике подчеркивалось, что всем католическим движением в Италии руководит «Опера деи конгресси». Однако в энциклике не было прямого запрещения заниматься политической деятельностью, и Мурри истолковал это почти как поощрение своей деятельности: «Мурри дал папской энциклике свое личное истолкование и заявил,

что единство католиков, о котором в ней упоминалось, должно осуществляться на базе христианско-демократической программы»⁽⁵⁵⁾.

Однако Лев XIII всеми силами стремился ограничить роль христианских демократов в политической жизни страны. В сентябре 1901 г. Ватикан изменил статут «Опера деи конгресси». Отныне президент ее официально назначался папой. Конечно, и прежде кандидатуры согласовывались с Ватиканом, но формально президента избирала ассамблея «Опера деи конгресси». Но Мурри не хотел сдаваться, отчасти рассчитывая и на то, что Лев XIII к нему лично хорошо относился. В конце 1901 г. Мурри провел в Милане первый региональный конгресс. Конечно, немало говорили и о «гармонии классов», но в качестве крайнего средства для защиты интересов «низших классов» признавалась и забастовка. Теоретически право рабочих на забастовку еще в 1882 г. признавал орган иезуитов «Чивильта каттолика» («Католическая цивилизация»), но через 19 лет речь шла уже не о теории, а о реальной возможности.

Руководители «Опера деи конгресси» пустили в ход все свое влияние, механизм закулисных переговоров, интриг и нажимов, и наконец в феврале 1902 г. папа дал новые инструкции, совершенно лишавшие христианско-демократическое движение автономии. Взаимоотношения Мурри с Пагануцци всегда были натянутыми, а то и просто плохими. Тониоло тщетно пытался уговорить Пагануцци и других «венецианцев» (так называли консервативное руководство «Опера») признать то правильное и «законное», что было в христианско-демократическом движении. Он думал, что можно предоставить молодым социологам самостоятельность, одновременно тактично руководя ими. Это оказалось чистой иллюзией. После изменения статута начались организационные перемены. Пагануцци формально подал заявление об отставке, но фактически продолжал руководить «Опера деи конгресси», ожидая решения Льва XIII.

16 августа 1902 г. Мурри выступил в «Культура сочиале» с резкой статьей, по существу, с обвинительным актом против Пагануцци лично, всего руководства и деятельности «Опера деи конгресси». Мурри перечислил все ошибки и все недостойные средства, к которым «Опера» прибегала в борьбе против передовой католической мысли. Он признавал, что на счету «Опера» есть и некоторые достижения. Апогей достижений приходился на 1897 г. Если бы Пагануцци ушел в тот момент, его имя осталось бы в анналах итальянского движения, но в настоящий момент его деятельность «приносит непоправимый вред всей католической Италии».

Статья Мурри вызвала бурные протесты. Кардинал Джузеппе Сарто, будущий папа Пий X, обвинил Мурри в черной неблагодарности. Возможно, Мурри совершил тактическую ошибку, добившись лишь того, что уход Пагануцци задержался. Дело в том, что уже была намечена кандидатура графа Джованни Грозоли (1859–1937), человека по своим взглядам близкого к Тониоло, склонного к компромиссу с христианскими демократами. В конце концов Грозоли был назначен, и христианские демократы приветствовали его назначение. Но в начале 1903 г. Мурри неожиданно заявил, что он лично совершенно отстраняется от политической и организационной работы и будет заниматься только культурной

деятельностью. Он передал Второй секции свой еженедельник «Домани д'Италия» («Завтрашний день Италии»), оставив себе «Культура сочиале».

Решение Мурри было, вероятно, отчасти связано с его очередными неприятностями: он получил крайне серьезный выговор от Ватикана за свой доклад на тему «Христианство и свобода». Но Мурри с его энергией, честолюбием и темпераментом не смог удовлетвориться спокойной просветительской работой, он продолжал оставаться в гуще событий. В шопе 1903 г. произошло столкновение между ним и Тониоло. Обстоятельства любопытные. Папа принял Мурри, и тот 1 июня написал в «Культура сочиале», что Лев XIII одобряет его взгляды. Так же осветила это и либеральная светская печать. Тогда ультракатолическая пресса накинулась на Мурри так яростно, что он вышел из себя и сделал сенсационное заявление. Он провозгласил, что отныне считает себя свободным от всяких обязательств перед «Опера». Испортились и личные отношения с Тониоло, который много лет поддерживал Мурри и заступался за него.

События разворачивались динамично. Авторитетная католическая газета «Л'аввенире д'Италия» («Будущее Италии») поместила открытое письмо Тониоло к Мурри, датированное: «Пиза, 29 июня (1903), день св. Петра». Письмо резкое и горькое. Хотя было сказано много хороших слов об уме, энергии и таланте Мурри, выдвигались обвинения в демагогии, во вредном влиянии на молодежь и в неповиновении церкви. Тониоло пишет Мурри: «Поразмыслите хорошенько, дорогой друг, над этим подобием дилеммы, которая имеет некоторое значение не потому, что она связана с вашим и моим именем, но потому, что она относится к двум историческим и необычайно важным опытам, она соответствует двум дорогам, по которым идут все реформаторские общества (подлинные или фальшивые, большие или маленькие). Одна дорога, которая ведет к церкви и к христианской цивилизации; другая дорога, в конце которой нет ни церкви, ни цивилизации, а бунт и смерть»^[56].

В ответ Мурри опубликовал в своем журнале статью под броским заглавием «Психология одного сомнения». Он обвинял Тониоло в том, что тот, как и Пагануцци, принадлежит к католикам, которые «не только сражаются при помощи собственных средств, но облачаются в одежды религии, привлекают в качестве своего союзника ортодоксию, выступают от имени церкви и веры». Дальше еще более резко: «Мы видим священников, которые во имя своего сана и своего долга занимаются гражданскими и социальными вопросами. И видим мирян, которые выступают в роли паладинов и защитников ортодоксии, благословляют или отлучают. Пора покончить с этой двусмысленностью. Пусть церковь занимается тем, что касается ее, и пусть профессор Тониоло занимается своими личными исследованиями и изысканиями, спорит и разговаривает, как ученый. Сейчас слишком много людей находятся не на своем месте, слишком много неуместных идей, а пример, который он (Тониоло. — *Ц. К.*) подает, может лишь увеличить смятение умов. Я буду спокойно спорить с ученым, но если теолог-мирянин злоупотребляет старыми методами и датирует свои послания днями различных святых, этого терпеть нельзя»^[57].

На этот раз Мурри напал уже на человека, который долго поддерживал его и с которым ему следовало бы блокироваться против реакционных группировок, столь влиятельных в окружении папы и католическом движении. Габриэле Де Роза писал о «благородной школе Мурри», и Мурри действительно лично был искренним и смелым человеком, умевшим различить в окружающей реальности черты нового. Но в его жизни были разные повороты. Вторым лидером итальянских христианских демократов был Луиджи Стурцо. В те годы, когда главную роль в движении «молодых католиков» играл Мурри, дон Стурцо мог казаться второстепенной фигурой. Но в действительности он принадлежал к той категории людей, которых в нужный момент создает, формирует и выдвигает на первый план сама история, был человеком очень крупного масштаба.

Дружеские отношения и тесное сотрудничество между двумя лидерами христианско-демократического движения начались не после их первого знакомства в 1896 г., а в апреле 1900 г., когда Мурри совершил поездку по Сицилии с пропагандистскими целями. Дружба продолжалась несколько лет. В политическом плане взгляды примерно совпадали, но были большие разногласия по вопросам тактики. Это частично объяснялось различием характеров: импульсивность Мурри и сдержанность Стурцо. Дон Стурцо восхищался умом, культурой и талантом Мурри и считал, «что его собственная социологическая культура гораздо больше обязана Мурри, нежели Тониоло». Но в июне 1906 г. Стурцо резко и решительно порвал отношения с Ромоло Мурри. Сохранились не все письма, поэтому трудно установить причины, но сам факт неоспорим. 20 июля 1903 г. умер Лев XIII. С его смертью кончилась важная эпоха в истории всего католического и, в частности, итальянского, движения.

В то время, когда собирался конклав для избрания нового папы, 2 августа 1903 г., Стурцо произнес в Кальтаджироне речь, посвященную памяти покойного. Стурцо выступал не только как священник, пользовавшийся большим авторитетом на Сицилии, но и как идеолог и политик. Он рассматривал деятельность Льва XIII на фоне европейской реальности XIX в., говорил о столкновениях между церковью и современной цивилизацией, пытался как-то оправдать позицию церкви, обнаружил понимание глубинных общественных процессов и большую широту взглядов. Очень интересны его оценки предшественника Льва XIII, папы Пия IX. Говоря о его реакционнейших выступлениях, Стурцо осторожно заметил, что папа выступал с позиций обороны и его энциклики, «высшие в религиозном плане», привели к разрыву с современной культурой. Дон Стурцо назвал XIX в. веком революций и сказал, что в борьбе между старым и новым в сознании многих людей старое ассоциировалось с церковью, а новое — со свободой, которая нашла свое воплощение в светском государстве.

Стурцо упомянул и о Марксе, но вскользь, поверхностно и схематично, враждебно отнесясь «к идеям исторического монизма». Любопытны его рассуждения о буржуазных революциях XIX в. Дон Стурцо считал справедливыми, отвечающими требованиям эпохи стремления к свободе, праву на независимость, народной культуре. Но затем власть попадала в руки либералов, которые извращали понятия свободы, устанавливали

неограниченную власть светского государства, насаждали коррупцию и развращали нравы. Назвав имена Кавура, Наполеона III, Бисмарка, Гладстона, Стурцо утверждал, что современная цивилизация стремится создать чисто светское, глубоко равнодушное к религии общество. Говоря об исключительном значении «Рерум новарум», дон Стурцо заметил, что, быть может, сокровенным замыслом папы было вернуть христианству роль движущей силы цивилизации, вложить новый смысл «во все социальные течения» и воссоздать гармонию. Поэтому Лев XIII будет жить в сознании потомков как *Papa degli Operai* (папа рабочих). Выразив надежду, что XX век принесет уничтожение социальной несправедливости и расцвет культуры, дон Стурцо произнес непривычные для него патетические слова: на рубеже двух веков в книгу истории внесено «имя Льва XIII — папы христианской демократии».

9 августа 1903 г. патриарх венецианский, кардинал Джузеппе Сарто стал папой Пием X. Вначале он держался сдержанно, осторожно, говорил о необходимости единства между всеми католиками. Но на деле Пий X контролировал и пресекал любые течения, стремившиеся к обновлению католической мысли и деятельности. Возможно, Грозолли был не тем человеком, которого папа хотел бы видеть во главе организованного католического движения, по вначале он относился к нему вполне терпимо. 10 ноября 1903 г., через 3 месяца после интронизации Пия X, в Болонье открылась XIX ассамблея «Опера деи конгресси», которой суждено было стать последним форумом этой организации. Еще до открытия ассамблеи Мурри устроил нечто вроде фракционного собрания христианских демократов, в котором приняли участие около 500 человек из различных районов страны. Сразу образовалось два течения. Первое (его поддерживал Мурри) стояло за проникновение «молодых социологов» в «Опера». Второе выступало за автономию христианских демократов. Собрание протекало бурно, группа Мурри получила большинство и явилась на ассамблею со своими предложениями, на этот раз тактически разумными. Мурри заявил, что не будет касаться острых вопросов, ибо новое руководство «Опера» доказало, что понимает требования, выдвигаемые жизнью, «и намерено вести католические силы по пути постепенного и нормального продвижения вперед». Но противники Мурри поняли тактический характер этой позиции, и несколько католических газет заявило, что Мурри лицемерен и двоедушен. Приверженцы Пагануцци обвиняли новое руководство «Опера» в слепоте, в отказе от славных традиций.

Ассамблея в Болонье свидетельствовала о развитии новых тенденций в католическом движении. Звучали новые ноты при обсуждении социальных вопросов, проблем профсоюзного движения. Миланский священник дон Карло Груньп заявил, что необходимо в противовес социалистам создавать женские католические профсоюзные организации, цель которых — «сотрудничество в деле преобразования общества на его естественных основах, развитие подлинного классового самосознания, установление пролетарской политики»^[58]. Реакционеры резко возражали, но Груньп поддержал один из руководителей «Опера», Джакомо Мария Радини Тедески, крупный социолог, пользовавшийся большим

авторитетом. Он обвинил в консерватизме тех, кто оправдывает «угнетение низших классов», ибо оно противоречит христианской социальной доктрине.

Светская печать была поражена остротой споров: одна газета писала, что впечатление такое, будто присутствуешь на собрании социалистов. Грозоли, призывая к примирению всех течений внутри «Опера», фактически протягивал руку христианским демократам. Он говорил, что руководство должно лишь координировать деятельность всех организаций, входящих в «Опера». Пагануцци и его группа с этим, конечно, не могли согласиться. Де Роза пишет, что столкновение между двумя течениями внутри «Опера» стало неотвратимым. Но это не было личным столкновением между Пагануцци и Мурри: «Произошло куда более обширное столкновение между теми, кто был склонен считаться с тем, что времена и внутри «Опера» и вне ее изменились, и теми, кто намерен был слепо оставаться на самых жестких и непримиримых позициях»^[59]. Группа Пагануцци «в слепой ярости» сама настояла на голосовании доверия графу Грозоли. «Венецианцы» надеялись, что результаты голосования окажутся неблагоприятными для Грозоли и тогда Пий Х воочию убедится в непопулярности новой линии. Но результаты голосования были убийственными для группы Пагануцци.

Полемика в прессе не ослабевала. Клерикальные газеты издевались над Грозоли, утверждая, что он — пешка, а победитель — Мурри. Один из католических деятелей в своих воспоминаниях писал, что во время конгресса в Болонье «консервативные католические деятели перепугались и в конце концов стали обивать пороги Ватикана, требуя головы графа Грозоли, виновного в том, что он придал слишком много значения какой-то группе молодых христианских демократов».

Значение конгресса в Болонье заключается в том, что впервые старая католическая аристократия, паписты прежней формации оказались не в состоянии повести за собой участников этой ассамблеи, за которыми стояли массы верующих. Напомним: это ноябрь 1903 г. Страна переживает период интенсивного промышленного развития; рабочий класс Севера вырос не только количественно, но и «качественно» (структурно, идеологически); крестьянские массы нельзя более считать паствой, покорно подчиняющейся пастырям; Социалистическая партия Достигла чрезвычайных успехов; у власти либеральное правительство. Жизнь толкает к новому, жажда нового охватывает и массы католиков.

После окончания конгресса клерикальная газета «Унита каттолика» («Католическое единство») писала о трех главных принципиальных расхождениях, обозначившихся в ходе конгресса. Первое касалось различной оценки «итальянской революции» (Рисорджименто); второе — концепции свободы и методов ее осуществления. И, наконец, третье: «Мы расходимся по фундаментальному вопросу о деятельности католиков. Одни хотят, чтобы она была преимущественно религиозной и социальной, а другие — чтобы она была социальной и политической». Суть расхождений изложена лаконично и точно, вопрос о деятельности католиков был не абстрактно-теоретическим, в нем заключалась суть противоречий между «Опера деи конгресси» и «молодыми социологами». Газета задает вопрос, что делать в сложившихся условиях, и отвечает, что приверженцы традиционной

концепции непременно должны объединиться и оказать сопротивление. Надо выступить «не против «Опера деи конгресси», в которой есть место для всех, а против заблуждений, обрушившихся на католический мир. Если существуют демократические фаши, им могут противостоять папистские фаши»^[60].

Мурри подвергся яростным нападкам, его изображали чуть ли не Робеспьером, приписывали ему мысли, которых он никогда не высказывал. Ожесточенно нападали и на Стурцо, который в Болонье выступил, в частности, по социальным вопросам Юга. 40 лет спустя Мурри писал, что никакого единства сил после ассамблеи в Болонье не было и что вообще «мертвые хватали живых». Однако в то время он был убежден в полной победе идей христианской демократии, верил в обновление «Опера» и возлагал огромные надежды на Грозоли.

Вскоре после ассамблеи в Болонье Ппй Х, встревоженный успехами идей христианской демократии, отказался от своей «объективной» позиции. 18 декабря он недвусмысленно запретил «молодым социологам» вмешиваться в политику: «Христианская демократия строжайше обязывается подчиняться церковным властям, оказывая епископам и тем, кто их представляет, полное почтение и повиновение»^[61]. Мурри, однако, не обратил внимания на папскую директиву. Новое руководство «Опера деи конгресси» также продолжало вести себя довольно независимо. 15 мая 1904 г. Грозоли разослал всем организациям, входящим в «Опера», циркуляр, в котором провозглашалось, что отныне программа «Опера» — это и есть программа христианских демократов.

Через четыре дня в официальном органе Ватикана «Оссерваторе романо» («Римский наблюдатель») появилось сообщение, что газета получила какой-то циркуляр, но не считает нужным опубликовать текст, ибо этот документ не может быть одобрен: он не во всем соответствует много раз ясно выраженным папским инструкциям. Грозоли немедленно подал в отставку, и она была принята. Из солидарности с ним в отставку ушли многие другие, в том числе Радинп Тедески, Филиппо Меда, дон Стурцо. Письма, которыми в то время обменивались между собой видные католические деятели, полны горечи, недоумения, растерянности. Дон Стурцо, правда, был настроен крайне решительно и максималистски, что кажется даже неожиданным, если думать о его такте и сдержанности. Он писал Филиппо Меде, что руководящие деятели «Опера деи конгресси» должны немедленно, организованно, коллективно уйти в отставку, не дожидаясь дальнейших действий Ватикана. Единственный шанс спасения христианской демократии он видел в солидарности католиков Севера и Юга. Он ждал роспуска «Опера деи конгресси» и был убежден, что надо действовать очень быстро и добиться автономии католического движения. По существу, речь шла о создании католической партии. Идея эта после объединения Италии возникала не раз, но Ватикан решительно противостоял этим стремлениям. Неясно, имел ли такое намерение Мурри, организовывая свои фаши. Но не подлежит сомнению, что в 1904 г Стурцо определенно стремился к созданию католической партии. Читая письмо Стурцо к Меде, трудно поверить, что его автор — священник. Он хочет добиться оздоровления общенациональной жизни исходя из конкретных условий. Его

претензии к либеральному государству основаны на том, что государство не в состоянии решить южный вопрос, искоренить коррупцию, удовлетворить насущные нужды народных масс.

Адресат дона Стурцо Филиппо Меда пользовался в то время большим влиянием. Его совесть была не вполне спокойна из-за одной истории. В 1897 г., когда ди Рудини преследовал и социалистов, и католиков, Меда устроил в Милане собрание представителей различных католических организаций, направившее премьеру письмо с изъяснениями покорности. А после майских событий 1898 г. среди арестованных оказался человек, которого Филиппо Меда глубоко чтит, — дон Давиде Альбертарио, директор газеты «Оссерваторе каттолико», блестящий полемист и литератор. Хотя он был убежденным сторонником Льва XIII, с руководством «Опера» во многом расходился. Как раз накануне майских событий дон Альбертарио писал про «подлое и безрассудное правительство». Когда его арестовали, Пагануцци не заступился за него и вообще, видимо, очень перепугался.

В то время Мурри был потрясен унижительным поведением своих коллег и сопоставлял мужество социалистов и трусость католиков. Социалисты рассматривали годы пребывания в тюрьме как инцидент и спокойно возвращались к революционной работе. Когда Турати, освобожденный из тюрьмы^[62], возобновил выпуск «Критика социале», он рассказал в нем об одном испанском монахе. Тот во время владычества мавров много лет провел в заключении, а выйдя из тюрьмы, начал проповедь традиционной фразой *heri dicebamus* («вчера мы говорили»). «А мы, — писал с горечью Ромоло Мурри, — мы ощупывали свои ноющие руки и ноги и головы, чтобы убедиться, что мы еще целы».

Перед смертью (в 1902 г.) дон Альбертарио написал Меде письмо, бывшее как бы духовным завещанием. Он не забыл кровавых репрессий ди Рудини, не забыл и своего ареста. Он напоминал Меде, что «те, кто залил кровью Милан, — враги родины и человечества». По существу, речь шла и о личном мужестве. В 1904 г. Филиппо Меда помнил о миланских событиях и о доне Альбертарио. Письмо дона Стурцо не успело еще прийти к Меде, как в «Оссерваторе романо» появилось обращение статс-секретаря Ватикана к итальянским епископам. Оно извещало о роспуске «Опера деи конгрессии». Сохранялась только Вторая секция, но она должна была вести работу, «строго сообразуясь с намерениями святого престола». В заключение говорилось: «Лучше не делать ничего, нежели делать что-либо помимо или против воли Ватикана».

Первая крупная организация итальянских католиков была распущена почти непосредственно после того, как верх одержали более прогрессивные силы. (После съезда в Болонье «Опера» просуществовала всего 8 месяцев.) Проницательные люди предвидели развязку. Задолго до роспуска один из старых деятелей католического движения, Джамбаттиста Казони, написал горькую и лаконичную эпитафию организации, которой отдал много лет своей жизни: «Была зачата в Венеции в 1874. Родилась во Флоренции в 1875. Скончалась в Таранто в 1901. Похоронена в Болонье в 1903 году». Мы не говорили о том, что происходило на ассамблеях «Опера деи конгрессии» во Флоренции и в Таранто, но

читателям ясно, что речь идет о разных этапах в сравнительно недолгом существовании «Опера деи конгресси».

Светская печать с большим вниманием следила за тем, что происходило в католическом лагере. Для страны в целом было отнюдь не безразлично, каков будет исход борьбы между различными группировками католического движения, какой политический курс будет проводить папа Пий X. Некоторые крупные деятели христианско-демократического движения все-таки не хотели сдаваться. Надо было искать какие-то новые организационные формы.

ИДЕОЛОГИ ИТАЛЬЯНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Итальянский исследователь Франко Гаэта, анализируя феномен итальянского национализма и устанавливая периодизацию, остроумно писал о «мифологической фазе», начало которой он относит к последним десятилетиям XIX в. Мне кажется верным начать отсчет с 1876 г., с момента «парламентской революции». Напомним: процесс трансформизма еще не начался, к власти пришла Историческая Левая и программа Депретиса беспокоила некоторые влиятельные буржуазные круги. Поскольку, как мы знаем, политических партий в современном понимании тогда не было, огромную роль в политической жизни страны играли газеты и журналы, вокруг которых объединялись журналисты и политики. Влияние некоторых органов печати было весьма значительным.

Итальянские журналисты были исключительно активными и влиятельными и во время Рисорджименто, и после объединения. Эта категория интеллигенции не могла не быть активной уже в силу специфики своей профессии: журналисты не только давали информацию, но и являлись реальной общественной силой. Конечно, между газетами существовала и чисто коммерческая конкуренция. Однако идеологические моменты играли важную роль. Зачастую газеты являлись рупором одной из фракций того или иного политического течения или даже персональным органом крупных деятелей, участвуя в их борьбе за власть. Но иногда газеты и журналы выступали самостоятельно по отношению к различным группировкам и проводили свою собственную политическую линию. Многое зависело от личных качеств и престижа директоров (т. е. главных редакторов) тех или иных органов печати.

В 1876 г. в Милане — «духовной столице Италии» — решено было создать некий центр, который мог бы непосредственно оказывать влияние на формирование общественного мнения. Таким центром стала ежедневная газета «Коррьере делла сера» («Вечерний вестник»). Через 100 лет, уже в наше время, вокруг «Коррьере» то и дело начинают клубиться страсти, возникают сложные интриги, происходит отчаянная конкурентная борьба между различными группами, которые стремятся завладеть газетой. Это не

случайно: газета имеет устойчивую репутацию, определенные слои ломбардской буржуазии читают «Коррьере» из поколения в поколение. Однако таким престижем газета начала пользоваться не сразу. Были разногласия внутри группы промышленников, финансировавших «Коррьере», были колебания и в проводившейся политической линии.

Первым директором «Коррьере» был участник Рисорджименто Эудженио Торелли-Виоллье. Ему приходилось пробиваться и лавировать, преодолевать большие трудности, идти на компромиссы. Страхась конкуренции, он в какой-то момент передал значительную часть своих акций более реакционной группировке, чем та, которая создала «Коррьере». Началась острая внутриредакционная борьба, в которой Торелли-Виоллье потерпел поражение. С 1 июня 1898 г. газету возглавил представитель наиболее реакционной группировки Доменико Олива. Но ему не пришлось долго властвовать. Его сменил человек, которому суждено было на протяжении нескольких десятилетий играть исключительную роль в политической жизни Италии.

Это правый либерал Луиджи Альбертики (1871–1941). Он происходил из богатой семьи в Анконе, внезапно разорившейся из-за рискованной спекуляции, связанной с земельными участками, — типичный для Италии поворот фортуны. Журналистскую карьеру Альбертики начал в «Стампе», которая выходила с 1861 г. Потом он недолго работал в одном специализированном финансовом журнале и наконец перешел в «Коррьере». Еще в период работы в «Стампе» он 10 месяцев пробыл в Лондоне в качестве ее корреспондента, углубил там свои знания в области политической экономии, в совершенстве изучил новейшую технику газетного дела. В «Коррьере делла сера» он с исключительным успехом провел разные усовершенствования, и газета приобрела новый, современный стиль. Когда Олива сменил Торелли и «Коррьере делла сера» стала поддерживать реакционный правительственный курс, Луиджи Альбертики держался в тени. Но его час приближался.

Этот час пробил 17 мая 1900 г. Воспользовавшись тем, что Олива ненадолго уехал, Луиджи Альбертики произвел, как пишут итальянские историки, государственный переворот. А именно поместил редакционную статью с очень резким осуждением политики Пеллу, что шло вразрез с куда более осторожной линией газеты. Обо всем этом можно было бы написать роман, но мы ограничимся главным: Альбертики победил, произошло переформирование акционерного общества, издававшего газету, и Альбертики фактически стал ее полновластным хозяином.

На протяжении 20 лет, пока Альбертики возглавлял газету, его авторитет был непререкаем. Были годы, когда с полным правом говорили о «системе Коррьере», противопоставляя ее «системе Джолитти». В то время, как признают итальянские историки, руководить такой газетой, как «Коррьере делла сера», значило куда больше, чем возглавлять определенное политическое течение.

В архивах Джолитти есть запись перехваченного телефонного разговора Альбертики с корреспондентом его газеты Раймонди, помеченная «Рим, 15 июня 1903 г., 15 часов 30 минут». Речь идет о взаимоотношениях Джолитти с Дзанарделли и с другими деятелями, о каком-то письме Джолитти, которое рассматривается как политический документ, причем

Альбертини говорит своему собеседнику: «Ну да, я прекрасно понимаю цели Джолитти, но мы не можем помогать ему в его игре». Альбертиний никогда не станет поддерживать «человека из Дронеро», и формула, противопоставляющая «систему Коррьере» и «систему Джолитти», исторически совершенно верна.

Но обратимся к «мифологической фазе» итальянского национализма. В 1895 г. в Риме начал выходить журнал «Иль конвито» («Пир»), который Кроче назвал однажды самой торжественной коллективной манифестацией эстетизма. Группировавшиеся вокруг журнала писатели, помимо культа «красоты», сходились на отрицании самой идеи политической демократии и были убежденными националистами. Именно в «Конвито» Д'Аннунцио напечатал роман «Девы скал», герой которого Клаудио Кантельмо в равной мере презирает простолюдинов и буржуазию и мечтает о возрождении итальянской славы. Ссылаясь на «историю», он провозглашает наступление «латинян» против «варваров».

Год спустя во Флоренции был основан журнал «Марцокко» (так называется лев, изображенный на гербе Флоренции). Главным организатором и идеологом «Марцокко» был Энрико Коррадини (1865–1931). После шока, вызванного поражением под Адуа, он посвятил свою жизнь «борьбе за возрождение итальянского величия». Грамши несколько раз упоминал о нем в «Тюремных тетрадах». Например: «...Коррадини, кажется, делает различие между «маленькой политикой» и «большой политикой» «в тезисах», заключающихся в произведениях искусства. Разумеется, Коррадини, поскольку у него «большая политика», кажется, что его нельзя обвинить в том, что в его художественных произведениях (Коррадини был не только публицистом, но и романистом, хотя и посредственным. — Ц. К.) есть «политиканство». Вопрос заключается в другом: когда имеешь дело с произведениями искусства, надо смотреть, не вкрались ли в них внехудожественные элементы, все равно — высокого или низкого свойства, т. е. идет ли речь об «искусстве» или об «оратории», преследующей практические цели. А все произведения Коррадини такого типа: не искусство и плохая политика, т. е. просто идеологическая риторика»^[63].

Габриэле Д'Аннунцио — самый крупный из писателей, примыкавших к группе «Марцокко». В середине 90-х годов он был связан с веристами (реалистическое движение в итальянском искусстве того времени), потом объявил себя ницшеанцем. Впрочем, и он, и Коррадини, в сущности «препарировали» Ницше, воспринимая его односторонне и упрощенно. Они брали из контекста то, что им подходило. В то время по всей Западной Европе прокатилась волна антидемократизма, философские и эстетические идеи Ницше брались, так сказать, на вооружение.

В Италии журналы нередко играли большую роль, чем университеты и даже некоторые академии с мировой славой. В 1903 г. во Флоренции начал выходить журнал «Леонардо» (в честь великого художника). Его основали молодые писатели Джованни Панини (1881–1956) и Джузеппе Преццолини (р. 1882). Оба принадлежали к поколению «родившихся после 1870 г.», т. е. после объединения Италии. Следовательно, к ним полностью относится все, что выше говорилось об атмосфере разочарования. Для Папини и

Преццолини идеалы Рисорджименто — далекое прошлое. Все это для них почти абстракция. Мир изменился, и необратимо. Идеалы Рисорджименто? Им это почти безразлично. Чувства и чаяния людей предыдущего поколения кажутся им безнадежно устаревшими. Они хотят обрести философию и жизненную программу. Они ищут. Они претендуют на руководящую роль не только в искусстве, но и в теоретическом обосновании общенациональной политики. 4 января 1903 г. в журнале «Леонардо» была помещена статья Папини «Империалистический идеал», подписанная псевдонимом Джан Фалько. Автор издевался над убожеством и пошлостью риторики националистов, вместе с тем провозглашалось, что группа «Леонардо» тоже против демократии и против идеологии прогресса. Polemica против националистов и против Коррадини лично продолжалась долго.

«Реньо» («Государство») начал выходить 29 ноября 1903 г. также во Флоренции. Программная статья Коррадини, возглавившего журнал, была озаглавлена: «Для всех, кто возрождается». Перечислялись все враги: и «гнусный социализм», и либеральная буржуазия (Джолитти). Тон был апокалиптический: социалисты не признают благородных идей и разжигают в толпах низменные инстинкты; буржуазия предаёт национальные интересы. Общество разлагается: «Оно глубоко вобрало в себя специфическую заразу различных социологий, философий, политических теорий, светского и католического космополитического мистицизма. Все это отлично удобрило почву, на которой взросло и процветает вредное растение — социализм. Все признаки одряхления: сентиментализм, доктринерство, чрезмерная привязанности к бренной жизни, чрезмерное сострадание к беднякам и к слабым, выдвижение в качестве канонов мудрости полезного и посредственного, забвение высших человеческих возможностей, осмеяние героизма — вот наихудшие признаки прогнившей старости переродившихся людей, стоящих у руля правления итальянской буржуазии»^[64].

В этом же 1903 г. Папини и Преццолини лично познакомились с Коррадини и стали сотрудничать в «Реньо». Интеллектуально оба они, несомненно, превосходили Коррадини, но политически оказались в одном лагере. Цель этого политического альянса заключалась в том, чтобы добиться возрождения итальянской буржуазии и усиления ее «антисоциалистической функции». Преццолини утверждал, что само понятие классовой борьбы придумано социалистами, так как удобно для пропаганды. Социалисты якобы ссорятся между собой о том, кто правильнее интерпретирует учение Маркса. В действительности буржуазия и пролетариат — «две национальные силы», и никаких противоречий между ними нет. На самом деле интересы буржуазии и рабочих совпадают. Буржуазию будто бы провоцируют на классовую борьбу. Однако, если «политические авантюристы» и демагоги из Социалистической партии так много говорят о классовой борьбе, «надо сделать этот лозунг своим, но бороться прежде всего против социалистов, которые представляют наибольшую опасность и для общенациональных интересов, и для наших интересов, и для интересов пролетариата»^[65].

В Италии много спорят обо всех различиях и точках соприкосновения, существовавших между различными группами интеллигенции, которая в годы «социалистической монархии» предлагала правящим классам антидемократическую альтернативу джолиттизму. Споры эти длятся более полувека. Еще Пьеро Гобетти в книге «Либеральная революция» посвятил одну главу националистам. Правда, сейчас его концепция не кажется убедительной. Заметив, что «первыми пророками итальянского национализма» были литераторы, Гобетти отказывается в интеллектуальной серьезности не только им, но и тем идеологам, которые занимались правом, политикой, философией. Он писал: «Национализм сопротивлялся социализму и позитивизму, оставаясь на их собственной почве. Если выражаться языком, привычным для этих новых пришельцев, он был антитезой тезиса»^[66].

Надо сказать, что на первых порах Кроче всей силой своего авторитета поддержал «Леонардо», поскольку журнал боролся против позитивизма. Однако, видимо, Преццолини искал для себя нечто вроде философского алиби: нападая на позитивизм, он хотел замаскировать чисто политический характер нападок на социализм и демократию.

Что до Коррадини, то он прямо писал, что «Реньо» имеет вполне определенную цель «вернуть Италии самосознание великой нации, а итальянской буржуазии, напуганной размахом социалистического движения, — сознание того, что она является классом, необходимым для благосостояния и достоинства нации»^[67].

Группы «Реньо» и «Леонардо» испытывали большое влияние идей Моски и Парето. Начало сотрудничества Моски в «Коррьере дела сера» относится к февралю 1901 г., и историки считают, что Альбертини и Моска «были созданы для взаимопонимания». В предисловии к сборнику статей Моски, печатавшихся в «Коррьере», есть раздел, озаглавленный «Итальянская культура и антиджолиттианская идеология. Закат Рисорджименто». Среди наиболее влиятельных и агрессивных антиджолиттианских сил выделяются «три группы течений в светской и правой культуре». В первой группе — «иррационализм и даннунцианизм», во второй — школа радикальных экономистов, с которой связаны и меридионалисты, в третьей — «последователи крочеанского идеализма». К ним причислены «сторонники элитарной школы Моски и Парето». Кстати, заметим, что Парето, со своей привычной иронической точностью, писал в начале 1904 г. в «Гадзетт де Лозанн», что люди обычно прислушиваются к тем, кто громче всех кричит, и следуют за теми, кто высоко поднимает свои флаги и размахивает ими. Он имел в виду журнал «Реньо». Добавим еще, что идеологи итальянского национализма постоянно ссылались на Мадзини и Джоберти. Было много вариаций на тему о «миссии возрожденной Италии». Соннино, который отнюдь не был демагогом, искал прибежища в этих великих именах. То же самое усердно делали и писатели «Реньо». Политически и психологически это было очень важно: хотели непременно «воссоздать национальную атмосферу». Правда, при этом идею о миссии возрожденной Италии стремились непременно «модернизировать».

В 1970 г. в Бари вышла любопытная книжка, в которой объединены работы трех молодых филологов. Молодые исследователи обвиняют своих предшественников в том, что те неверно расценивали процессы, происходившие в итальянской культуре в первом

десятилетия XX в. Особенно резко звучит статья «Культура и нация. Анализ одного мифа». Так, автор пишет: «Совершенно невозможно изображать итальянскую культуру как разделенную на два несообщающихся сосуда: с одной стороны, подлинно демократическая культура, а с другой стороны, националистическая реакционная культура, которая трактуется как некое «извращение», изолированное и не сумевшее заразить «национальную душу», по существу оставшуюся здоровой»^[68].

Имеется в виду прежде всего Кроче, говоривший о «больных детях века». Сама мысль, что не следует полярно противопоставлять различные течения культуры и позицию различных групп итальянской интеллигенции, в целом представляется верной. Однако и верную мысль нельзя доводить до абсурда: при всех точках соприкосновения различия были, и чрезвычайно существенные. Достаточно напомнить о противопоставлении «системы Коррьере» и «системы Джолитти»: это был очень важный ингредиент общественно-политической борьбы того времени.

Конечно, был создан и миф: ««Коррьере» никогда не ошибается», но этот миф имел широкий успех. Крупный исследователь итальянской печати Паоло Муриальди сравнил «Коррьере» с великолепно организованной машиной, но никак не с палитрой художника. «Система Коррьере» предполагала определенные интересы — политические, экономические, культурные. «А за ними — аристократ, доктринер и моралист Луиджи Альбертини, противопоставивший «системе» Джолитти альтернативу «Коррьере», — так писал Кароччи. Современный исследователь Валерио Кастроново в книге «Итальянская печать от объединения до фашизма» уверенно рисует портрет Альбертини — человека, который в силу глубокой внутренней убежденности хотел продолжать дело Исторической Правой, потому что верил в ее этико-политические и культурные идеалы. Альбертини — «консерватор классического типа, кавурианец в полном смысле слова», сторонник «сильного и глубоко морального правительства» — превратил свою оппозицию джолиттианскому реформистскому эксперименту в радикальный спор. Он осудил какую бы то ни было *apertura*^[11] по отношению к социалистическому движению как «наихудший оппортунизм» и «преступную слабость»^[69].

Альбертини был довольно тесно связан с Соннино, оба считали наилучшим образцом политического руководства и стиля Британскую империю. Нам еще придется говорить о взаимоотношениях этих двух людей, а пока — об особом характере националистических убеждений Альбертики. Обратимся к истокам Рисорджименто. И Историческая Правая и Историческая Левая (разные течения либерального движения) были, разумеется, и национально-освободительными силами. Если анализировать идеологию Рисорджименто, становится очевидным, что в ней были мотивы, которые позднее, в первом десятилетии нового века, приобрели у некоторых слоев интеллигенции новый оттенок. Можно ли считать случайностью, что «Леонардо» и «Реньо» популяризировали Кипплинга, Чемберлена, французских националистов? Можно ли считать случайным духовный союз Альбертини и Гаэтано Моски? Создавалась и кристаллизовалась доктрина *сильного государства*, стоящего над индивидуумом.

Грамши, неизменно интересовавшийся этими проблемами, 7 февраля 1920 г. напечатал в «Ордине нуово» статью «Итальянское государство», написанную просто и общедоступно, с учетом рабочей аудитории. «Что такое итальянское государство? И почему оно такое, какое есть? Какие политические и экономические силы лежат в его основе? Испытало ли оно процесс развития? Оставалась ли всегда неизменной система сил, которые определили его рождение? Какие внутренние ферменты влияли на развитие процесса?»^[70].

Положение в итальянском обществе в начале «эры Джолитти» было противоречивым. Италия не только вышла из экономического кризиса и тупика 1887–1896 гг. Она вступила в период беспрецедентного экономического процветания, который с недолгими перерывами продолжался более 10 лет. В условиях новой, исключительно благоприятной конъюнктуры и после краха авторитаризма Криспи — Пеллу, происходили серьезные изменения во всех областях общественной жизни. В политическую игру были внесены новые элементы, возникли новые темы. Нравы, интересы, психология — все приобретает новые черты. Азор Роза делает интересные сопоставления: Парето, с одной стороны, и Сорель — с другой, писали о вреде, «который наделали оптимисты, филантропы, шарлатаны, связанные с революционной традицией 1793 г., которые во имя вечных принципов свободы, равенства и братства набросили стыдливую вуаль на неизбежные законы прибыли и на столкновение между противоположными интересами»^[71]. «Критика социале» также стремилась преодолеть сектантские традиции, довлевшие над интеллигенцией в период Пострисорджименто. Журнал неизменно отдавал предпочтение анализу реальных исторических процессов, реальных фактов и интересов (экономических, социальных, политических) перед «метафизическими абстракциями». Это тоже сближало реформизм и джолиттизм. В этой связи Азор Роза выдвигает концепцию «антиякобинизма». Но интересно, что критика якобинцев приобретала самые различные, нередко противоречивые формы и оттенки.

В «Тюремных тетрадах» Грамши есть интересные размышления о якобинизме. Грамши писал, что этот термин с течением времени приобрел два значения. Одно было правильным: «Оно содержало в себе историческую характеристику определенной партии во время французской революции, — партии, которая представляла себе развитие французской жизни определенным образом, которая имела определенную программу, опиралась на определенные социальные слои и осуществляла свою партийную и правительственную деятельность определенным образом, отвечавшим ее методу, отличавшемуся крайней энергией, решительностью и мужеством, которые проистекали из фанатичной веры в правильность программы и этого метода»^[72].

Однако, писал Грамши, появилось второе истолкование этого термина. Якобинцами стали называть людей энергичных, решительных политических деятелей, абсолютно уверенных «в чудодейственных достоинствах своих идей, какими бы эти идеи ни были». При таком понимании основным смыслом становится «момент разрушения», вызванный ненавистью к оппонентам и врагам. Он берет верх над «конструктивным моментом», отвечающим требованиям и чаяниям народных масс. И Грамши объясняет (кстати, называя и Криспи),

что при этом втором, *худшем* истолковании понятия «якобинец» над политическими национальными интересами верх берут иные черты, среди которых и *разнузданный индивидуализм*.

Если исходить из этого рассуждения Грамши, можно нарисовать такую картину итальянской общественной мысли в начале XX в. Для определенной прослойки интеллигенции традиции Правой превратились в миф. Идеология чистого (абсолютного) либерализма, очищенная от конъюнктурных наслоений и страстей, уже почти религия и, во всяком случае, прочная платформа для таких людей, как Луиджи Альбертини и Гаэтано Моска. Но нельзя забывать, что политическая философия Исторической Правой, т. е. чистого либерализма, включала в себя антидемократический момент. Деятели Правой, исходя из «высших соображений», считали для себя совершенно естественным решать и регулировать все, не заботясь о *consenso*^[12]. Это признавал даже Бенедетто Кроче.

Консерваторам Исторической Правой противостояло леволиберальное течение, основным тезисом которого было требование свободы. Напоминаю о письме Маффео Панталеони, утверждавшего, что в обществе должно быть место «и для священника, и для анархиста». Примерно то же после репрессий 1898 г. писал Парето в «Критика социализма», добавляя притом, что он лично «большой консерватор, чем все те, кто называет себя консерваторами». Социалисты исходили из основополагающего принципа свободы для всех граждан. На этой принципиальной позиции *теоретически* (практика далеко не всегда отвечала теории) стоял и Джолитти. Все это так или иначе восходило к «бессмертным принципам» Великой французской революции.

Оппозиция «системе Джолитти» шла не только слева, но и справа. Гаэтано Моска называл «бессмертные принципы» совершенной абстракцией и противопоставлял им «солидную реальность естественных законов природы», предполагающих неравенство людей. В еще большей степени в неравенстве людей были убеждены авторы «Реньо» и «Леонардо». Оппозиция справа охватывала массу группировок, начиная с «Коррьере делла сера» во главе с Альбертини и кончая националистами типа и уровня Коррадини. Все это очень пестро и по идеологическим посылкам, и по культурному уровню, но какие-то вещи очевидны. Речь шла и о решении общенациональных проблем, и о том, какая группа, какой «политический класс» должны эти проблемы решить.

«Системе Джолитти» противостояла концепция «просвещенного консерватизма» Соннино. Кароччи сравнивает и противопоставляет «решения задачи», предложенные Джолитти и Соннино. Политическая программа Джолитти, предложенная им еще в конце прошлого века, в одной своей части оставалась неизменной, но в другой части изменилась, и глубоко, поскольку изменилось общее положение не только в Италии, но и в Европе: «Джолитти всегда принимал со спокойным мышлением реалиста тот факт, что между программными декларациями депутата и конкретной деятельностью министра существует различие». Во время «эры Джолитти» Италия переживала индустриальную революцию. Внутри правящих классов происходили изменения, менялся удельный вес отдельных прослоек. Вмешательство государства (протекционизм, заказы, различные премии) «почти всегда

имело решающее значение». Чрезвычайно возросла роль банков. «Обоснование либерального поворота в первые годы века заключалось в убеждении Джолитти: правительство перестало быть классовым правительством, каким было в прошлом, ибо не было более связано с преобладающими интересами крупных земельных собственников и финансовой аристократии. Между новыми производящими, индустриальными силами буржуазии и парламентским реформистским социализмом была такая большая конвергенция интересов, что они были как бы двумя сторонами одного и того же существа»^[73].

О Соннино в книге Кароччи мы читаем: «Соннино был крупным земельным собственником, человеком высокого интеллекта и культуры, морально твердым, с протестантской цельностью убежденным в правах и обязанностях верхушки общества; собственности он приписывал выдающуюся социальную и реформаторскую роль»^[74]. Программа «просвещенного консерватизма» Соннино, противопоставляемая левoliberalной концепции Джолитти, предусматривала компромисс между интересами промышленников и аграриев. Соннино, южанин, был убежденным меридионалистом и отдавал предпочтение не рабочей, а крестьянской базе (имеется в виду все то же понятие *consenso*). Для пропаганды этих идей жизненно важным было создать еще одну газету, которая могла бы стать рупором этих концепций. И в июне 1901 г., через год после того, как Альбертини стал директором «Коррьере делла сера», в Риме была создана еще одна газета, которой предстояло в будущем также играть немаловажную роль в политической борьбе. Газета эта существует и сейчас. Это «Джорнале д'Италия» («Газета Италии»). Выбор директора газеты и основного ядра сотрудников был сделан «по-семейному», как решили Альбертини и Сидней Соннино. Директором газеты был назначен бывший секретарь редакции «Коррьере делла сера» Альберто Бергамини. За новой газетой стояли крупные земельные собственники и некоторые промышленники Севера. Бергамини был талантливым журналистом, а политически — убежденным сторонником «просвещенного консерватизма» Соннино. Это было очень серьезной угрозой для Джолитти, так как Бергамини быстро завоевал популярность в столице и на Юге. В последующие годы и «Коррьере делла сера» и «Джорнале д'Италия» сыграют большую роль в распространении националистической идеологии.

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ ВНУТРИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В начале XX в. Турати думал, что отныне борьба классов в Италии будет происходить не так, как это было во время «кровавого десятилетия» конца XIX в., а в спокойных условиях и цивилизованных формах. Однако «эра Джолитти» оказалась отнюдь не идиллической, а Джолитти, этот «человек завтрашнего дня», сформировав свое правительство, произнес, как

мы знаем, речь, похожую на некоторое отступление от его прежних программных выступлений. Правда, как искусный тактик, заключая прения, Джолитти сделал некоторые авансы социалистам, но этот маневр мог обмануть только очень наивных людей. Турати, при всем своем незаурядном уме, нередко проявлял наивность, но у «синьоры Анны»^[13] был трезвый и насмешливый ум, и разбираться в людях она умела. Так и в этом случае она написала своему «Филиппино», чтобы он не заблуждался насчет любезностей Джолитти. Конечно, Турати был встревожен, но он не хотел и не мог отказаться от линии на сотрудничество своей партии с либералами и счесть эту линию ошибочной. Мы писали о съезде в Имоле в 1902 г., когда за Турати пошло большинство. На протяжении всей «джолиттианской эпохи» Турати последовательно, отстаивал свою идею: главная задача Социалистической партии — полностью сохраняя автономию и выступая с классовых позиций, не попадать в положение полной изоляции. Надо было создать наиболее благоприятные условия для осуществления программы-минимум, и над этим работали самоотверженно. Однако настроения в низовых партийных организациях по вопросу о поддержке правительства Джолитти были довольно смутными.

Коалиция Артуро Лабриола — Ферри набирала силу. В апреле 1903 г. в результате референдума, проведенного в партийных организациях, стало очевидным, что многие секции не одобряли реформистскую линию, которую проводил в газете «Аванти!» ее директор Леонида Биссолати (1857–1920), один из виднейших деятелей партии и самый близкий друг Турати. В результате референдума Биссолати покинул свой пост и директором газеты стал Ферри, который привел с собой в редакцию целую группу революционных синдикалистов. В феврале 1904 г. на ломбардском региональном съезде резолюция Турати не собрала большинства голосов, и он забил тревогу, так как был убежден, что победа «непримиримых», «революционеров» могла бы стать катастрофой для партии. Но и на общенациональном съезде в Болонье в апреле 1904 г. соотношение сил оказалось неблагоприятным для Турати. Все это было не случайным: правительство во время трудовых конфликтов вело себя так, что линия реформистов на сотрудничество с ним не могла не вызывать серьезных возражений.

На съезде в Болонье несколько раз казалось, что раскол партии неизбежен. Прокаччи пишет об абсолютной интеллектуальной честности и прямоте Турати, но замечает, что тот не отдавал себе отчета в размере влияния, которым уже пользовалась коалиция Артуро Лабриола — Ферри. Когда, пишет Прокаччи, две крайние группы заняли совершенно непримиримые позиции и раскол казался неизбежным, слово взял Ферри, специально устроивший так, чтобы выступить последним. Ферри понял, что делегаты съезда ни в коем случае не хотят раскола, но понял также, что «после двух лет надежд и разочарований» большинство сомневается в правильности реформистской линии и «испытывает сильное искушение изменить курс и испробовать линию, отличную от той, что взяла верх в Имоле». Поэтому он предложил проект достаточно двусмысленной резолюции, которая, однако, могла понравиться делегатам. Смысл ее был в том, что поддерживать правительство социалисты не должны ни в коем случае. Но партия ведет многообразную работу, от

требования реформ до разрушения системы, построенной на эксплуатации и паразитизме, и поэтому должна непременно сохранять единство.

На этом съезде к руководству партией пришли «левые»: Энрико Ферри и Артуро Лабриола. А Турати и его единомышленники, на протяжении 12 лет считавшиеся самыми авторитетными деятелями итальянского социализма, превратились лишь в одну из фракций. Именно эту фракцию Прокаччи считает единственно серьезной и обладающей чувством ответственности. Впрочем, он не отказывает в последовательности и Артуро Лабриоле. Но с отвращением пишет о Ферри, который «передергивал карты и проделывал свои трюки согласно всем правилам политической интриги в итальянском стиле». Съезд, следовательно, закончился победой «самого опытного и беззастенчивого мастера по манипулированию большинством». Артуро Лабриола вынужден был ограничиться полупобедой.

Вообще же в силу объективных обстоятельств и «реформисты», и «революционеры» вынуждены были пойти на компромисс и сохранить иллюзию единства. Это отражало драматическое положение бойцов рабочего класса в стране, в которой, в силу исторически сложившихся условий, в силу расслоения и структурных особенностей пролетариата, «осуществить реформы было бы так же трудно, как осуществить революцию. Реформисты не добились бы первых, а революционеры не увидели бы последней»⁽⁷⁵⁾.

К началу XX в. Социалистическая партия была единственной в Италии организованной политической партией современного типа. В ее программе-минимум давалось теоретическое обоснование всех преобразований, за которые пролетариату предстояло бороться. Преобразования были трех видов: политические, экономические и административно-налоговые. В преамбуле говорилось, что программа-максимум Социалистической партии — это цель, а программа-минимум является средство?! для достижения этой цели, «в чем и заключается ее качественное отличие от всех буржуазных реформистских программ, где реформы служат самоцелью и лишь уничтожают отдельные вопиющие проявления социальной несправедливости, не касаясь корней зла, кроющегося в самой экономической и политической организации человеческого общества»⁽⁷⁶⁾. Этот текст можно было, в силу некоторой его расплывчатости, истолковать различно. Так оно и произошло.

Сентябрь 1904 г. ознаменовался новыми классовыми битвами. Выступления трудящихся приняли широкий размах. 3 сентября в Буджерру (Сардиния) полиция и войска стреляли в бастовавших горняков, были убиты. На митинге, организованном 8 сентября миланской Палатой труда, выступали «революционеры», реформисты и республиканцы. Было решено через восемь дней объявить всеобщую забастовку, по прошло всего три дня, и в Кастеллуццо (Сицилия) полицейские открыли стрельбу по толпе крестьян, протестовавших против разгона собрания, созванного секретарем местного кооператива, социалистом. Опять были убиты. Миланская Палата труда опубликовала манифест «Долой правительство убийц!» и объявила всеобщую забастовку, которая 16 и 17 сентября охватила всю страну. Стихийный гнев и возмущение масс были исключительно сильными,

забастовка способствовала росту классового самосознания трудящихся, но конкретных политических результатов она не дала, так как с самого начала не было четких лозунгов и требований, не было единого руководства.

Реформисты, хотя и с некоторыми оговорками, поддержали всеобщую забастовку. Турати предполагал, что она заставит Джолитти отступить от двусмысленной политики и решительно встать на путь обещанных реформ. Однако все произошло иначе. Сразу после окончания забастовки Артуро Лабриола заявил, что теперь рабочие воочию убедились в том, что «пять минут прямого действия стоят по меньшей мере столько же, сколько пять лет парламентской болтовни». К сожалению, это всего лишь гипербола. Забастовка практически окончилась неудачей. Джолитти со своей стороны объявил ее «преступной и безумной», распустил парламент и назначил новые выборы. На них он выступил с откровенно правой программой, хотя как ловкий политик и нашел двусмысленную формулу: «Ни реакция, ни революция». Буржуазия была отчаянно перепугана размахом и интенсивностью народных выступлений. Ее идеологи требовали объединить все силы для того, чтобы преградить дорогу социализму.

Мы упоминали о том, что в 1901 г. была создана Федертерра. Через пять лет была создана Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), объединившая промышленных рабочих. Обе крупнейшие профсоюзные организации Италии шли за реформистами. Создалось парадоксальное положение. Парламентская группа, состоявшая из социалистов, пользовавшихся большим личным авторитетом во всей стране (а не только в своей партии), начиная с Турати, занимала вполне самостоятельную позицию и нередко действовала вне зависимости от желаний руководства. На протяжении двух лет, до IX съезда партии, состоявшегося в Риме в октябре 1906 г., борьба течений продолжалась. Правда, после всеобщей забастовки в сентябре 1904 г. влияние и авторитет «революционных синдикалистов» оказались сильно подорванными. Кроме того, беспринципность Энрико Ферри становилась все более очевидной. В 1906 г. на съезде в Риме Артуро Лабриола и другие южане крайне резко выступили против Ферри. Лабриола говорил об «идолах толпы», о том, что то, что Ферри сегодня называет белым, он завтра так же уверенно назовет черным, лишь бы сохранить популярность в массах. Ферри произнес речь, в которой призывал «к реформам против реформизма и к синдикатам против синдикализма». Поскольку альянс с Артуро Лабриолой был разорван, Ферри примкнул к направлению «интегралистов»^[14], образованному центристским большинством съезда во главе с туринским социалистом Оддино Моргари.

Гаэтано Арфе пишет, что Моргари был благородным человеком, искренне преданным социализму, но что он «изобрел нечто вроде идеологической генеалогии, согласно которой все социалисты оказывались братьями»^[77]. На съезде разыгрались бурные прения. По главному вопросу «О политическом курсе партии» выступили три докладчика, представляющие три течения. Председательствовавший Андреа Коста только и делал, что призывал ораторов и зал к порядку. Моргари осудил как реформистов, так и синдикалистов, перечислил все их уклоны, а потом заявил, что интегралисты относятся с уважением к тем

и к другим. От имени своей группы он предложил резолюцию, суть которой сводилась к тому, что Социалистическая партия лишена всякого догматизма и вольна избирать любую тактику. Однако депутаты-социалисты могут голосовать за поддержку правительства лишь в том случае, если партия выскажется за это, проведя специальный референдум.

От имени реформистов выступил один из крупных деятелей партии, Джузеппе Эмануэле Модильяни. Он сказал, что приготовился было выслушать громовые речи против течения, к которому принадлежит, но вместо этого ему «пришлось сделать сильнейшее умственное усилие для того, чтобы понять, в чем состоит различие между интегралистами и реформистами». В то же время, Модильяни считал, что и вопрос о синдикалистском течении в партии очень важен. Он сделал экскурс в историю, а потом заявил, что синдикализм является антитезой социализму: «Социализм есть естественное, а поэтому постепенное и сложное движение, а синдикализм хочет действовать ускоренными методами, которые являются для социалистического движения чем-то искусственным»^[78]. Артуро Лабриола произнес исключительно резкую речь, обвинив реформистов в недостаточной активности во время одной из забастовок лишь потому, что у власти был Джолитти, «ваш человек, человек, который вас понял, который давал вам эти реформы, к коим вы призываете каждый день, не потрудившись хотя бы раз объяснить нам, в чем они должны состоять»^[79]. Прерываемый то аплодисментами, то враждебными репликами оратор заявил, что и реформисты, и интегралисты совершенно утратили классовое чутье, что все они не социалисты, а антисоциалисты...

В речи Турати были и ирония, и юмор (в стенограмме то и дело: «смех в зале»), и серьезная полемика. Он без обиняков заявил, что между реформистами и синдикалистами нет ничего общего ни в плане теории, ни в плане практической деятельности. Он добавил, что синдикалисты — мистики и «эстеты» (вероятно, Турати из вежливости не сказал «позеры») и, кроме того, они «чистые идеологи», мыслящие абстрактно. Что касается интеграллистов, Турати повторил фразу, ранее произнесенную его другом Клаудио Тревесом, что интегрализм — это тот же реформизм плюс двусмысленность, т. е. «фиговый листок», которым хотят прикрыть реформизм. Турати обвинил интеграллистов в том, что те четыре года держались в стороне, ничем не помогая реформистам, а, напротив, иногда из мелких личных соображений (намек на Ферри) помогая их противникам. А теперь, когда стойкость реформистов начинает приносить свои плоды и партия все лучше понимает их идеи, являются интеграллисты и хотят воспользоваться плодами этой борьбы. Главным в речи Турати было категорическое заявление: реформисты и синдикалисты не одна, а две партии. При голосовании реформисты поддержали резолюцию, предложенную интегралистами («замаскированными реформистами»), и она прошла.

Формально победа осталась за интегралистами, резолюция съезда отразила эклектичность их позиции. Руководство партии, избранное в Риме, состояло из второстепенных деятелей, которые, как единодушно признают историки, не выдерживали сравнения ни с Турати, ни с Биссолати, обладавшими огромным опытом и личным престижем. Вообще же было очевидным, что соотношение сил в партии изменилось: в большей мере это объяснялось

неудачами, к которым на практике приводила анархо-синдикалистская тактика «прямого действия». Успех интегрализма, помимо всего прочего, объясняется и психологическими причинами, той инстинктивной и очень сильной тягой к единству, которой всегда отличалось итальянское рабочее движение (несмотря на то что в истории этого движения бывали и самые жестокие разрывы). Однако приходится признать, что иногда в жертву этому единству приносились ясность и отчетливость идейных позиций. Некоторые историки (например, Кортези) употребляют термин «ферризм». Что касается Ферри лично, он после съезда в Риме еще с год оставался директором «Аванти!», но потом, воспользовавшись тем, что его пригласили в США на три месяца для чтения лекций, сам ушел из газеты и исчез с политической сцены.

В годы между римским съездом (1906 г.) и флорентийским (1908 г.) отчасти вследствие борьбы с революционными синдикалистами лидеры реформистского крыла стремились найти новые, более эффективные методы работы в массах. Турати с присущей ему прямоотой писал, что налицо симптомы кризиса, который переживает партия. Сущность кризиса в том, что есть разрыв между деятельностью палат труда, лиг, кооперативов, руководимых социалистами, и работой парламентской социалистической фракции. Констатируя этот факт, Турати открыл в «Критика социале» дискуссию об обновлении партии. Дискуссия была исключительно острой. Уже после римского съезда стало очевидным, что разница во взглядах реформистов и революционных синдикалистов настолько велика, что заклинание «Единство во что бы то ни стало!» не сможет предотвратить надвигающийся и неотвратимый разрыв. Годы между римским и флорентийским съездами были годами дальнейшего размежевания.

Теперь мы должны, вернувшись к 1904 г., сказать кое-что об общеполитических событиях. Напомним, что в ноябре 1904 г. Джолитти провел выборы под лозунгом «Ни реакция, ни революция». Социалисты на тех выборах потерпели поражение. Уменьшилось также число депутатов-республиканцев. Но в целом парламент не слишком благосклонно относился к премьер-министру, считая, что тот недостаточно решительно ведет себя по отношению к забастовщикам. В марте 1905 г. Джолитти, сославшись на состояние здоровья, ушел в отставку (фактически он был почти вынужден сделать это). В тот момент некоторые хотели, чтобы к власти вернулся ди Рудини, но этого не произошло, и после короткого переходного периода премьером был назначен личный друг и ставленник Джолитти, либерал Алессандро Фортис. «Во время пребывания у власти Фортиса, чьим высоким покровителем он всегда был, Джолитти правил через своего посредника, с тем преимуществом, что недовольство из-за щекотливого железнодорожного вопроса (ликвидация частной собственности, волнения персонала) падало на других»⁽⁸⁰⁾.

Наконец 8 февраля 1906 г. премьером стал Сидней Соннино, давно об этом мечтавший. Он искренне считал себя наследником Исторической Правой, и тем не менее включил в свой кабинет не только консерваторов, но и республиканцев и либералов. Социалисты вначале отнеслись к нему довольно положительно, но он оставался у власти всего лишь до 22 мая 1906 г. — «100 дней». Будучи меридионалистом, Соннино пытался на протяжении своих

«100 дней» провести некоторые реформы в пользу Юга. Но реформы не были осуществлены, а выступления пролетариата (забастовок в те годы было много) Соннино подавлял самым решительным образом. И мая 1906 г. депутаты-социалисты в знак протеста против этих репрессий отказались от своих мандатов и покинули парламент. Консерваторы, со своей стороны, не нашли в Соннино «сильного человека», которого надеялись встретить. Он ушел, и к власти вернулся Джолитти. Это произошло 27 мая 1906 г. «Долгое министерство» Джолитти просуществовало до декабря 1909 г.

Но возвращаемся к рабочему движению. В июле 1907 г. синдикалисты, собравшись на конгресс в Ферраре, постановили выйти из Социалистической партии. Они решили перенести центр тяжести своей работы в палаты труда и лиги сопротивления. В это время руководство их движением переходит в руки «чистых синдикалистов», которые руководили забастовками батраков. Некоторые — Филиппо Корридони, Микеле Бьянки и Альчесте Де Амбрис впоследствии будут играть большую политическую роль. Во время дискуссии, которую Турати открыл в «Критика социале», все единодушно признавали, что «партия больна». Однако диагнозы и предлагаемые лекарства разнятся между собой. Положение осложнено тем, что общеевропейский экономический кризис в 1907 г. ударил и по Италии. Из-за относительной слабости итальянского капитализма он оказался здесь более длительным и серьезным, чем в других странах. Обстановка в стране была напряженной. В первые годы «эры Джолитти», когда Италия переживала полосу бурного промышленного развития и итальянская индустрия начала включаться в общеевропейские рамки, Джолитти, проводя политику «классового мира», в сущности, всего лишь следовал примеру более развитых капиталистических стран. Но эта политика дала лишь частичные результаты, а после волны забастовок 1905–1906 гг., когда трудящиеся добились введения 10-часового рабочего дня, классовая борьба приобрела формы и характер, присущие развитому капиталистическому обществу, и буржуазия перешла в решительное контрнаступление.

Первая организация итальянских промышленников — Индустриальная лига была создана в Турине в 1906 г. Акт о ее создании звучал как манифест класса, претендовавшего на полное господство в общенациональной жизни. Затем возникли другие организации патроната в промышленности, а в Романье и Эмилии образовалась Ассоциация аграриев, целью которой было бороться против забастовок сельскохозяйственных рабочих. Джолитти лавировал и старался избегать классовых битв, но это оказалось невозможным. Когда-то Джолитти начинал с эгалитарной фразеологии, характерной для XIX в., с защиты мелкой собственности. Но положение быстро менялось. На политическую арену вышла новая промышленная буржуазия. Конечно, Джолитти был лидером и идеологом либеральной буржуазии, но пришли новые времена, и интересы этой буржуазии требовали иной политической линии, буржуазия предъявляла ясные требования. В конце концов Джолитти не мог не считаться с реальностью. А социалисты не могли всего этого не понимать.

Выступая в дискуссии в «Критика социале», Сальвемини с присущей ему страстностью писал, что Социалистическая партия умерла, а ее парламентская группа лишь «тень

призрака». Для конечного успеха итальянской революции необходимо органическое слияние социализма с меридионализмом. Сальвемини, примыкавший к левому крылу реформистов, считал решение южного вопроса первоочередным для достижения подлинного национального единства. Человек глубоко искренний, гуманный и благородный, Сальвемини по всему складу своего мышления чуждался абстракций (его звали «конкретистом»), революционных синдикалистов он считал фразерами. Он был связан с миланской группой как потому, что верил в программу постепенных реформ, так и потому, что был глубоко привязан к Турати лично, верил в его ум, доброту и честность, а узы личной дружбы значили для Сальвемини очень много. Он сам был олицетворением совести, морального и политического протеста против бедствий Юга.

Трудно сказать, действительно ли, выступив со статьей «Призраки и реальность», Сальвемини был убежден, что Социалистическая партия органически не способна осуществлять свою историческую роль руководителя рабочего и крестьянского движения, или же в статье просто проявились горечь, боль, разочарование. По мнению некоторых итальянских историков, в его яростной полемике сказывалось влияние английского тред-юнионизма, которым тогда многие интересовались в Италии. Сальвемини предлагал создать федерацию различных социалистических организаций и групп вне партии. Это не было ясно сформулировано, но выступление Сальвемини как бы предвещало развитие главного спора: о взаимоотношениях между Социалистической партией и синдикатами. Пока, впрочем, речь шла преимущественно о теоретических дискуссиях. Все-таки в тот момент трудно было вообразить, что пройдет всего несколько лет и все оборвется — личные отношения людей, годами связанных дружескими узами, считавших себя единомышленниками, уступят место непримиримой политической вражде.

В конце 1907 г. Иваноэ Бономи выпустил книгу «Новые пути социализма» и посвятил ее Анне Кулишовой. В книге чувствовалось прямое влияние идей Бернштейна, причем не было даже попытки как-то переосмыслить их в применении к итальянским условиям. Арфе пишет, что впервые авторитетный представитель итальянского социализма выступил в поддержку ревизионизма. Сальвемини охарактеризовал Бономи лаконично и зло: «Социалист, удовлетворенный всем». Имелось в виду то, что такие правые реформисты, как Бономи, были вполне удовлетворены режимом Джолитти и хотели лишь, чтобы этот режим нормально функционировал. Они считали совершенно излишней какую-то «специфическую» деятельность пролетариата.

Именно в 1907 г., когда в результате экономического кризиса усилилось недовольство самых широких слоев населения, вплоть до держателей мелких акций, возмущенных махинациями стяжателей и спекулянтов, Социалистическая партия должна была пересмотреть всю свою стратегию и тактику, исходя из своих генеральных принципов, из программы-минимум и из реальных жизненных факторов. Наряду с вопросом о взаимоотношениях партии и синдикатов с повестки дня в это время не сходит вопрос о «блоках». Под блоками подразумевались предвыборные союзы с другими партиями. Проблему блоков каждая федерация имела право решать по своему усмотрению. В

зависимости от местных условий федерации либо выступали совместно с республиканцами и радикалами, либо отказывались от этого. Турати, который, в принципе, начиная с 90-х годов выступал за совместную борьбу в защиту демократических свобод, боялся, чтобы Социалистическая партия не заходила слишком далеко в политике блоков и не утратила самостоятельности. Как раз незадолго до флорентийского съезда стало ясным, что внутри руководства партии по вопросу о блоках есть серьезные разногласия.

К моменту флорентийского съезда влияние Всеобщей конфедерации труда было уже очень значительным. За несколько недель до открытия партийного съезда ВКТ собралась на свой второй конгресс в Модене. Очень остро стоял вопрос об автономии синдикатов. Это не могло не произвести большого впечатления на реформистов, которые всегда стояли за координацию действий между партией и синдикатами, но все же продолжали рассматривать партию как ведущую силу. Во Флоренции лидер ВКТ Ринальдо Ригола подчеркнул, что дело не в количественном соотношении членов партии и членов профсоюзов, а в том, чтобы найти нечто по-настоящему объединяющее. Ригола весьма недвусмысленно настаивал на том, чтобы к руководству в партии вернулись реформисты. Важными были также выступления Джузеппе Эмануэле Модильяни и Гаэтано Сальвемини о реформе избирательного права и о политике блоков. Сальвемини поддержал необходимость бороться за реформу избирательного права, связав его с южным вопросом. Он был, однако, против тактики предвыборных соглашений и блоков. Модильяни, напротив, отстаивал необходимость блоков и считал коренную реформу избирательного права самым важным вопросом. Он говорил, что лишь приобщение самых широких масс к непосредственному участию в политической жизни позволит социалистам в этой новой фазе добиваться серьезного осуществления реформ и принятия нового трудового законодательства.

По сравнению с предыдущими съездами партии флорентийский проходил спокойно, почти вяло. Анархо-синдикалистов не было, и, следовательно, сама возможность острой борьбы исключалась. Съезд принял решение, что анархо-синдикализм является течением, не совместимым с программой и политической линией Социалистической партии. Турати призвал к серьезной повседневной работе. «Я хотел бы, — сказал он, — чтобы этот наш съезд, который кажется тусклым, потому что на нем не было ни риторики, ни декламации, ни проклятий, действительно ознаменовал собой начало новой деятельности». Речь была встречена овацией. К руководству партией вернулись реформисты. Однако новый этап действительно начинался: на политической авансцене Италии впервые появились католики в ином качестве, нежели это было в прошлом веке и в самые первые годы Новеченто.

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СЦЕНУ ВЫХОДЯТ КАТОЛИКИ

Процесс постепенного изменения отношений между либеральным государством и католической церковью в Италии развивался неуклонно. Прошло несколько десятилетий с тех пор, как папа Пий IX занял непримиримую позицию, а либеральная итальянская буржуазия усиленно демонстрировала свой антиклерикализм. Развитию этого процесса способствовали не только многие объективные, но и некоторые субъективные обстоятельства. В одной из своих парламентских речей в начале эры «социалистической монархии» Джолитти заявил, что церковь и государство — это две параллельные линии, которые никогда не могут скреститься. Что касается религии, сказал он, тут «правительство просто некомпетентно. Оно предоставляет гражданам полную свободу вести себя так, как им заблагорассудится, лишь бы они оставались в рамках закона». И добавил: «Я не думаю, что в задачу правительства входит поддерживать либо ниспровергать какой-либо религиозный принцип»^[81].

Эта речь вызвала спокойную и скорее положительную реакцию католической печати. После сентябрьской забастовки 1904 г., когда задача «борьбы с красным безумием», как выражались некоторые газеты, встала на повестку дня, согласно логике классовой борьбы, правительство Джолитти должно было прийти к мысли, что пришло время так или иначе добиться некоторого — пусть минимального — взаимопонимания с Ватиканом. Пий X, еще в бытность свою патриархом венецианским, вел себя чрезвычайно корректно по отношению к савойской династии и поддерживал с дворцовыми кругами определенные личные связи. Это, конечно, во многом определило его поведение, когда он стал папой. С другой стороны, осторожная и гибкая политика Джолитти способствовала тому, что взаимоотношения с церковью стали менее напряженными. И вот, когда после сентябрьской забастовки 1904 г. все фракции буржуазии, от умеренных до консерваторов, потребовали роспуска парламента и назначения новых выборов, многие газеты заявили, что после «пяти дней забастовочного безумия» Ватикан должен изменять свою политику и разрешить католикам принять участие в голосовании. Голоса католиков смогут обеспечить новый состав парламента, в котором будет меньше социалистов и прочное «умеренное» большинство.

Газеты выражались откровенно: «католики своим бездействием, неучастием в выборах только поощряют бунтовщиков»; «бунтовщики — не только враги государства, они также и враги религии, они толкают плебс, особенно в деревнях, в объятия социалистов и анархистов»; «многие избирательные округа, находящиеся сейчас в руках бунтовщиков, имели бы других представителей в парламенте, если бы католики не воздерживались от участия в выборах».

Джолитти распустил парламент, а Пий X нашел удобную формулу. Он не отменил официально принцип *non expedit*^[15], но предоставил католикам право «поступать согласно своей совести», что практически означало отмену запрещения голосовать. Впрочем, лозунг (разумеется, неофициальный) гласил: *elettori ma non eletti*^[16]. В период, непосредственно предшествовавший «молчаливому согласию» Пия X, особую активность проявили некоторые авторитетные католические деятели из Бергамо, стоявшие за неперемное

участие католиков в выборах. Представители правительства провели с ними негласные переговоры, они направили делегацию к папе. Именно этим делегатам Пий X и предложил «поступать согласно своей совести». Но практически на ноябрьских выборах 1904 г. участие католиков в голосовании было небольшим, и особенного влияния на исход выборов их голоса не оказали. Но это имело принципиально важное значение, поскольку Ватикан после многих десятилетий изменил свою позицию по такому важному вопросу, как участие итальянских католиков в парламентской борьбе.

«Чивильта каттолика» поддержала участие в выборах, газета Меды тоже высказалась одобрительно, хотя и с оговорками, суть которых сводилась к тому, что на выборах надо сохранять самостоятельность и не идти на союз с консерваторами. Журнал Муррп «Культура сочиале» резко осудил всю акцию, утверждая, что стране реально ничего не угрожает и что католиков вовлекают в ничем не оправданную реакционную политику. Еще более резко высказался дон Стурцо: в своей газете «Кроче ди Костантино» он назвал участие католиков в выборах «проституированием» и писал: «Мы боремся против социалистов, это верно, по опираясь на наши силы и наши идеи, имеющие социальную и демократическую ценность. Однако, поддержав умеренных и консерваторов, мы тем самым выступили против всей совокупности стремлений и жизненно важных вещей, отвечающих нуждам народа и имеющих большое значение для будущего социальных христианских сил»^[82].

Та же мысль прозвучала и в программной речи, которую дон Стурцо произнес в Кальтаджироне 24 декабря 1905 г. За несколько месяцев до того провалились очередные попытки христианских демократов продолжать самостоятельную работу. Так, они хотели провести конференцию в Болонье, но архиепископ Болоньи, кардинал Свампа, не допустил ее открытия, сославшись на письмо Пия X, осуждавшего «так называемых автономистов». Выходившая в Анконе католическая газета «Ла патриа» («Родина») заступилась было за христианских демократов, но ее сурово одернул Ватикан. Тогда они создали газету «Л'Италия нуова» («Новая Италия») и пригласили дону Стурцо сотрудничать в ней, но тот отказался: во-первых, он не верил в возможности повой газеты, во-вторых, считал для себя лично неудобным в ней участвовать.

Цель дона Стурцо была ясной: он хотел создать «новую христианскую и светскую (laica) партию». Никакие другие политические проекты его в то время не занимали. В речи 24 декабря он развил свою идею: быть может, все к лучшему — хорошо, что нет больше «Опера деи конгресса» («хотя бы и с Грозоли во главе»); хорошо, что разбиты христианские демократы, потому что их концепция не была вполне отчетливой; хорошо (вопреки тому, что сам он писал о «проституировании»), что практически отменен принцип non expedit (надо все начинать сначала и, главное, независимо от церковной иерархии). Логика ясна: католики хотят и должны активно участвовать в решении общенациональных проблем.

Необходимость создания народно-национальной католической партии, по мнению Стурцо, очевидна, но до сих пор многие в католических кругах не понимают этого. Точно так же, как не поняли, что христианско-демократическое движение могло противостоять

социалистам «в социальном и политическом плане», не поняли и сделали все, чтобы ослабить это движение, подчинив его епископату.

Это место в речи дона Стурцо особенно важно потому, что четко сформулирована цель: борьба за влияние в массах в противовес социализму. Разумеется, эта цель была выражена еще в «Миланской программе», по «Миланская программа» — лишь робкий набросок по сравнению с тем, что предлагает сейчас кальтаджиронский священник, меридионалист, практик, «конкретист» не меньше, чем Сальвемини. Он знает: страна уже покрыта сетью «красных» организаций, престиж социалистов среди городского и сельского населения неуклонно растет. Надо противопоставить социалистической идеологии идеологию христианской демократии. Вместе с тем дон Стурцо решительно отвергает и консервативные идеи. Католическая партия, которую он хочет создать, должна будет «идти по пути демократического прогресса».

Любопытно, что он не предлагал назвать партию христианско-демократической: он считал эту формулу устаревшей, поскольку все христианско-демократические группы были так или иначе «конфессиональными». Надо создать «автономную, свободную и смелую партию». Но исторический момент для создания такой партии еще не наступил, он наступит только через 14 лет, после «десяти дней, которые потрясли мир».

Ромоло Мурри понравилась кальтаджиронская речь, по фактически Мурри и Стурцо шли уже разными путями. Разрыв, как мы сказали, произошел в 1906 г., и причины его неизвестны. Они вообще были очень разными людьми по складу и темпераменту, хотя Луиджи Стурцо и признавал, какое влияние в начальном периоде на него оказывал Мурри. После разгрома «Опера деи конгресси» Мурри не смирился. Первоначально он тоже считал возможным создание католической партии (хотя и не такого типа, чем та, о которой думал Стурцо) и намеревался привлечь к этому Филиппо Меду, по ничего не получилось.

Все же Мурри и его сторонники решили создать свой центр и в ноябре 1905 г. основали в Болонье Национально-демократическую лигу, к которой примкнуло много молодежных католических организаций. В уставе лиги подчеркивались верность и преданность католической церкви и вместе с тем стремление к экономическому и нравственному прогрессу Италии. Было четко сказано, что цель лиги — собрать воедино сознательные и зрелые силы молодежи и пролетариата, чтобы совместно бороться за интересы трудящихся и за их политическое воспитание. В июле 1906 г. Пий X формально осудил лигу и запретил священникам входить в нее. Лига и до того не имела массовой базы, а тут превратилась в небольшую группу. В том же году были разгромлены «Культура сочиале» и все организации, так или иначе связанные с Ромоло Мурри.

После роспуска «Опера деи конгресси», когда некоторые деятели упорно искали новые возможности, 4 августа 1904 г. в Милане был создан Итальянский католический избирательный союз, который хотели превратить в некий координационный центр. На местах давно уже существовали ассоциации католиков, созданные для участия в муниципальных выборах (Ватикан запрещал католикам участие только в парламентских выборах, что касается деятельности в провинциальной и коммунальной администрации, то

это поощрялось.) После роспуска «Опера деи конгресси» к Филиппо Меде стали со всех концов Италии приходить письма с настойчивыми просьбами создать в Милане конференцию и избрать на ней руководство этими ассоциациями. Конференция состоялась и ассоциации объединились. Тогда многие считали, что после ликвидации «Опера деи конгресси» должно произойти четкое размежевание между двумя течениями: «политическим, или социально-политическим» и «религиозным, или социально-религиозным». Подразумевалось, что сторонники первого течения, не будучи более связанными конфессиональными рамками «Опера», смогут проявлять более смелую инициативу и получают для этого больше реальных возможностей.

«Молчаливое согласие» Пия X на участие католиков в выборах 1904 г. могло показаться чем-то экстраординарным, вызванным исключительными обстоятельствами и «большим страхом» буржуазии. Однако процесс вовлечения католиков в общенациональную политическую жизнь стал уже необратимым. Один итальянский исследователь пишет: «Результат приближения католиков к урнам потерял первоначальное значение чрезвычайного вмешательства, вызванного необходимостью встретить грудью серьезнейшую и неожиданную опасность. Напротив, это привело к медленному, но постепенно увеличивавшемуся включению их в центры политической власти. Неизбежным следствием этого была перегруппировка сил внутри большинства и, таким образом, известные перемены в господствующей элите. С другой стороны, было много признаков, показывавших, что включение католиков в жизнь государства отныне необратимо, что они полностью интегрируются в либеральном обществе и что их воля к власти — отнюдь не мимолетное явление»^[83].

Некоторые круги восприняли это как «клерикальную угрозу». В частности, был явно озабочен Луиджи Альбертини, и «Коррьере делла сера» резко критиковала новый курс Джолитти, обвиняя его в том, что он все меньше думает о традициях Кавура. Будучи глубоко светским человеком, Альбертини одним из первых понял политический смысл и цинизм «сделки», которую правительство фактически заключило с церковью. Заметим, кстати, что в своих воспоминаниях Джолитти ни полслова не пишет обо всем этом.

Кароччи предлагает свое объяснение: «Джолитти никогда не любил говорить о своих отношениях с католиками. Это объяснялось как тем, что он всегда предпочитал подчеркивать демократические аспекты своей деятельности и умалчивать о консервативных ее аспектах, так и тем, что обоюдное молчание всегда было хорошей политической нормой, когда речь шла об улучшении взаимоотношений между государством и церковью»^[84].

Вообще с психологической точки зрения очень интересно, почему о некоторых чрезвычайно важных, значительных эпизодах Джолитти не вспоминает или почти не вспоминает. Ни в автобиографии, ни в трех томах архива Джолитти имена дона Стурцо и Ромоло Мурри вообще не упоминаются. Имя Филиппо Меде встретится один раз, в более поздний период, когда Джолитти предложит Меде войти в состав правительства. Впрочем, с Мурри он столкнется — тоже позднее — на заседании парламента. Об этом эпизоде

упоминает в своей «Истории...» Кроче, который описал, как в парламенте появился «один из этих модернистов, бывший священник или еще наполовину священник», и занял место на скамьях Эстремы. «Джолитти, обладавший, как и все люди с ясным умом, чувством смешного и умевший найти подходящую остроту, обратился к окружавшим его депутатам и осведомился, не является ли (этот человек. — *Ц. К.*) полковым священником Эстремы»⁽⁸⁵⁾. Исторически взаимоотношения социалистов с католиками развивались в двух направлениях. С одной стороны, депутаты-католики, объединившись с умеренными, выступали в парламенте единым фронтом против Крайней Левой. С другой стороны, как мы знаем, в начале века католики обладали большим влиянием в массовых организациях трудящихся, особенно в деревнях. Проблема была очень серьезной. Напомним, что еще в 90-х годах XIX в. Мурри понимал и открыто заявлял, что интересы Христианских демократов и социалистов во многом совпадают. К сожалению, в начале века итальянские социалисты не сумели еще должным образом отнестись к проблеме взаимоотношений с католиками. Лишь много лет спустя Антонио Грамши указал, какое важное значение имеет эта проблема для развития итальянского рабочего движения. Если говорить несколько обобщенно, то в католическом мире были широко распространены антисоциалистические чувства и взгляды, а социалисты в свою очередь отвечали на них яростным антиклерикализмом. Драматическая история Мурри была воспринята социалистами с полным равнодушием. Лишь позднее он будет избран в парламент (в основном голосами социалистов) и отлучен от церкви. Но об этом рассказ впереди. Пока приходится констатировать, что в начале века социалисты не отдавали себе отчета в потенциальных возможностях массового католического движения и не задумывались о том, насколько сильны противоречия внутри этого движения. Правда, в социалистической печати обсуждались, например, вопросы о светском или религиозном характере первоначального школьного обучения, но очень бегло.

Точно так же социалисты не поняли исключительно важного значения католического модернизма. Что это такое? Это очень сложное, многослойное явление. Существовал так называемый политический модернизм, и Габриэле Де Роза пишет, что персонификацией этого явления был Ромоло Мурри со своим «неповиновением». Когда, как уже упоминалось, христианским демократам осенью 1905 г. помешали развернуть свою деятельность в Болонье, кое-что они, несмотря на запреты, все же осуществили. Мы не перечисляем сейчас все организации (количество их членов было незначительным) и все газеты, которые издавали «непримиримые» католики, но список этот довольно длинный. 28 июля 1906 г. Пий X в энциклике «Пьени л'апимо» очень сурово осудил «любое неповиновение епископату», а Де Роза пишет, что слова «автономия» было достаточно для того, чтобы приводить церковную иерархию в ярость. Все это относится к политическому и социальному модернизму. В условиях «социалистической монархии» Джолитти страна была покрыта сетью палат труда, и очень многие молодые, едва закончившие духовные семинарии священники поддерживали их деятельность, способствовали распространению христианско-демократической печати, нередко занимая сторону крестьян во время

трудовых конфликтов. Со всем этим Пий X хотел решительно покончить. Полицейский режим, установленный внутри церкви, позволял Ватикану жестоко расправляться со своими противниками.

Но, кроме политического, существовал и так называемый «высокий» интеллектуальный модернизм, касавшийся духовной сферы. Сюда относились литература, культура, отчасти философия и богословие. Габриэле Де Роза формулирует это так: «Был высокий модернизм, модернизм большой культуры и больших исследований... это литературный и интеллектуальный модернизм, который верит и не верит, непочтительный и иронический по отношению к папе и к курии, терзающийся и скептический»⁽⁸⁶⁾. Любой намек на самостоятельность мысли, особенно в этических и теологических вопросах, относили к «высокому» модернизму. Приведем только один пример. Известный католический писатель Антонио Фогаццаро (1842–1911), сначала стоявший на позициях позитивизма, позднее примкнул к модернистам, и в 1905 г. его роман «Святой» попал в индекс запрещенных книг. Антимодернистские энциклики Пия X стоят в том же ряду, что и печально известный «Силлабус» Пия IX.

В «Тюремных тетрадах» Грамши не раз возвращался к проблеме католического модернизма. Он с горечью писал о том, что лидер светской итальянской культуры Бенедетто Кроче проявил полное равнодушие к разгрому модернистов, и даже — объективно — оказался сотрудником клерикалов в их борьбе против «обновления». Суждения Кроче о модернизме действительно поверхностны и равнодушны. Он с одобрением пишет о том, что итальянское правительство поостереглось поддержать модернистское движение — как потому, что не желало вмешиваться в теологические и философские споры, так и потому, что отлично понимало, что победу одержат не модернисты, а церковная иерархия.

«История Италии...» Кроче — книга во многих отношениях замечательная, но в некоторых ее главах поражает совершенное отсутствие светотеней. Так, Кроче словно ничего не знает, да и знать не хочет, о борьбе и серьезных разногласиях внутри Социалистической партии. Говоря об «эре Джолитти», он рисует поистине идиллическую картину. С одной стороны, либеральному правительству удавалось «поддерживать общественный порядок и обеспечивать авторитет государства». С другой стороны, «либералы шли навстречу интересам масс», Джолитти оказывается не только мудрым государственным деятелем, но также простым и добрым человеком, глубоко сочувствовавшим «страданиям и нуждам неимущих классов». Соответственно Джолитти «испытывал отвращение к эгоизму плутократов и богачей». Что до социалистов, они, по мнению Кроче, были «простыми союзниками либералов» и получали от этого союза гораздо больше выгод, нежели либералы. Характеристика социалистов удивительно односторонняя и глубоко неверная: они, писал Кроче, лишь по тактическим соображениям, не желая лишиться престижа в рабочих массах, не признавали открыто, что их «социализм» ничем не отличается от либерализма и что они давно отказались от марксистского учения, включая концепцию

классовой борьбы. И ясно, что такие вопросы, как взаимоотношения социалистов с католиками, Кроче никак не могли интересовать.

А сейчас, немножко отступив от хронологии, расскажем о любопытнейшей книге Ромоло Мурри, вышедшей в 1910 г., — уже после того, как Мурри был отлучен от церкви. Книга называлась: «О Религии, о Церкви и о Государстве, размышления Ромоло Мурри, Депутата Парламента, с особым вниманием к вопросу о взаимоотношениях между Церковью и Государством в итальянской жизни и в законах». Введение: церковь переживает глубокий кризис (подразумевается модернизм), и это находит отражение во всех областях ее мысли и деятельности. Материализм (Мурри имеет в виду позитивизм), который на протяжении десятилетий был философией множества итальянцев, обнаружил «свою поверхностность» и неспособность радикально решать моральные проблемы. Идет большое брожение умов. Церковь осуществляет прямое воздействие на развитие событий в стране — в политической и экономической областях, при проведении выборов. Многие из тех, кто будет читать эту книгу, знают, что автор — «один из так называемых модернистов?» и что у него были «разные трудности с иерархией и с папой», вследствие чего, как они, читатели, могут подумать, он не сможет рассуждать объективно. Однако это неверно. Что касается модернизма, в это понятие входит множество разных сложных вещей: «философия, религия, психология, историческая и филологическая критика». Ко всему этому государство не имеет решительно никакого отношения. Однако оно не может равнодушно относиться к стремлению «демократизировать церковь».

Очень интересны рассуждения Мурри о Льве XIII и о Пие X. Он пишет, что многие никогда не простят Льву XIII энциклики «Рерум новарум», которая «сама по себе не была ничем особенным», но указывала правильное направление. И дальше: «Но, по мнению большинства представителей высшей церковной иерархии, во времена Льва XIII успехи демократии и социализма представляли большую опасность для церкви. Эти люди были невежественны и ненавидели все новое, они восприняли действия, направленные к тому, чтобы изменить социальные институты и законы, как прямую попытку свергнуть власть. Привыкшие к частому общению с синьорами как из старой земельной аристократии, так и из новой промышленной, они, словно эхо, отразили их тревожное беспокойство перед лицом рабочей организации. Следовательно, Пий X должен был политически и социально поправить Льва XIII. Но, будучи человеком скудного ума, лишенным всякой культуры, но обладающим сильной волей, он проделывал это без всякой деликатности и уважения, зачастую почти грубо»^[87].

Практически Мурри в эти годы уже не играл большой роли, а вскоре вообще сошел с политической сцены. Он умер в 1944 г., незадолго до смерти примирившись с церковью. Но вне зависимости от личной его судьбы «благородная школа Мурри» — неотъемлемая и интересная страница в истории итальянского католического движения.

«КРАСНОЕ» И «ЧЕРНОЕ»

В период «социалистической монархии» Джолитти развитие итальянской общественной мысли приобретает новые черты, которые только намечались в конце XIX в. Происходит резкое размежевание течений: мы уже говорили о противоречиях внутри Социалистической партии, о схожих процессах внутри католического движения. Чтобы яснее представить себе духовную атмосферу тех лет, необходимо вновь обратиться к Кроче. Хорошо известно то, что писал о нем Грамши: и он лично, и многие другие интеллигенты его поколения, «кто безоговорочно, кто не со всем соглашаясь, участвовал в движении за нравственное и духовное преобразование Италии, начало которому положил Бенедетто Кроче»^[88]. Представитель глубоко светской мысли, крупнейший идеолог либерализма, Кроче не протяжении десятилетий боролся против католицизма, но главным его врагом оставалась, как мы уже упоминали, позитивистская философия. Самой большой заслугой Антонио Лабриолы Кроче считал борьбу против позитивизма. Позднее, писал Кроче, наступила новая полоса расцвета «национальной философской традиции» и позитивизм был окончательно вытеснен другими течениями мысли. Интеллигенция как бы освободилась от тяжких пут, духовный горизонт прояснился, опять были раскрыты книги великих философов, античных и современных, «в том числе тех, кого одно время презирали — Фихте и Гегеля». Философия, продолжал Кроче, больше не должна была оправдываться и таиться, она опять вошла в моду. Начали издавать серию «Классики итальянской философии». «Молодые историки... хотя и не оспаривали теорию, уточняли и видоизменяли упрощенное толкование, которое в первое время придавалось историческому материализму»^[89].

Однако, писал Кроче, этот сам по себе положительный расцвет спекулятивной мысли сопровождался «чем-то ненадежным и нездоровым». Условием для продуктивного расцвета философии является «мощное и неподдельное моральное чувство». Между тем «моральное сознание» Европы было больным: вначале рухнула религиозная вера, вслед за ней — вера рационалистическая и просветительская и, наконец, подверглась ожесточенным ударам идеология либерализма — «последняя и самая зрелая религия». К симптомам «морального заболевания Европы» Кроче относил и смутное душевное состояние людей, когда погоня за наслаждениями, авантюрами и завоеваниями, жажда власти смешивались с тревогой, беспокойством и безразличием. В Италии реакция на позитивизм лишь частично развивалась в правильном направлении, ибо возникли разнообразнейшие течения и псевдотечения мысли от «интуитивизма» до «мистицизма и футуризма». Все эти течения независимо от названия в большинстве своем были иррационалистическими.

В «Истории Италии...» Кроче есть две знаменитые главы (шестая и десятая), где речь идет о духовной атмосфере в Италии и очень много автобиографических страниц. При этом Кроче ни разу не употребил слова «я». Вместо этого он пишет: «один ученый», «этот

ученый» и т. п. Так, в десятой главе сообщается, что в Неаполе жил «один ученый», который в 1902 г. начал издавать литературно-историко-философский журнал «Ла критика». В этом журнале он решительно выступал против позитивистов, эмпириков и филологов, с одной стороны, против «почти гениев» — мистиков и декадентов — с другой, против старых и против молодых. Затем Кроче пишет о том значении, которое имело опубликование книги «этого ученого» «Эстетика». Идеи, изложенные в этой книге, взволновали умы, проникли в академический мир и произвели большой эффект «в международных сферах науки и мысли». В общем, пишет Кроче, «можно сказать, что это коснулось всего, что конкретно делалось тогда в Италии в области философских и исторических наук, в критике поэзии, изобразительных и музыкальных искусств, в лингвистике, в философии права и экономики, в истории мысли и цивилизации, в спорах по религиозным и педагогическим вопросам». Таким образом, итальянская мысль снова стала активной частью европейской мысли и в некоторых отраслях исследований завоевала для себя «нечто вроде примата».

Все очень мажорно, но потом возникает горечь: лишь немногие правильно поняли мысли «этого ученого», другие же разрывали эти мысли на части, лишая их первоначального единства. Кроче приводит пример: он создал концепцию «лирической интуиции» для того, чтобы объяснить великую поэзию Данте и Шекспира, живопись Рафаэля и Рембрандта. Но эту концепцию, изложенную в «Эстетике», извратили и свели к «модернистским формулам» для того, чтобы оправдать самый нелепый и декадентский романтизм, или «футуризм», который он, Кроче, «не только осуждал в соответствии со своими взглядами, но и лично ненавидел всем своим существом»^[90].

В молодости Кроче был учеником Антонио Лабрио-лы и, хотя сам по-настоящему никогда марксистом не был и даже принимал участие в «ревизии марксизма» (в частности, Сорель находился под сильнейшим влиянием Кроче), был глубоко предан своему учителю. После смерти Лабриолы в феврале 1904 именно Кроче предпринял и осуществил издание его произведений. И в своей «Истории...» Кроче много писал о нем. Например: «Один философ, Антонио Лабриола, принадлежавший к неаполитанской школе, прежде гегельянец, затем антигегельянец, человек живейшего ума и разнообразных интересов, всегда бывший в курсе всех научных проблем, побуждаемый «отвращением» (так он говорил) «к политической развращенности» и не веривший в германскую «этическую идею государства», перешел около 1885 г. от консерватизма Правой к радикализму, а затем и к социализму. Однако он не переводил эти свои политические убеждения в философский план, ибо в то время не знал произведений Маркса. Но около 1890 г. он открыл Маркса и в своих лекциях по философии истории, которые читал в Римском университете, колеблясь между теориями исторических факторов, этнопсихологии, натуралистической концептуальности о типе лингвистики, начал излагать с убежденностью человека, который наконец после долгих и тщательных исканий обрел свою веру — марксистскую философию истории, «исторический материализм», как его выразил учитель и систематизировал Энгельс...»^[91].

Принято считать, что в начале «эры Джолитти» в итальянской культуре наметились две различные тенденции, два направления. С одной стороны — Кроче, с другой — многочисленные искания и эксперименты, свидетельствовавшие о кризисе буржуазной культуры. Когда возникла аристократическая и антидемократическая концепция «искусства для искусства», социалисты не смогли предложить прогрессивной интеллигенции серьезную и целостную культурную платформу. Кроме того, писатели, группировавшиеся, например, вокруг «Реньо», были активнее, нежели литераторы-социалисты, именно в вопросах культуры. Однако в последние годы некоторые итальянские исследователи оспаривают тезис «Кроче и анти-Кроче». Так, в 1974 г. вышла книга философа Эудженио Гарэна «Итальянские интеллектуалы XX века». Лейтмотивом ее является протест против «попыток проводить четкие демаркационные линии между белым и черным, противопоставляя рационализм и иррационализм, материализм и идеализм, науку и гуманизм»⁽⁹²⁾. Это звучит полемически, но отражает процесс, характерный для итальянской общественной мысли нашего времени.

Но Гарэн смело и во многом по-новому сопоставляет (и противопоставляет) мысль Кроче и Грамши. Он считает необходимым «всерьез вернуться к размышлениям Грамши о роли интеллигенции», а также вновь обратиться к роли Бенедетто Кроче, к его «интеллектуальной гегемонии» и ее причинам. В книге подняты важные вопросы о преемственности и взаимосвязях различных периодов в истории итальянской культуры, включая годы фашизма. Хронологически это за рамками нашей темы, но о книге Гарэна мне хотелось упомянуть главным образом потому, что он ставит важный принципиальный вопрос о недостаточности «морализма». Известно, например, что после краха фашизма Кроче не хотел писать о нем потому, что фашизм вызывал у него чувство отвращения. Кроче называл фашизм «моральной болезнью» и утверждал, что эти 20 лет надо «заключить в скобки». Марксисты, естественно, не могут согласиться с этим: ни один исторический период нельзя «заключить в скобки». П. Тольятти писал, что «когда ошибаются в анализе, то ошибаются в политической ориентации»⁽⁹³⁾, и Гарэн, напоминая слова Тольятти, замечает: «То, что не доведен до конца беспристрастный, на всех уровнях, также и в плане культуры, анализ, — серьезная вина нашего послевоенного времени. Сначала были слишком склонны к моралистическим осуждениям в соединении со снисходительными компромиссами. Потом возникла склонность к глобальным риторическим и поверхностным «отвержениям». Со страниц Грамши к нам доносится призыв к беспощадным, но точным и серьезным размышлениям»⁽⁹⁴⁾.

Полагаю, что, говоря о «красном» и «черном» в «период Джолитти», мы тоже должны избегать легкого морализирования и поверхностных оценок. Подобно всем другим странам и обществам, итальянское государство и общество развивались и проходили через определенные стадии в соответствии с объективными законами истории. Но во все исторические периоды общественная психология, моральный фактор и личная роль крупных деятелей определяют очень многое. Тольятти настаивал на том, что «фаталистический фактор» в анализе определенного периода и определенной политики

неверен, поскольку всегда существует историческая альтернатива. Альтернатива, естественно, предполагает действия людей и те идеи, которыми эти люди руководствуются в своих поступках и решениях. Поэтому для понимания многих фактов надо представлять себе, кто и при каких условиях принимал решения, какие влияния испытывал и кто несет ответственность за те или иные исторические события^[95].

Итак, мы возвращаемся к событиям первого десятилетия XX в. Мы говорили о том, что в 1906 г. была создана первая организация итальянских промышленников. В этой связи упомянем о статье, напечатанной в «Коррьере делла сера» 31 июля 1906 г. Автор статьи — Луиджи Эйнаудп (1874–1961), один из ведущих сотрудников газеты. В будущем, после свержения фашизма, Луиджи Эйнауди станет президентом Итальянской республики, а в начале века он — авторитетный специалист в области экономики. Эйнауди стоял на позициях либеризма, которые итальянский исследователь Гуидо Бальони излагает так: «Позиции либеризма являются основными условиями, на базе которых буржуазия и предпринимательские круги максимально развивают свои способности, свою инициативу, свою богатейшую энергию. Таким образом, эти социальные группы усиливают свою неизменную и естественную роль руководителей в социальном отношении, мозга нации. Эти классы полностью осуществляют такую роль, когда они вынуждены повседневно сталкиваться с проблемами производства, конкуренции, давления со стороны рабочих. Они запасаются опытом, чтобы уметь противостоять зачастую невыполнимым требованиям рабочих масс и их представителей. Важно, как мы знаем, обеспечить этим классам политическую и административную систему, основанную на порядке и на решительной защите традиционных социальных отношений»^[96].

Вполне очевидно, что тезис о «решительной защите традиционных социальных отношений» был отчетливо антиджолиитианским. Что касается позиции газеты в отношении либеризма и протекционизма в целом, то она сложна. Между промышленниками (металлурги и текстильщики), финансировавшими «Коррьере», были разногласия, но Луиджи Альбертини бескомпромиссно проводил в разные периоды ту линию, которую считал правильной.

История итальянской прессы «эры Джолитти» полна сюжетов один другого увлекательнее. В июле 1978 г. по случаю 50-летия со дня смерти «человека из Дронеро» было опубликовано множество материалов, которые в некоторых подробностях дополняют то, что известно из солидных исторических исследований, посвященных периоду «социалистической монархии». В частности, много сведений о взаимоотношениях с ведущими журналистами разных направлений. Всегда интересно, когда сталкиваются сильные, яркие индивидуальности, а кроме противников — Альбертини и Бергамини, были люди, которые верили Джолитти и поддерживали его. Прежде всего это личный друг Джолитти и его постоянный корреспондент Луиджи Ру, а также Альфредо Фрассати. Фрассати был сначала вице-директором, а потом директором туринской газеты «Стампа». Его называли «критической совестью Джолитти», поскольку «Стампа» поддерживала Джолитти, но с некоторыми оговорками и оттенками мнений.

Фрассати был человеком умным и властным, в чем-то похожим на Луиджи Альбертини. Позитивист, занимающийся общественными науками, он сгруппировал вокруг «Стампы» много молодых интеллектуалов, среди которых до 1902 г. был тот же Эйнауди, который сначала писал и в «Коррьере», но под псевдонимами. Фрассати хотел для Италии сильного и устойчивого правительства. Отчасти под влиянием Гаэтано Моски он с недоверием относился к существовавшей парламентской форме правления. Точнее, не отрицая роли парламента, он выступал против того, чтобы игра сил внутри парламента того или иного созыва могла определять общее направление итальянской политики. Фрассати боялся, что в связи с установкой Джолитти на сотрудничество с социалистами может повториться феномен трансформизма. (Будучи моралистом, он этого никак не желал.) В очень интересной книге «Джолитти» он писал о подробностях их взаимоотношений. Из книги ясно, что вначале «Стампа» поддерживала «человека из Дронеро» довольно уверенно, но изменила свою линию после неудачного опыта «100 дней Соннино».

Политику Джолитти во многом поддерживали и радикалы. Турати издавна был уверен в том, что итальянская демократия «имеет свое историческое предназначение». Это касалось партий Эстремы, в которую, как мы помним, входили и радикалы. Турати находился в тюрьме после майских событий 1898 г., когда погиб на дуэли лидер радикалов Феличе Кавалотти, очень яркий и сильный человек. Именно по инициативе Кавалотти «после гнусностей Криспи» была создана Итальянская лига в защиту свободы, в которую вошли радикалы и социалисты. Турати из тюрьмы отправил текст речи, которую он произнес бы, если бы смог быть на похоронах. Лейтмотив речи — мужество Кавалотти, его темперамент бойца, любовь к свободе. Конец речи многозначителен: «Такова была, друзья, его революционная деятельность — неважно, что уста его не произносили слова «революция»^[97]. Имя Кавалотти много раз встречается и в автобиографии Джолитти. Кстати, именно Кавалотти во время банковских скандалов нашел точное определение — «моральный вопрос». Он придавал исключительное значение этическому моменту в политике.

Джолитти писал: «У меня было много контактов с ним, и я смог хорошо узнать Кавалотти. Он был человеком очень живым и талантливым, с горячим характером, очень интересовался проблемами страны. Мои отношения с ним складывались по-разному. Когда я был председателем совета министров, он выступал против меня. Но позднее мы пришли к полному согласию в борьбе против реакции Криспи, точно так же как в борьбе против ди Рудини, когда он занял слишком консервативную позицию. Мне никогда не приходилось жаловаться на Кавалотти, даже когда он выступал против меня, даже нападал яростно, порой переходя все границы. Он всегда был во власти политических страстей, но его поведение никогда не было двусмысленным и нелояльным»^[98].

Кавалотти не дожил до «эры Джолитти», и мы можем только делать предположения о том, как сложилась бы его судьба. Известно, что король хотел, чтобы он вошел в правительство. Одно представляется вероятным, а именно что Кавалотти не поддержал бы политику Джолитти по отношению к католикам: он считал бы ее циничной сделкой. Цинизм —

подходящее слово, мы об этом будем еще говорить. После роспуска «Опера деи конгресси» и расправы с модернистами Ватикан явно взял курс на подавление всего, что могло бы показаться даже намеком на вольнодумство. Можно было бы подумать (так считал Мурри), что Пий X хочет перечеркнуть деятельность своего предшественника, который как-никак был папой «социальных энциклик». Пий X словно хотел остановить движение времени: никакой автономии, никаких координационных центров, ничего даже отдаленно напоминающего «католическую партию». Однако осуществлять этот жесткий курс, не наталкиваясь на те или иные формы сопротивления, было нелегко. Между понтификатами Пия IX и Пия X пролегла целая историческая эпоха, и, несмотря на антимодернистские энциклики Пия X, времена «Силлабуса» миновали. Нельзя было успешно соревноваться с социалистами, упорно цепляясь за устаревшие, консервативные, абстрактные идеи. Конечно, можно было расправляться с модернистами, включать книги в индекс, отлучать от церкви — все это делали. Но тем не менее были представители очень смелой католической мысли. Были и люди, занимавшие скорее «центристскую» позицию, но все-таки не хотевшие безоговорочно и слепо повиноваться Ватикану.

Мы упоминали о том, как был создан Итальянский католический избирательный союз. Строго говоря, эта идея обсуждалась еще до циркуляра статс-секретаря Ватикана кардинала Мерри дель Валь о роспуске «Опера деи конгресси». Но идея нравилась далеко не всем; в частности, против нее был настроен Медолаго Албани, председатель Второй секции, единственной, сохранившейся после роспуска «Опера». Против был настроен также видный деятель католического профсоюзного движения Николо Реццара, да и многие другие. Де Роза пишет, что Итальянский католический избирательный союз «родился плохо, а умер еще хуже». Были страшные споры из-за устава, были взаимные подозрения, амбиции и противоречия. Крестными отцами Католического избирательного Союза были Филиппо Меда и Филиппо Криспольти, видный деятель движения, человек совершенно иной ориентации, чем молодые христианские демократы. Правда, он называл приверженцев Пагануцци «античниками», а сторонников Мурри — «современными людьми», но сам был сверхортодоксом.

Не вдаваясь в подробности, заметим, что союз просуществовал недолго. Пий X назначил триумvirат во главе с Джузеппе Тониоло для разработки устава различных католических организаций, которые должны были быть основаны вместо «Опера деи конгресси». Создание этого триумvirата фактически блокировало попытку Филиппо Меды создать автономный политический центр католиков. Считается установленным, что именно таким центром Меда хотел сделать Католический избирательный союз. Ничего не вышло, но мы читаем в книге Де Розы: «Как бы то ни было, остается фактом, что попытка Меды была первой серьезной попыткой создать политический организм, основанный католиками, но аконфессиональный, в годы, предшествовавшие основанию Партиито пополаре (Народная партия Италии. — Ц. К.)⁽⁹⁹⁾.

Триумvirат разработал уставы трех союзов (народного, экономического и избирательного), которые должны были действовать обособленно один от другого и подчиняться церковной

иерархии. Тексты обсуждались на специальном совещании во Флоренции, все они носили явный отпечаток мышления и стиля Тониоло. Католический историк Акилле Ардиго патетически пишет, что Тониоло «не терял надежды, продолжал верить в свои идеи насчет взаимоотношений мирян с иерархией, взаимоотношений, остающихся традиционными по форме, если не по существу. Конечно, во всем этом было много мечтательного, расплывчатого, но были также мужество и вера в возможность продолжения католического движения в социальном плане и в плане научных исследований»⁽¹⁰⁰⁾. Ардиго, вероятно, прав, рисуя человеческий портрет Тониоло, но Де Роза не оставляет сомнений в том, что на совещании во Флоренции «кончились последние иллюзии христианских демократов насчет возможностей католической деятельности».

В создавшемся положении большую роль стали играть личные взгляды и поведение отдельных епископов. Так, епископ Бергамо, уже упоминавшийся Джакомо Мария Радини Тедески, вел себя решительно и независимо, когда осенью 1909 г. в Бергамо вспыхнула забастовка, длившаяся с 21 сентября по 8 ноября. Организатором забастовки был Николо Реццара, началась она из-за увольнения вице-председателя местной католической Рабочей лиги. Забастовка в Бергамо — первая проведенная католиками забастовка, вошедшая в анналы итальянского рабочего движения. Епископ, энергично поддержавший бастовавших, говорил, что ему достаточно всегда держать перед собой Евангелие и энциклику «Рерум новарум». Были и другие прелаты, которые поддерживали рабочее движение.

После роспуска «Опера деи конгресси» и до того, как дон Стурцо в 1919 г. основал свою партию, итальянские католики собрались на конгресс только один раз, в ноябре 1910 г. в Модене. Обсуждались вопросы создания католических организаций. Председательствовал маркиз Филиппо Криспольти. Предполагалось, что в Модене будет возобновлена традиция проведения католических конгрессов. Началось чтением доклада Тониоло, потом выступил Реццара, после забастовки пользовавшийся большим авторитетом. Были приведены цифры, доказывавшие, что социалисты сильно опережают католиков в профессиональном движении. Произошло резкое размежевание сил. Руководство конгресса, а также Реццара призывали к умеренности. Но образовалось сильное левое крыло, в которое вошли доп Стурцо и Гуидо Мильоли, которому суждено было впоследствии сыграть большую роль в развитии католического движения. Мильоли высмеял программу, в которой говорилось, что католические организации должны прежде всего заниматься физическим воспитанием трудящихся, затем их моральным воспитанием и уж потом их экономическим положением. Доп Стурцо говорил о необходимости иметь точную программу и тактику. Он допускал возможность предвыборных блоков с демократическими партиями. Де Роза пишет, что Стурцо, Мильоли и их единомышленники «придали конгрессу полемический, стремительный и горячий ритм». Комментируя работы конгресса, «Стампа» писала 16 ноября 1910 г., что благодаря выступлениям этих ораторов казалось, будто приверженцы Мурри вернулись в лоно матери-церкви, которая их приняла. По Филиппо Криспольти официально заявил, как намерен держаться Ватикан по отношению к католикам: «В Италии никогда не будет автономной католической партии или христианско-демократической

партии, которая не признавала бы интересов церкви как суверенного духовного института в гражданском обществе». И подчеркнул: «Это будет непреложным и необходимым условием, с которым обязаны считаться в Италии католики, организованные политически или примкнувшие к партиям»^[101].

Тем не менее левые католики, практически находившиеся в оппозиции к официальной линии, не считали себя побежденными. Стурцо хладнокровно заявил, что конгресс в Модене был полезным: по крайней мере можно было проверить, появилось ли нечто новое. Нет, в общем, не появилось. Во всяком случае, стало ясно, что ставить вопрос о создании католической партии пока невозможно. Однако, понятие «пока» растяжимо. В историческом плане это может быть скоро. На самом деле от конгресса в Модене до создания Партиито пополаре оставалось еще (или всего) 9 лет. Но это были тяжелые годы.

НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ КАТАСТРОФЫ

Трудные годы, трудные времена действительно приближались. Джолитти, без сомнения, действовал в соответствии с долгосрочной стратегией: он делал ставку на то, что либеральный реформизм и социалистический реформизм смогут найти основу для сотрудничества. Однако к концу первого десятилетия XX в. классовые и политические противоречия обострились. Итальянский капитализм вступил в новую фазу, стали возникать тресты и картели, устанавливались связи между аграриями, промышленниками и банковским капиталом. Связи эти были и раньше, но не столь тесные, процессы развивались очень быстро. Промышленная буржуазия значительно окрепла. Буржуазия, вначале словно оглушенная силой и размахом забастовочного движения, перешла в контрнаступление. Это в равной и, пожалуй, в еще большей степени относится к аграрной буржуазии, ибо классовые столкновения в деревне зачастую носили еще более острый характер, чем в городе. В общем, возникли напряженность и ожесточение, в сравнении с которыми атмосфера начала века могла казаться почти идиллической.

В конце 1908 — начале 1909 г. правительство подвергалось такой непрерывной критике слева и справа, что Джолитти счел целесообразным просить короле о роспуске парламента и проведении досрочных выборов» Они состоялись в марте 1909 г. и ознаменовались значительным успехом левых партий, прежде всего социалистов. Было избрано и много депутатов-католиков: неофициальная, уклончивая формула 1904 г. «избирающие, но не избираемые» не могла оставаться в силе, католики уже не ограничивались пассивным правом опустить бюллетень в урну, они хотели участвовать в управлении государством. Большинство вновь избранных депутатов-католиков примкнуло к правому крылу парламента.

После выборов 1909 г. Джолитти решил ориентироваться на «левых» и осенью внес в парламент несколько демократических законопроектов. Так, он предлагал снизить налог на

сахар и ввести прогрессивно возрастающий налог на землю, строения и движимое имущество. Все консервативные депутаты восстали против законопроекта, а со стороны партий Эстремы Джолитти не получил той поддержки, на какую мог как будто рассчитывать. 9 декабря 1909 г. кабинет ушел в отставку. Так окончился период «долгого министерства Джолитти». Это одна из загадочных страниц в итальянской политической летописи. Сам Джолитти заявляет, что ушел потому, что правые выступили против его политики: «Проект встретил оппозицию со стороны всех итальянских консерваторов, которые отступали в политическом плане, но тем энергичнее защищали свои экономические позиции. Дискуссия сразу оказалась не слишком благоприятной, а избранная (парламентом. — *Ц. К.*) комиссия была в большинстве своем враждебной. Тогда — это было в декабре — возглавляемое мной правительство вручило заявление о своей отставке»^[102].

Однако некоторые историки этому объяснению не верят. Так, Кароччи настаивает на том, что Джолитти в тот момент *хотел* уйти от власти. Кароччи, анализируя всю политическую карьеру Джолитти, выдвигает такую гипотезу. Когда положение в стране складывалось трудно и Джолитти не видел реальных возможностей сразу предложить какое-либо положительное решение, он предпочитал уступить место другим. А сам оставался за кулисами, в тени, чтобы не компрометировать себя и свое политическое будущее применением мер, которые не могли быть ни эффективными, ни популярными. Кароччи называет такие моменты: 1905–1906 гг., 1909–1910 гг., а позднее — 1915 г. и октябрь 1922 г., перед тем как Муссолини устроил «поход на Рим». В эти периоды, по убеждению Кароччи, «человек из Дронеро» вполне сознательно не желал возглавлять правительство.

Кроме того, он отлично понимал размеры своего влияния. Многие ненавидели его, но тем не менее он был самым крупным лидером итальянской либеральной буржуазии своей эпохи и цену себе прекрасно знал: он уходил временно. В связи с этим большой интерес представляет вопрос о роли парламента в «эру Джолитти». В определенные моменты парламентская оппозиция могла оказывать решающую поддержку правительственной линии, по могла и проваливать законопроекты, ставя тем самым под угрозу само существование кабинета. Забавный, но характерный штрих: Джолитти очень боялся запросов в парламенте. Если он узнавал, что в какой-либо провинции произошло нечто неблагоприятное, а депутатом от этой местности был социалист или другой представитель Эстремы, то немедленно давал указания префектам навести порядок — лишь бы избежать запроса.

Парламентская диалектика, несомненно, являлась составной частью «системы Джолитти». Если считать, что эта система основывалась на «безмолвном» соглашении между промышленниками и рабочими Северной Италии, т. е. соответственно между правительством и социалистами-реформистами, а также на поддержке, которую оказывали Джолитти консервативные депутаты Юга и отчасти католики, становится ясным, что от главы правительства требовались огромный опыт, такт, гибкость, умение маневрировать и буквально ходить по острию ножа. Джолитти всеми этими качествами обладал в высшей

степени, чем и объяснялся его огромный престиж. Однако было множество людей, которые ненавидели его лично и считали его политику не просто неверной, а губительной для страны. Через два дня после того, как Джолитти ушел в отставку, 11 декабря 1909 г. к власти вторично пришел Сидней Соннино, который сформировал откровенно правый кабинет. Напомним, что консерваторы видели в Соннино нужного им сильного человека, но в период «100 дней» разочаровались. На этот раз, однако, на Соннино опять возлагали большие надежды. Мы уже говорили, что он был убежденным меридионалистом. Соннино, бесспорно, имел свою систему взглядов, которой в основном оставался верен, хотя и ему нередко приходилось лавировать. Он был высокообразованным человеком, возможно, чувствовал свое интеллектуальное превосходство над большинством коллег и поэтому позволял себе третировать их. Ему вообще были свойственны требовательность, прямолинейность, почти пуританская нетерпимость. Он не обладал той гибкостью, тем политическим талантом, тем «цинизмом», которые позволяли Джолитти блестяще маневрировать. Если в «системе Джолитти» находилось место и для «красных» и для «черных», то Соннино такие возможности и не снились. Джолитти, уходя в отставку в декабре 1909 г., отлично понимал, что сохранит ореол «левизны» благодаря своим демократическим законопроектам. Что касается Соннино, то ни одна «левая» партия не пожелала оказать поддержку его кабинету, куда более правому, чем в 1906 г.

Канделоро пишет, что в момент своего вторичного прихода к власти Соннино «был самым авторитетным лидером центристских и правых групп». На этот раз в отличие от 1906 г. он сформировал кабинет исключительно из своих друзей и правительство могло существовать «лишь благодаря терпимости джолиттианского большинства»^[103]. После парламентских каникул 11 февраля 1910 г. Соннино выступил с программной речью и получил вотум доверия, поскольку «джолиттианцы решили не проваливать его сразу». Программа Соннино была настолько обширной, он предлагал так много различных нововведений и реформ, в том числе и административных, что к этому никто не отнесся серьезно. Единственное предложение, заслуживавшее внимания, касалось начальных школ. Но провели этот законопроект в жизнь уже без Сиднея Соннино.

Правительство Соннино просуществовало ровно столько, сколько это оказалось возможным. Материалы архива Джолитти не оставляют сомнения в том, что все шло, так сказать, по его сценарию. Он, впрочем, хотел, чтобы срок был несколько большим, но тут ничего нельзя было поделать. Не входя в подробности, скажем, что на голосование был внесен один законопроект, за который джолиттианцы никак не могли проголосовать, ибо всего за несколько месяцев до того они провалили примерно такой же. «Это означало осуждение и приговор правительству Соннино», — пишет Канделоро. 17 марта 1910 г. один из влиятельных депутатов, сторонник и личный друг Джолитти, Луиджи Факта, пишет Джолитти, что дела обстоят для правительства хуже некуда, что сам Соннино понимает это и что при всем желании ничего нельзя поделать. «Мы сделаем возможное и невозможное, чтобы справиться с этим положением, но надежд у меня нет: сделать такого Соннино хитрецом — невозможная вещь»^[104].

Джолитти пишет в своих воспоминаниях: «Итак, второй раз Соннино, став главой правительства, не сумел справиться с первыми трудностями. А такие трудности неизбежно встают перед каждым, кто принимает на себя бремя высшей ответственности в политической жизни. И это несмотря на большое почтение и уважение, которыми он пользовался в политических и парламентских кругах за качества его характера, за его одаренность и культуру, за его серьезную подготовленность. Его неуспех, который никто никогда не сумел бы перенести с большим достоинством, позволяет показать, как разнообразны и сложны качества, которые требуются для осуществления власти, и как отсутствие хотя бы одного из этих качеств может свести на нет все остальные». Джолитти подробно пишет о больших знаниях Соннино в различных областях административной деятельности, о многих качествах, «которыми даже отдаленно не обладали другие, более удачливые, чем он».

Затем Джолитти объясняет причины неудач Соннино: «Но если он знал проблемы, то никогда в достаточной мере не знал людей, сотрудничество которых, добровольное или связанное с некоторым нажимом, прямое или косвенное, при демократических и парламентских режимах является необходимым для разрешения этих проблем. Всегда немножко обособленный, державшийся в стороне от своих друзей, он неуверенно чувствовал себя в ассамблеях, которые хотят, чтобы ими управляли при помощи разумного убеждения, т. е. когда учитывается их настроение и все-таки удается достигнуть поставленных целей. Ему не хватало также понимания того, что политические проблемы, хотя в сути своей остаются одними и теми же, видоизменяются в своем соотношении с условиями и обстоятельствами...»⁽¹⁰⁵⁾.

Итак, второй кабинет Соннино пал 21 марта 1910 г., просуществовав тоже «около 100 дней». Джолитти, зная, что положение в стране нестабильно, не хотел сразу возвращаться к власти, и в качестве «переходного» было создано правительство, возглавленное Луиджи Луццати. О нем Канделоро пишет: «Луиджи Луццати был, как и Соннино, просвещенным консерватором, экспертом в вопросах финансов и политической экономии. Но в отличие от Соннино он был гибким человеком, ловким в ведении переговоров, хорошим оратором, хотя и несколько хвастливым, немножко выскочкой»⁽¹⁰⁶⁾. Луццати начал с большого парламентского успеха, 30 апреля 1910 г. за него проголосовало подавляющее большинство, включая социалистов. Правда, Кулишова написала по этому поводу Турати гневное письмо, говоря о том, что Социалистическая партия поддержала «самого ловкого шарлатана из всего политического буржуазного мира». Анна Кулишсва была права: Луццати дал много обещаний, но не смог их выполнить. Луццати не был крупным деятелем. Он не импонировал населению и даже (после первого успеха) парламенту. Кроме того, и положение в стране было тяжелым: спад в некоторых отраслях промышленности, неурожай, холера и холерные бунты в Неаполе. В архивах Джолитти есть много документов, показывающих, что, скрываясь за кулисами, он в действительности оставался хозяином положения. Его информировали о малейших изменениях и колебаниях

политической погоды, и сам Луццати понимал, что судьба его кабинета зависит главным образом от позиции Джованни Джолитти.

В конце 1910 г. Луццати представил парламенту проект избирательной реформы, которую он заранее широко разрекламировал. На поверку оказалось, что реформа была крайне ограниченной: число избирателей увеличилось бы примерно всего на 1 млн. и «низы» опять остались бы обойденными. Социалистическая парламентская группа перешла в решительное наступление. Турати в речи, произнесенной 21 декабря 1910 г., требовал подлинной, а не иллюзорной реформы, вся левая печать ожесточенно критиковала Луццати. Однако роковой удар нанес ему Джолитти. 18 марта 1911 г. Джолитти выступил в парламенте с одной из самых блестящих своих речей, требуя радикального пересмотра всей избирательной системы, с тем чтобы народные массы могли осуществить свое законное право действительно участвовать в политической жизни страны. Луиджи Кортези пишет, что этой своей речью Джолитти «оставил позади всю Социалистическую партию»: ему удалось сделать то, чего не удавалось ни Сальвемини, ни Модильяни, ни Кулишовой, которые приложили много усилий, чтобы мобилизовать партию на борьбу за широкую избирательную реформу. Левые устроили Джолитти бурную овацию, Луццати 20 марта подал королю заявление об отставке, и Джолитти вернулся к власти в атмосфере всеобщих надежд.

Что же происходило тем временем в социалистическом лагере? В конце октября 1910 г. в Милане состоялся очередной, XI съезд партии. Незадолго до этого. 16 сентября, в «Аванти!» был напечатан «Манифест непримиримых революционных групп». Эти группы были неоднородными, но все их особенности проявятся позднее, перед вступлением Италии в первую мировую войну. Пока что в революционные группы входили люди, заявлявшие, что они ненавидят реформизм и отстаивают «Программу 1892 года» (год создания партии) без всяких «программ-минимум». В группы входили, в частности, Костантино Ладзари и будущий лидер Социалистической партии Джачинто Менотти Серрати (1872–1926), о котором Кортези писал, что он единственный, кто может выдержать сравнение с Филиппо Турати по цельности, честности и глубочайшей преданности социализму.

На XI съезде доклад о «генеральных критериях» политической линии партии делал Турати, и «непримиримые» боялись, что съезд «попадет в ловушку, расставленную реформистами», поскольку впервые после 1897 г. с докладом выступит «такой человек», «такой оратор», который сможет оказать «такое влияние». К моменту открытия съезда было ясно, что партия переживает кризис. Одним из симптомов было снижение ее численности: в 1908 г. в партии состояло почти 44 тыс. человек, а в 1910 г. — немногим более 32 тыс. Другим симптомом было несоответствие между ростом голосов, подаваемых на выборах за кандидатов-социалистов, и численностью самой партии. Турати не отрицал наличия кризиса, много внимания уделил вопросам тактики, упомянув, что борьба течений, естественно, не может способствовать успеху партии в массах. Он признавал и слабость социалистической культуры, но настаивал на том, что у партии есть одна важная заслуга: «Она превратила плебс в народ». Турати придавал огромное значение развитию

социалистического самосознания и был убежден, что, хотя процесс превращения рабочего класса в руководящий класс происходит медленно, он все же развивается неуклонно и неотвратно.

На съезде происходили очень серьезные споры. Сальвемини разошелся с реформистами. Он заявил, что внутри партии формируется «привилегированная олигархия», которая превращается «во врага рабочего класса», и что скоро социалистическая партия мало чем будет отличаться «от любой консервативной партии». На съезде произошло также событие, которое газеты называли «крупным скандалом» и которое действительно не имело прецедентов в истории итальянского социализма. Этим «скандалом» оказалась речь Биссолати.

Мы уже говорили об остроте, которую приобрел вопрос о взаимоотношениях партии и синдикатов, о том, что еще на флорентийском съезде лидер ВКТ Ринальдо Ригола говорил о «разделе сфер влияния». Об этом много писали в социалистической прессе, а затем Ригола выдвинул план создания широкой Партии труда, в которой объединились бы Социалистическая партия и синдикалисты. Турати отверг и идею такого объединения, и возможность ее осуществления. Тогда Ригола отказался от своей идеи и фактически перешел на позиции Турати, заявив, что партия лишь должна больше считаться с ростом влияния ВКТ. Но некоторые ораторы настаивали на создании такой, как сказал Турати, «более или менее аполитичной Партии труда». И вот выступил Биссолати. Сначала он расхваливал политику реформ, а потом вдруг заявил: «Когда свобода завоевана, когда — позвольте мне произнести эти еретические слова — партия уже осуществила главную свою задачу, состоявшую в том, чтобы добиться для трудящихся масс права участвовать в политической жизни нации, с этого самого момента Социалистическая партия в ее теперешнем виде обречена на судьбу сухой ветви»⁽¹⁰⁷⁾. За этим следовало, что такая «сухая» или «засыхающая» ветвь должна быть заменена новыми побегами. Поэтому Биссолати считает необходимым, чтобы Социалистическая партия, к которой он сам принадлежит, во имя марксизма «передала свои права и власть Всеобщей конфедерации труда». Рабочий класс не нуждается более «в советниках и апостолах». Короче говоря, это был прямой и откровенный призыв к ликвидации политической партии пролетариата. Биссолати определил программу правых реформистов, — программу, с которой никогда не мог согласиться Филиппо Турати. Термин «сухая ветвь» вошел в историю итальянского социалистического движения как девиз и символ правого ревизионизма.

Среди представителей левого течения, выступавших по вопросу о «генеральных критериях», назовем Ладзари. Если судить по результатам голосования, XI съезд закончился победой левого крыла реформистов. Биссолати «по личным причинам» ушел из «Аванти!», и директором стал Клаудио Тревес. Революционные группы решили во имя единства остаться в рядах партии. Однако они создали фракцию своих групп и избрали центральный комитет этой фракции. Но осенью 1910 г. общее положение в стране казалось довольно спокойным и даже самые проницательные люди не предвидели того, что надвигалось.

Мы в этой работе не можем анализировать влияние международных событий на итальянские дела и поэтому ограничимся минимумом. В 1908 г., когда Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину, в Италии это было воспринято очень болезненно. В период «долгого министерства» Джолитти активизировалась политика Италии на Балканах, при Соннино этот курс продолжался. Италия настаивала на том, что у нее на Балканах есть «особые интересы». Важную роль в этом играли ирредентистские^[17] настроения. Сущность ирредентизма сводилась к борьбе за присоединение к Италии пограничных районов, население которых составляли преимущественно итальянцы. Эти районы когда-то принадлежали Италии, но в период объединения и воссоединения страны не были освобождены. Кроме того, итальянский империализм поддерживал свои «права и интересы» в бассейне Средиземного моря и в Северо-Восточной Африке. В 1909 г. в палате обсуждался вопрос об увеличении военного бюджета. Турати очень резко выступил против военных ассигнований, но парламентская фракция партии его не поддержала.

Под влиянием ряда причин — экономических, внешнеполитических и др. — начиная примерно с 1909 г. положение на итальянской политической сцене обострилось. Постепенно стали развиваться «ферменты», которые медленно, но неуклонно подтачивали сами основы «социалистической монархии». Казалось, что все более или менее спокойно, а на самом деле где-то в глубине зрели и увеличивались недовольство, раздражение, жажда перемен. Это касалось культуры, нравов, общественной психологии. Все более очевидными становились как иллюзорность «классового мира», так и нарастание противоречий между классами. Антиджолиттианские настроения в определенных кругах буржуазии и буржуазной интеллигенции становились все сильнее.

Крепло националистическое движение. Примерно в это время начала выходить газета «Триколоре» (буквально: трехцветный, в данном случае подразумевался национальный флаг Италии). Чтобы дать представление об идейных позициях этой газеты, достаточно сказать, что короля она называла «товарищ Савойя» и «первый социалист Италии». Если уж Виктор Эммануил обвинялся чуть ли не в прямых связях с революционным движением, нетрудно вообразить, как поносили Джолитти. В декабре 1910 г. в Палаццо Веккьо во Флоренции состоялся первый съезд националистов, на котором организационно оформилась Итальянская националистическая ассоциация. Съезду предшествовала оживленная дискуссия в печати, много спорили и в зале заседаний. У людей, собравшихся в Палаццо Веккьо, были вполне определенные классовые интересы, но нельзя сказать, что все понимали, что именно надо делать. Чувствовались общее недовольство, брожение умов, крайняя степень раздражения, желание вмешаться в большую политику. Но один человек оставался верен себе — Энрико Коррадини. «Реньо» к этому времени перестал выходить, не выходил и «Леонардо». Однако Коррадини продолжал заниматься политической публицистикой и взгляды его все больше определялись. Он выразил их в своем докладе на съезде.

Доклад был озаглавлен «Пролетарские классы: социализм. Пролетарские нации: национализм». Этот доклад считается первой хартией итальянского национализма. Вот

сущность концепции. Социалисты говорят, что буржуазия эксплуатирует рабочих. Допустим, что это так. Но нужно считаться с тем, что существуют бедные страны, «пролетарские нации», которые не могут обеспечить всех своих граждан работой, и те вынуждены эмигрировать. «Пролетарские нации» не обладают также достаточными возможностями, чтобы поднять общий уровень жизни населения. В таком положении находятся страны, не имеющие колоний, Италия принадлежит к их числу. «Подобно тому как социалисты разъяснили пролетариату сущность и значение классовой борьбы, — заявил Коррадини, — мы должны разъяснить Италии ценность и смысл международной борьбы. Но международная борьба — это война? Ну что-ж, пусть будет война! И национализм внушит Италии стремление к победоносной войне»⁽¹⁰⁸⁾.

Для Коррадини война — это прежде всего «моральное понятие», «символ национального воскрешения». Все группы национальной буржуазии должны примириться между собой, а затем примириться и со всеми остальными классами итальянского общества. После того как будет достигнут классовый мир внутри страны, обновленная и укрепившаяся нация сможет начать войну в международном масштабе, и эта война будет справедливой. Нельзя сказать, чтобы эти идеи блистали новизной, мы встречались с ними еще в период «Реньо»» Кроме того, Коррадини вообще мыслил довольно элементарно. Однако среди националистов были и другие люди, более высокого интеллектуального уровня. Во время первого съезда националистов они еще не играли большой роли, но пройдет немного времени и именно они выработают настоящую доктрину итальянского национализма. В оформлении идеологии национализма большую роль сыграет еженедельная газета «Идеа национале», основанная вскоре после флорентийского съезда.

Период 1910–1914 гг. Франко Газта определил как «вторую фазу» итальянского национализма. Мне кажется, сюда надо включить и первые месяцы 1915 г., непосредственно предшествовавшие вступлению Италии в мировую войну. «Идеа национале» не была официальным органом националистического движения, в 1911 г. предпринимались попытки сделать ее таковым, но редакция предпочитала сохранять свободу мнений, не подчиняясь официальной линии. Еженедельник хотел дать итальянскому националистическому движению точную и ясную политическую программу. У итальянских националистов довольно долго существовала теория «европейской иерархии наций». По этой теории Франция и Англия — это две «плутократические в статичные» нации Западной Европы, они богаты и самодовольны, у них есть колонии, они находятся в привилегированном положении. Наряду с ними есть две «пролетарские и динамичные» нации — Италия и Германия. Им необходимо наверстать то, чем они не обладают по вине «плутократов», поэтому они являются естественными союзниками. Это схема. Националисты, разумеется, приводили массу доводов — исторических, географических, психологических и пр.

В 1911 г. произошли события, имевшие важнейшие последствия для дальнейших судеб Италии. Мы имеем в виду начало итало-турецкой войны 1911–1912 гг. — первой войны, которую Италия вела одна, без союзников, со времени своего воссоединения. Не просто

«африканские инциденты», а настоящая война за колонии, вошедшая в историю под названием Ливийской или Триполитанской. В публицистике эпохи и отчасти в современной итальянской историографии распространено мнение, что вся Ливийская война была проведена «в классической тактике Джолитти», что он, играя одновременно на двух флангах, дал «левым» широкую избирательную реформу, а консерваторам — колониальные завоевания.

Сам Джолитти писал в автобиографии, что в те времена многие думали, будто какие-то тайные причины побудили его внезапно принять решение и начать войну. Он решительно опровергает это и пишет, что еще в апреле 1911 г., формируя свой новый кабинет, имел намерение осуществить три основные задачи: провести избирательную реформу, создать государственную систему страхования по старости и инвалидности и «разрешить ливийскую проблему». О последнем он, Джолитти, думал уже давно, но держал свои соображения в тайне. Причины, толкавшие его на проведение «Ливийской операции», писал Джолитти, коренились в соображениях общеполитического характера.

Италия вступала на путь империализма, и с помощью колониальной войны правительство рассчитывало примирить различные группировки буржуазии, отвлечь трудящихся от внутренних проблем и, облегчив эмиграцию, ослабить остроту южного вопроса. 27 сентября 1911 г. Италия предъявила ультиматум Турции, заявив о своем намерении оккупировать Триполитанию и Киренаику, что, разумеется, мотивировалось высшими соображениями и интересами коренного населения. Турция соглашалась на переговоры, но 29 сентября Италия без предварительного обсуждения в палате объявила войну. Джолитти писал, что Италия имела право на эту акцию: «...если бы в Ливию не пошли мы, то это сделала бы другая держава, так или иначе заинтересованная политически или создавшая себе там экономические интересы. С другой стороны, Италия, и так уж глубоко потрясенная французской оккупацией Туниса, безусловно, не потерпела бы повторения такого события в Ливии. Таким образом, мы рисковали бы конфликтом с какой-либо европейской державой, что по серьезности не может даже сравниться с конфликтом с Турцией»^[108].

«Ливийскую операцию» Джолитти готовил вместе со своим министром иностранных дел маркизом Антонио Патерно-Кастелло ди Сан Джулиано, сицилианцем, связанным с националистами. В мемуарах он дает министру самую лестную оценку, но замечает, что ди Сан Джулиано «был склонен действовать чересчур поспешно». В архивах Джолитти есть промемория маркиза от 28 июля 1911 г. В ней, кроме анализа международных отношений, говорится, что итальянское общественное мнение считает внешнюю политику страны слишком осторожной. Ясно, что под общественным мнением надо понимать прежде всего националистическую прессу. Разумеется, Джолитти привел в оправдание «Ливийской операции» соображения морального и гуманного характера. Например: «В то время как Западная Африка от Туниса до Марокко, а также Египет находились под управлением европейских администраций, в Ливии все еще преобладали условия исключительной отсталости. Достаточно напомнить, что в Бенгази все еще существовала торговля рабами,

которых насильственно вывозили из центральных районов Африки и продавали на этом рынке. Немыслимо было терпеть такой позор и бесчестье почти на пороге Европы»⁽¹⁰⁹⁾.

Джолитти категорически отрицает обвинение в том, будто, начав Ливийскую войну, он тем самым развязал цепь событий («цепная реакция»), которые вскоре привели к первой мировой войне. Анализируя международное положение, он впоследствии писал, что вся обстановка в Европе складывалась так, что европейская и мировая война превращались в неизбежность. Главной же причиной возникновения мировой войны были, по убеждению Джованни Джолитти, «провокации и амбиции военных в Вене»⁽¹¹⁰⁾.

ЛИВИЙСКАЯ ВОЙНА; СОЦИАЛИСТЫ И КАТОЛИКИ

Некоторые итальянские исследователи избирают 1911 год в качестве точки отсчета для анализа процессов, происходивших в общественном сознании в предвоенный период. Почему? Потому что тогда «произошло сближение целого ряда мотивов, присущих как политической истории, так и истории культуры. 1911 год — потому, что с Ливийской войной вступило в полосу кризиса государство Джолитти и одновременно тот тип организации культуры, который выражал журнал Джузеппе Преццолини «Ла воче»⁽¹¹¹⁾.

Мы уже писали о Преццолини. Когда он и Папини в 1903 г. создали «Леонардо», Кроче поддержал их, но потом разочаровался и заключил в одни скобки «империалистов, мистиков, эстетов или как там они себя еще называют». Имена не указаны, но этот обвинительный акт («Все они — мастера одного и того же искусства: великого искусства пустоты») относился и к группе «Леонардо». Пути Папини и Преццолини разошлись. Преццолини, пройдя полосу религиозных исканий, стал крочеанцем, позднее даже написал книгу «Кроче». В атмосфере кризиса и поисков новых ценностей Преццолини с благословения Кроче создал во Флоренции еженедельник «Ла воче» («Голос»). Первый номер вышел в декабре 1908 г., а во втором номере, 27 декабря, Преццолини подчеркнул «конструктивный» характер своего нового журнала. Он писал, что не будет ни злословия, ни «инквизиции». Напротив, группа «Воче» приложит «все усилия к тому, чтобы серьезно участвовать в прогрессе итальянской культуры — теоретическом и практическом»⁽¹¹²⁾.

О роли «Воче» в Италии до сих пор спорят: журнал был значительным, но противоречивым, в нем сотрудничали яркие люди, далеко не всегда единомышленники. По отношению к джолиттизму «Воче» не был так резок и непримирим, как «Леонардо» и «Реньо» — очевидно влияние джолиттианца Кроче. Когда началась Ливийская вой. а, в группе «Воче» возникли большие противоречия. Преццолини и многие другие были за войну, а Сальвемини, который был против, вышел из редакционного коллектива.

Среди сотрудников «Воче» были и блестящие интеллектуалы: выдающийся литературный критик Ренато Серра (1884–1915), собеседник и оппонент Кроче, погибший в первый год

войны. Он принадлежал к числу самых бескорыстных и талантливых интеллектуалов своего поколения. Серра первоначально был близок к социалистам, прошел через опыт позитивизма. Потом началась полоса других исканий, он знал, что всегда останется одиноким, не сделает ни академической, ни литературной карьеры. После его смерти остался знаменитый текст «Экзамен совести одного литератора». 20 ноября 1915 г. Грамши в «Гридо дель пополо» откликнулся на гибель Серры некрологом «Свет, который погас». Сейчас в Италии интерес к Серре очень велик. Сотрудничал в «Воче» и философ Джованни Амендола (1886–1926), погибший после того, как его зверски избили фашисты. История «Воче» сама по себе интереснейшая страница в анналах итальянской культуры. В «Истории...» Кроче ей уделено всего полстранички. Кроче заметил, что журнал «находился в оппозиции к национализму, лживости и напыщенности». Уточним, что он был в оппозиции лишь к наиболее крайним выражениям национализма, не более того. Журнал был эклектическим. Позднее вочеанцы станут и антифашистами и, наоборот, фашистами.

9 февраля 1911 г. Бенедетто Кроче дал «Воче» интервью, озаглавленное «Смерть социализма». Интервью вписывается в атмосферу времени. После книги Бономи «Новые пути социализма», после того как Биссолати заявил, что партия «превратилась в сухую ветвь», этот тезис имел некоторые основания. Манакорда пишет: «В действительности кризис социализма был в какой-то момент самым, быть может, ярким элементом кризиса, охватившего всю систему либерального правления, неотъемлемой частью которого был демократический и «градуалистский» социализм. В частности, в Италии это относилось к джолиттианской системе. Кризис джолиттизма и кризис туратианского реформизма составляли единое целое. Их происхождение имело общие причины в изменении экономической структуры Италии, в первоначальном утверждении монополистического капитализма, в ожесточении классовой борьбы. Отсюда возрождение реакционных течений, находивших общую платформу в национализме. Отсюда же, в противовес этому, обновление революционной струи внутри социализма»^[113].

Для своего интервью Кроче избрал легкую и изящную форму: размышления об «иронии истории». Он заметил, что в середине XIX в. многие мыслители предсказывали скорую и неизбежную смерть всей буржуазной цивилизации, но этого не произошло. Интервью изобиловало парадоксами. Кроче говорил и о том, что Маркс создал «миф о героическом рабочем классе», который станет протагонистом всемирной истории в новом, XX в. Однако, заявил Кроче, рабочий класс не является ныне революционным классом, если он вообще когда-нибудь был таковым. А в конце марта произошел беспрецедентный в истории Итальянской социалистической партии эпизод. Когда Джолитти формировал свой новый кабинет, он предложил Биссолати пост министра земледелия. Биссолати советовался с Турати, и тот отговорил его. Биссолати отклонил предложение, но согласился пойти в Квиринал^[18] для политических консультаций с королем. Кстати, чтобы подчеркнуть, что он не просто парламентарий, а представитель рабочего класса, Биссолати, нарушив протокол, явился во дворец в пиджаке и в кепке. «Казус Биссолати» вызвал нечто вроде шока.

Джолитти пишет об этой истории: «Впервые социалистический депутат переступил порог Квиринала, чтобы монарх мог узнать его мнение о политическом положении. И этот факт, разумеется, вызвал много комментариев. Его осудили, словно сговорившись, экстремисты с одной и с другой стороны, т. е. реакционные консерваторы и революционные социалисты»^[114]. Многие буржуазные газеты забили тревогу по поводу того, что социалисту был предложен министерский пост и что этого социалиста принял король. Противники Джолитти получили новый повод для нападок на него. Турати откликнулся статьей — он осуждал поступок Биссолати, но пытался найти ему психологическое объяснение. Комитет социалистической федерации в Форли послал руководителям партии телеграфный ультиматум: «Изгоните джолиттианца, монархиста, махрового, роялиста Биссолати. В противном случае 50 секций федерации Форли выйдут из партии»^[115]. В местных организациях преобладало чувство возмущения, но в парламентской фракции мнения по поводу «жеста Биссолати» разделились. Сам Биссолати год спустя заявил, что он хотел просто «нарушить инерцию».

Через несколько дней после «жеста Биссолати» в парламенте произошел новый скандал. Джолитти, выступая в ответ на нападки консерваторов и отстаивая свою политическую линию, произнес «историческую фразу», которую не закончил из-за шума в зале. Он сказал, что прошло восемь лет с тех пор, как он предложил Турати войти в правительство, а тот отказался. За это время «страна шла вперед, Социалистическая партия весьма умерила свою программу, а Карла Маркса отправили на чердак...». В парламентском отчете сказано, что слова Джолитти были встречены бурными протестами Эстремы, аплодисментами Правой и центра. Чей-то голос добавил: «Карл Маркс умер», а социалист Этторе Чикотти из революционных групп крикнул: «Для нас Карл Маркс еще более жив, чем прежде!». Наконец навели порядок, но Джолитти так и не смог закончить речь.

Приняв вызов Джолитти, революционные группы 1 мая 1911 г. выпустили первый номер еженедельника «Ла соффитта» («Чердак»). Редакторами были Ладзари и Джованни Лерда, который на миланском съезде был одним из трех ораторов фракции революционных групп. Лерда принадлежал к распространенному тогда в Итальянской социалистической партии типу людей: самоучка, прошедший школу практической работы. Это были честные, умные, преданные рабочему движению люди, которые, однако, с таким подозрением относились к интеллигентам, что не верили «ни в какие формулы и догмы», в том числе, как выражался Лерда, и «в догматы так называемого научного социализма». Это очевидные отголоски и живучесть традиций операизма. Вокруг «Соффитты» сгруппировались единомышленники, журнал был связан с местными организациями и имел сеть постоянных и доверенных корреспондентов. Начиная с первого номера еженедельник писал об отмежевании революционной фракции от реформистов. «По мере того как фракция усиливала свою организационную работу, все более четко ставился вопрос о самом настоящем расколе»^[116].

Что же происходило внутри Социалистической партии, пока Джолитти и ди Сан Джулиано готовили «Ливийскую операцию»? В том же 1911 г. происходили торжества по случаю 50-летия объединения Италии. В Риме и Турине были открыты международные выставки,

показывавшие большие успехи промышленности. Жестокие противоречия тщательно маскируются, о катастрофическом положении Юга говорят только меридионалисты, официальная пропаганда стремится создать впечатление, что все обстоит отлично. Ливийская война явилась катализатором, оказавшим воздействие на сложные процессы, созреавшие в партии. Возникла интересная политическая и психологическая ситуация. Левые ощущают надвигающуюся опасность. Об этом дважды писал Лерда; он считал, что стратегический замысел Джолитти заключается в том, чтобы своей избирательной реформой «нейтрализовать социалистов» и заставить их отказаться от активной оппозиции войне. В октябре 1911 г. на чрезвычайном съезде партии в Модене один делегат из Турина, Франческо Барберис, заявил: «Пусть только нам не говорят, что экспедиция в Триполи свалилась как снег на голову. Я рабочий, я простак, но таким наивным я никогда не буду». Однако такие крупные деятели, как Турати и Тревес, до последнего момента искренне не верили в возможность военной акции. Некоторые историки делают скидку на то, что Турати на протяжении нескольких месяцев жил далеко от столицы, не имел прямой информации и пр., но это ничего не меняет, Турати упорно твердил, что шум, поднятый летом националистами и некоторыми буржуазными газетами, «на девять десятых» объясняется соображениями внутренней политики — это просто маневр, цель которого заставить социалистов отказать кабинету Джолитти в своей поддержке. Только в середине сентября Турати наконец понял, что происходит. Начались совещания, 25 сентября состоялось совместное заседание руководства партии, парламентской группы и руководителей ВКТ. В это время уже распространились слухи об отправке войск в Ливию, и во многих городах Италии шли спонтанные демонстрации протеста.

Кортези пишет: «Оставалось уже немного дней до начала войны. Самокритика должна была быть немедленной и беспощадной. Турати не был человеком, который пытался бы спасти свой престиж в подобных обстоятельствах. В самом деле, Турати писал в своем журнале: «Да, это тяжелое признание, но мы должны его сделать. Мы исходили из того, что абсурд не может совершиться, мы отказывались верить в возможность триполитанской авантюры, мы слишком высоко оценили разумность, патриотизм, демократическую честность итальянских правителей». А 1 октября, когда война уже началась, Турати писал в «Критика социале», что он и теперь не может понять, каким образом «правительство Джованни Джолитти, человека, который как будто как нельзя более непохож на Криспи, правительство, в которое входит столько лично порядочных людей, умеющих современно мыслить, правительство, обещавшее итальянскому пролетариату серьезные реформы, могло развязать эту оргию глупейшего шовинизма»^[117].

Видимо, поразительная слепота Турати и его единомышленников может быть психологически объяснена только тем, что в конце XIX в. они твердо поверили в Джолитти. Сказал же тогда Тревес: «Это человек, который никогда не будет нашим, но который нас понял». Миф Джолитти был чрезвычайно силен. Анна Кулишова была, возможно, единственным человеком в руководстве партии, кто не вполне разделял иллюзии. В общем, каких бы психологических объяснений ни искать, факт тот, что руководители

реформистского крыла проявили удивительную наивность и были буквально застигнуты врасплох войной. XII чрезвычайный съезд Социалистической партии открылся в Модене 15 октября 1911 г.

Наметим основные направления: правые реформисты, левые реформисты, революционные фракции. Внутри этих течений множество оттенков, внутренних противоречий, группировок. Некоторые выступают за поддержку правительства, оправдывая «тягостную необходимость» войны; другие против систематической поддержки и за тактику «гибкого маневрирования»; третьи самым решительным образом против какого бы то ни было сотрудничества не только с правительством, но и с любыми буржуазными партиями. На Турати ожесточенно нападают и слева и справа. Лерда резко осудил непоследовательность реформистов, обвиняя их в том, что они дезориентировали партию и обманули ожидания народных масс. «Мы разрушили все, — горько сказал он, — идеал, мысль, социалистическую душу». Бономи же заявил, что «не может быть промежуточных решений между железной непримиримостью Ладзари и прямолинейным реформизмом Биссолати». Иными словами, надо выбирать: либо признать тактику коалиций с другими партиями и, возможно, участие в правительстве, или же проявлять абсолютную непримиримость, «располагаться лагерем в одиночку, осуществляя непрестанную революционную оппозицию против всей буржуазии в целом»⁽¹¹⁸⁾. Затем Бономи напал на Турати лично: если бы съезд состоялся не теперь, а в начале сентября, «наш славный товарищ Филиппо Турати стал бы со всем своим красноречием и ловкостью защищать нашу поддержку кабинета Джолитти и логическую последовательность нашей тактики» Бономи добавил, что левые реформисты находятся в состоянии шока из-за Ливийской войны, так как они не в состоянии понять, что есть целый ряд причин, толкающих Италию в Африку. Это и международные, и экономические, и разные другие причины: итальянский капитализм заинтересован в этих колониях, а рабочий класс «по крайней мере не должен мешать» колониальной экспансии.

Лидер ВКТ Ригола был критичен и самокритичен, но в общем поддерживал линию Турати. Модильяни очень четко определил различия между «левым» и правым реформизмом. Наконец, выступил Турати. Он безоговорочно осудил Ливийскую войну, назвав ее разбоем, и заявил, что партия не может не осудить этот разбой, ибо существует «священная антивоенная социалистическая традиция». Никто из итальянских историков не сомневается в личной, субъективной искренности Турати, который ненавидел насилие в любых его формах и всегда непримиримо относился к колониализму. Турати выступил сразу после Анджиоло Кабрини, который вызвал крайнее возбуждение съезда своей шовинистической речью. Турати яростно напал на сторонников войны, заявив, что все разговоры о «роковой исторической необходимости» — ложь, что ультиматум, предъявленный Турции, — это «циничное и отвратительное лицемерие, опозорившее Италию в глазах всех цивилизованных стран».

Но Турати не ограничился категорическим осуждением войны. Он говорил о внутреннем положении в партии и, хотя отстаивал правоту своего течения, как единственно преданного

социалистическим принципам, был беспощаден и к правым и к «левым». Речь полна горечи, и может быть еще и потому, что в душе он начал сомневаться в правильности политики, упорно проводимой целое десятилетие. Самое главное, что произошло на съезде в Модене, — это четкое размежевание между «реформистами» и «революционерами». И все же был достигнут своего рода компромисс. Турати не хотел раскола и после съезда старался свести к минимуму значение разногласий с «революционерами». «Аванти!» резко усилила антивоенную пропаганду. «Соффитта» вела бескомпромиссную линию против любой формы сотрудничества с правительством и, кроме того, сомневалась в искренности левых реформистов. Для сомнений были некоторые основания, но слово «неискренность» неточное. Субъективно Филиппо Турати не мог быть неискренним. Другое дело, что ему очень хотелось поверить Джолитти, который делал социалистам всяческие авансы, заявляя, что Ливийская война «лишь горестный эпизод», что будет продолжаться демократическая политика. Партия перешла в оппозицию к правительству, но, видимо, Турати считал, что времена могут измениться и сотрудничество с Джолитти вновь станет возможным.

Интересно проанализировать позицию тех, кто в этот момент был вне партии. Сальвемини, как мы знаем, осудил войну и поэтому порвал с «Воче». Но после съезда в Модене он горько упрекал партию за то, что та вела «великолепную, но почти платоническую» кампанию против войны. Но все-таки раз уже дело дошло до войны, поражение в ней было бы катастрофой для всех итальянцев, и прежде всего для трудящихся. Так думали многие меридионалисты. Они осуждали как саму войну, так и ее идеологические обоснования. Но они также надеялись, что война выведет страну из застоя, мобилизует массы, заставит действовать и, быть может, поможет разрешить проблему Юга. Этот образ мыслей был распространен уже в 1911 г., а через несколько лет ляжет в основу так называемого демократического интервенционизма. Артуро Лабриола, как и многие его единомышленники, откровенно и горячо поддерживал Ливийскую войну. Он, как и Сальвемини, находился в это время вне партии, но считал себя революционером. Мотивы, по которым «интеллектуальное крыло революционного синдикализма» было за войну, сводились к тому, что война будет «великолепной школой воспитания в массах боевого духа», а впоследствии этот боевой дух поможет осуществить революцию.

14 марта 1912 г. анархист, каменщик по профессии Антонио Д'Альба совершил покушение на жизнь короля и королевы, когда они отправлялись на богослужение в память убитого короля Умберто I. Покушение не удалось. В это время заседал парламент, депутаты прервали заседание и решили отправиться в Квиринал, чтобы поздравить короля с избавлением от опасности. Три депутата-социалиста: Биссолати, Бономи и Кабрини — пошли вместе с коллегами, и Бономи объяснил это как «жест человеческой солидарности и свойственной романским народам любезности». Партия возмутилась. Тревес писал в «Аванти!», что эти трое «уподобились дурацким куртизанкам». Буржуазная же пресса, как и после убийства Умберто I, хотя не так яростно, обвиняла социалистов в их «доле моральной ответственности».

История с Квприпалом стала главным пунктом обвинения против правых реформистов на XIII съезде партии, состоявшемся в Реджо-Эмилии в июле 1912 г. Правда, и до этого революционные фракции извлекли из нее немалый политический капитал. Одна за другой местные партийные организации заявляли, что отходят от «реформистов» и присоединяются к «революционерам». Между съездом в Модене и съездом в Реджо-Эмилии внутрипартийная борьба продолжала обостряться. Парламентская фракция раскололась, между руководством партии и парламентариями возникло множество разногласий. ВКТ, вначале довольно вяло осудившая войну, стала настойчиво требовать ее прекращения. В эти месяцы вопрос об идеологической линии Социалистической партии встал с исключительной остротой. Война, в которую страна была втянута без предварительных дебатов и одобрения парламента, показала всю ограниченность парламентской демократии. А следовательно, какой смысл в поддержке правительства, на чем в течение 10 лет основывалась тактика социалистов? Перед съездом в Реджо-Эмилии «непримиримые революционеры» были полны решимости завоевать руководство и направить партию по новому пути, покончив с политикой блоков и избавившись от правых реформистов.

Съезд открылся 7 июля 1912 г.; партия могла праздновать свое 20-летие, но атмосфера была явно неподходящей. Ладзари лишь бегло упомянул о памятной дате. Данные о членстве в партии и распространении партийной печати оказались неутешительными. Политический доклад, доклады о работе парламентской группы и об «Аванти!» — все подверглось резчайшей критике. «Наступление «революционеров», развивавшееся параллельно с развитием прогрессивного паралича руководства и парламентской группы, парализованных разногласиями между правыми и левыми реформистами, достигло момента наибольшей напряженности и эффективности накануне съезда в Реджо-Эмплии, не оставляя больше места для сомнений о том, какими будут результаты съезда. В самом деле, съезд лишь официально подтвердил неизбежность давно назревших перемен, а именно разрыва с правыми реформистами»⁽¹¹⁹⁾.

Самую резкую речь против реформистов на съезде произнес Муссолини, входивший в фракцию революционных групп. Он выступил по вопросу о работе парламентской фракции. Точное замечание сделал Манакорда: в своей речи Муссолини не ограничился критикой недостатков в работе партии, он обрушился «на всю демократическую сущность реформизма» и осудил ее «во имя концепции социализма как доктрины силы, антидемократической доктрины»⁽¹²⁰⁾. Говоря о «парламентском кретинизме», Муссолини прокламировал себя самого как истинного представителя марксистской мысли. Между тем о научном социализме он имел лишь самое приблизительное представление. Однако Муссолини, ловко используя сложившееся положение, заготовил несколько эффектных демагогических афоризмов и внес проект резолюции, гласивший: «Конгресс, убедившись, что доклад парламентской группы был жалким и склеротическим, констатирует и осуждает политическую инертность этой группы». После чего Муссолини потребовал исключения из партии Кабрини, Бономи и Биссолати за то, что они ходили в Квиринал.

К моменту съезда в Реджо-Эмилии исключение правых реформистов из партии фактически было предпринято. Вопрос тщательно обсуждался на разных уровнях; известно, с какой болью относились к этому Турати и Кулишова. Был и проект Модильяни, также предусматривавший исключение, но сформулированный мягче. Наконец, третий проект представили левые реформисты. Биссолати и другие осуждались, но не предлагалось их исключить. Большинство, однако, проголосовало за резолюцию Муссолини, и он был избран в руководство ИСП.

Съезд вызвал интерес и отклики в международном социалистическом движении. В «Правде» от 15 июля 1912 г. была опубликована статья В. И. Ленина «Съезд итальянских социалистов», в которой, в частности, говорилось: «Внутренняя борьба в итальянской социалистической партии приняла особенно острые формы в последние годы. Сначала было два основных направления: революционеры и реформисты... Эти два основных направления, существующие в том или ином виде во *всех* социалистических партиях, выделили в Италии еще два крайних направления, которые совсем уходили прочь от социализма и вели поэтому к отделению от рабочей социалистической партии»⁽¹²¹⁾.

Кризис реформистского течения длился долго. Было много противоречий, столкновений, срывов, болезненных личных моментов. Арфе пишет, как главные действующие лица — «люди высокого интеллектуального уровня и большого опыта» — запутывались и попадали в тупик. Биссолати, Бономи, Кабрини — руководители группы правых реформистов — претендовали на то, что именно их течение вернее всех отражает требования и волю классовых организаций пролетариата. Но потом, «когда круг реформистского опыта будет завершен, они, исключенные из партии, окажутся, несмотря на свою моральную непреклонность, создателями и лидерами политического формирования, основанного на избирательной, порой очень двусмысленной клиентеле (Турати назовет их «партией кандидатов»), и у них не будет никаких последователей из среды организованного пролетариата»⁽¹²²⁾. И далее: «Турати, который с симпатией, хотя и с некоторыми оговорками, относился к правым реформистам, сыграет решающую роль в том, чтобы изолировать «правых» и сохранить связи партии с примкнувшим к ней профессиональным движением. Ему придется, пусть с горечью и болью, предъявить обвинение в предательстве, невольном и бессознательном, но предательстве Биссолати, другу и брату юношеских лет, верному товарищу в борьбе в годы зрелости». Ленин в статье «Съезд итальянских социалистов» подробно, называя имена, писал о синдикалистах, о «левых» и правых реформистах, об исключении Биссолати. И затем: «Раскол — тяжелая, болезненная история. Но иногда он становится необходимым, и в таких случаях всякая слабость, всякая «сентиментальность» (слово, употребленное в Реджо нашей соотечественницей Балабановой) есть преступление. Вожди рабочих не ангелы, не святые, не герои, а люди, как все. Они делают ошибки. Партия поправляет их. Немецкой рабочей партии случалось поправлять оппортунистические ошибки даже таких великих вождей, как Бебель. Но если на ошибке настаивают, если для защиты ошибки составляется группа, которая топчет ногами все решения партии, всю дисциплину пролетарской армии, тогда раскол необходим»⁽¹²³⁾.

Положение в партии оказалось парадоксальным. Победившие на съезде крайне левые группы, естественно, хотят назначить вместо Тревеса, заменившего в 1910 г. на этом посту Биссолати, нового директора центрального органа партии «Аванти!». Они предлагают этот пост Сальвемини, хотя тот с 1911 г. находится вне партии. Но он отказывается, и после нескольких месяцев переходного периода, когда газету возглавляет некий Джованни Баччи (многие итальянские историки даже не называют его имени), 1 декабря 1912 г. директором «Аванти!» становится Муссолини.

Кто пришел на смену Сальвемини, Артуро Лабриоле, группе правых реформистов? Манакорда с присущей ему четкостью формулировок, пишет, что итальянские социалисты стали жертвой кризиса, за который в историческом плане сами несут ответственность. В годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, «Социалистическая партия, такая, какой они ее создали, не выдерживала накала событий. Она жила, она имела свои заслуги, что признавал даже неумолимый критик реформизма Сальвемини, но теперь она должна была смириться и уступить место чему-то новому»^[124]. Грамши отмечал, что, ввиду отсутствия связи руководства ИСП с «пролетарским ядром» партии, в итальянском социалистическом движении всегда существовала «обстановка, благоприятствующая бонапартизму»^[125]. Съезд в Реджо-Эмилии, на котором Муссолини присоединился к требованию об исключении из партии правых реформистов и практически обеспечил свое будущее назначение на пост директора «Аванти!», прошел в июле 1912 г. Через два с небольшим года. 24 ноября 1914 г., Муссолини сам будет исключен из партии. Пройдет еще восемь лет — только восемь лет! — и Бенито Муссолини превратится в «дуче».

Теперь обратимся к тому, что перед Ливийской войной происходило в католическом лагере. Мы остановились на жестком курсе, который проводил Пий X, и отметили, что этот курс встречался, несмотря ни на что, с некоторой оппозицией. Отчасти оппозиционный характер имело и создание знаменитого Треста католической печати. Реорганизация католической печати началась еще в 1907 г., когда «Оссерваторе каттолико» слился с более умеренной «Лега Ломбарда» («Ломбардская лига») и стала выходить ежедневная газета «Л'унионе» («Единение»), директором которой был Меда. В следующем году Грозоли стал инициатором создания «более сложного финансово-издательского организма — Римского издательского общества для организации треста национальной католической печати»^[126]. Через два года трест имел четыре газеты, а летом 1912 г. — уже шесть.

Параллельно, в 1911 г., прежняя Ассоциация итальянских журналистов-католиков, существовавшая в Милане с 1895 г., преобразовалась в Ассоциацию итальянской католической печати. Реакционные католические газеты отнеслись к этому очень подозрительно, а в декабре 1912 г. Пий X издал *Avvertenza*^[127], прямо заявив, что газеты треста не отвечают пожеланиям Ватикана. Но это не могло остановить развития событий: после того как католики активно включились в политическую жизнь страны, усиление католической печати, как автономной по отношению к курии силы, стало неизбежным. Валерио Кастропоно придает тресту, основанному Грозоли, очень большое значение. Он пишет, что этот трест впервые нарушил социально-политическую и идеологическую

гегемонию правящего класса в печати «центра и Правой». Более того, некоторые крупные банки стали финансировать газеты католического треста.

Де Роза считает, что газеты треста хотели наверстать потерянное время и заставить позабыть о старинной оппозиции католиков по отношению к либеральному государству. После фактической отмены *non expedit* католики, естественно, стремились играть подобающую им роль в политической жизни страны. Ливийская война ускорила процесс расслоения внутри католического движения. Наиболее консервативные круги теперь оказались вовлеченными в то, что тогда называлось «националистический ветер, дующий с берегов Африки». Они приветствовали войну и тем самым сблизилась с государством... В некоторых католических газетах Ливийская война изображалась как нечто вроде крестовых походов XX в. Это, как считает Де Роза, «показывало отсталость политической мысли в определенных клерикальных кругах». Так как церковь традиционно занимала в таких делах осторожную и не компрометирующую ее позицию, Пий X был недоволен (или считал нужным казаться недовольным) тем, что в угаре шовинистических страстей газеты католического треста словно совершенно забыли об интересах церкви и соревновались с самыми пылкими сторонниками колониальной экспансии, как бы заболев «комплексом патриотизма». Дошло до того, что в «Оссерваторе романо» появилась заметка: «Ливийская война есть чисто политическое дело. Религия как таковая к этому не имеет отношения».

Однако к этому «чисто политическому делу» имел самое прямое отношение Римский банк, о котором мы много говорили в связи с банковскими скандалами. В начале XX в. этот банк играл общенациональную роль, а в 1906–1910 гг. поместил крупнейшие капиталы в страны Средиземноморья. В 1907 г. этот банк основал филиал в Триполи и активнейшим образом вмешивался в местную экономику. Однако его операции не всегда были успешными, и наступил момент, когда банк понес тяжелые потери, Президентом банка был в то время Эрнесто Пачелли, дядя монсиньора Эудженио Пачелли, будущего папы Пия XII. Известно, что Пачелли оказывал сильнейший нажим на ди Сан Джулиано в период подготовки им «Ливийской операции».

В архивах Джолитти есть интереснейшее письмо ди Сан Джулиано, который сообщает, что распространились слухи, будто Пачелли ведет переговоры с группой австро-венгерских банкиров и готов подписать с ними соглашение о передаче им всех интересов своего банка в Африке. Министр считает долгом предупредить Джолитти, что Пачелли не раз высказывал эту угрозу и в личных беседах с ним, однако полагает, что угроза не будет приведена в исполнение. Во время последней встречи Пачелли высказал убеждение, что правительство не захочет компенсировать понесенные банком потери. «Но он также убежден в том, что правительство, желает оно того или не желает, силой вещей вынуждено будет оккупировать Триполитанию»^[127].

Письмо датировано 9 августа 1911 г., а промемория ди Сан Джулиано, о которой мы упоминали (о том, что страна недовольна вялой и пассивной внешней политикой, не соответствующей национальному достоинству Италии), написана еще раньше — 28 июля 1911 г. Джолитти был раздражен таким грубым давлением. Сам ди Сан Джулиано,

впрочем, при обсуждении бюджета своего министерства в парламенте произнес довольно умеренную речь, и газеты его резко критиковали. Даже поддерживавшая Джолитти «Стампа» писала, что министр иностранных дел «проявляет излишнее христианское терпение», что касается националистической прессы, то она выражалась куда резче. Ливийская война, которую сам Джолитти называл «фатальной неизбежностью» и которой хотел придать ограниченный характер, была явным свидетельством того, сколь многое переменилось в стране. На протяжении десятилетия разговоры о возможности войны периодически возникали и затухали. И вдруг оказалось, что общественное мнение созрело, даже слишком созрело для планов Джолитти. Оказалось, что Римский банк почти открыто толкает правительство на территориальные захваты.

Заметим еще, что в этот важный момент «система Коррьере», в сущности, не противостояла «системе Джолитти». Альбертини, в соответствии с традициями Исторической Правой, вначале занял осторожную и умеренную позицию. Эйнаути и Моска, ведущие сотрудники газеты, тоже отнеслись к идее войны очень сдержанно, но большинство журналистов «Коррьере делла сера», несмотря на огромный престиж своего директора, не соглашались с ним и выступали за войну. Среди них были такие, как Д'Аннунцио. Много лет спустя Альбертини признал, что «Коррьере делла сера», как и «все главные газеты, занималась риторикой». В общем, газета поддержала Джолитти. Для националистов Ливийская война была великолепным шансом, и они его хорошо использовали. Именно в период этой войны им удалось занять сравнительно прочные позиции и добиться *consenso*.

Ливийскую войну, как мы знаем, поддерживали многие католики. Многие были удовлетворены тем, что они наконец получили «моральное право» поддержать то самое либеральное государство, которое они так долго вообще не признавали. Но, конечно, не все было однородным: некоторые католические деятели оставались убежденными пацифистами, а дон Стурцо обвинял католиков, приветствовавших войну, «в отвратительном сервилизме». И все-таки средняя и мелкая католическая буржуазия в значительной степени присоединилась к тем, кто видел в этой войне «высшее проявление итальянского духа». Если война предоставила многим католикам возможность сблизить свои позиции с позициями правящего либерального круга, то скоро представится случай перейти к прямому сотрудничеству.

КОНЕЦ «ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭРЫ»

В последние годы в итальянской историографии ведутся дебаты относительно наиболее корректного определения самого понятия «либеральное государство». С одной стороны, тщательно изучаются трансформации парламентаризма, изменения избирательных законов, работа различных органов государственной власти. С другой стороны, преимущественное внимание уделяется соотношению и относительному влиянию промышленной и аграрной

буржуазии, а также изменению различных форм организаций трудящихся, особенно индустриальных рабочих. Некоторые исследователи считают, что и тот и другой метод не могут считаться удовлетворяющими требованиям современной науки, поскольку предлагаются лишь «частичные и удобные формулы», которые не могут объяснить причины сначала кризиса, а потом заката либеральных государств в различных странах Западной Европы.

Так, известный историк Никола Транфалья, автор книги «От либерального государства к фашистскому режиму», анализируя понятие «либеральное государство» и взяв в качестве примера четыре страны — Англию, Францию, Италию и Германию, пишет, что во всех этих странах в середине XIX в. власть оказалась в руках коалиции, образовавшейся между аристократией и крупной и средней буржуазией. Он включает сюда аграрную и военную аристократию, городскую, коммерческую, формирующуюся индустриальную и земельную буржуазию со всеми их «подгруппами». Как считает Транфалья, при всех различиях в истории четырех стран эта коалиция является общей для всех особенностью. Иначе говоря, имеется в виду «политико-социальная, культурная и экономическая структура либерального государства, его юридические и политические институты, начиная с классического парламентского режима». Однако на этом аналогии между четырьмя странами и кончаются.

Транфалья считает, что было два варианта развития либеральных государств. Первый вариант: «Капиталистическая буржуазия не только совершила свою революцию, но и обеспечила себе неоспоримое руководство в стоящем у власти блоке и сумела интегрировать аристократию и — еще шире — старые классы, господствовавшие до 1848 г., в новом государстве, предоставив им роль, которая не находится в прямом противоречии с либеральной концепцией. Она (буржуазия. — Ц. К.) сумела расширить свою базу, чего требует экономический и научный прогресс и вхождение народных масс в государственную жизнь, и постаралась создать для этого механизмы, в какой-то мере поддающиеся регулированию (важным, хотя и не стабильным элементом является союз между промышленниками и организованными рабочими), хотя и приводящие иногда к значительным травмам».

Второй вариант: «Там, где не было полной победы буржуазии и союз между двумя силами (буржуазии и аристократии. — Ц. К.) являлся вооруженным миром, процесс, открытый индустриализацией и связанными с ней феноменами, в меньшей степени поддается контролю и может привести, в более или менее отдаленной перспективе, после более или менее серьезных конвульсий, к удавшейся попытке реванша и возвращению к власти более отсталого крыла коалиции, которое пользуется для проведения этой операции мелкобуржуазными массами: свою гегемонию над этими массами ему удастся осуществить благодаря как слабости буржуазии, так и ошибкам партий, выражающих интересы рабочего и крестьянского движения. Подобный реванш надо всегда понимать как нечто относительное: он не останавливает ни восхождения буржуазии, ни процесса индустриализации и рационализации, но придает этому процессу иной ритм, открывает

путь наиболее откровенным экспансионистским и милитаристским тенденциям»^[128]. К Италии, по убеждению автора книги «От либерального государства к фашистскому режиму», применим второй вариант.

Грамши в «Тюремных тетрадах», анализируя под различными углами зрения государство, возникшее в результате движения Рисорджименто, возражает против того, что он называет «тривиальностью». С одной стороны, Грамши считает, что нельзя преувеличивать значение вклада, внесенного в движение Рисорджименто народными массами. С другой стороны, он пишет о «незрелости и убожестве» правящих классов. Историческая функция образованных классов состояла в том, чтобы «руководить народными массами и способствовать развитию в них прогрессивных элементов». Однако они не достигли поставленных целей: «Они говорили, что стремятся создать в Италии современное государство, а создали нечто ублюдочное; они стремились создать обширный и энергичный правящий слой и не смогли; они хотели включить народ в панораму государства, и это им не удалось. Следствием этой неспособности явилась скудость политической жизни от 70-х годов до XX в., элементарность и местный характер народных волнений, мизерность скептического и трусливого правящего слоя»^[129].

Это одно из самых резких суждений Грамши о либеральном итальянском государстве, можно привести и другие, когда Грамши дает положительные оценки некоторым деятелям и мероприятиям. Но Грамши четко представлял, чем должен быть парламентский режим в классическом смысле: он должен быть комбинацией силы и *consenso*. С этой точки зрения «джолиттианская эра» была самым лучшим и эффективным выражением и претворением в жизнь принципов либерального парламентского режима. Азор Роза пишет, что Джолитти «по существу понял, что переход от земледельческой к индустриальной основе страны был для Италии совершенно обязательным условием любого гражданского, социального и политического прогресса. Он понял также, что такой переход оказался бы невозможным без осуществления блока всех действовавших в то время «прогрессивных» политических и социальных сил, без установления прямых взаимоотношений между правительством и организованным рабочим движением (Социалистической партией), а также между предпринимательскими слоями и профессиональными организациями трудящихся. Он был свидетелем того, что существует сектор промышленной буржуазии, отныне свободный от старых центров земельных собственников, бюрократической и паразитарной буржуазии, — сектор, желающий считаться с социальной и политической реальностью страны»^[130].

Почти все итальянские историки, разумеется с разницей в оттенках, придерживаются примерно такой же точки зрения. Есть исключения, есть исследователи, отказывающиеся Джолитти в его редкостном политическом таланте и настаивающие в первую очередь на его «цинизме». Отрицать этот цинизм трудно, но сводить все к нему тоже неверно. В итальянской историографии есть традиционная точка зрения, согласно которой конец «джолиттианской эры» датируется 1914 г., когда произошли массовые забастовки и антиправительственные выступления, вошедшие в историю под названием «Красная неделя»; В 1978 г. молодой исследователь Адольфо Пепе в книге «Классовая борьба и

индустриальный кризис в Италии» решительно оспаривает этот тезис. Он считает, что переходным надо считать не 1914, а 1913 г. Подзаголовок книги так и гласит: «Поворот 1913 года». К этому моменту Пепе относит конец одной исторической эпохи и начало другой.

Отправным пунктом в исследовании Пепе является Ливийская война. Здесь уместно вспомнить слова Транфальи о «реванше», который может стремиться взять наиболее реакционная часть групп, входящих в коалицию. Транфалья в этой связи точно писал об откровенных экспансионистских и милитаристских тенденциях. Вернемся к рассказу об итальянских националистах. Мы остановились на флорентийском съезде Националистической ассоциации 1910 г. Второй съезд произошел в Риме в декабре 1912 г. К тому времени Ливийская война была уже закончена и, как сказано выше, националисты использовали свой шанс. Однако на римском съезде выяснилось, что между различными националистическими группировками есть серьезные расхождения.

На съезде в Риме были предложены три политические резолюции, соответствующие трем направлениям. Первую предложила джунта (исполнительный комитет) Итальянской националистической ассоциации, избранная во Флоренции. Резолюция подтверждала «решительную оппозицию по отношению к Социалистической партии и на отношении к клерикальной партии». Кроме того, подтверждалось намерение «с такой же энергией и такой же свободой действий бороться против политики демократов и консерваторов, если эта политика будет пренебрегать жертвами и высшими интересами Италии». Второй проект резолюции предложил Паоло Аркари, принадлежавший к так называемому демократическому крылу движения. (В свое время Аркари вместе с Филиппо Медой входил в миланскую группу, сплотившуюся вокруг дона Альбертарио, что отчасти объясняет его взгляды.) Начав с утверждения, что целью всей деятельности националистов является пробудить в народе сознание высшего долга, Аркари в своем проекте резолюции заявлял, что политическая демократия, на которой основано современное государство, остается необходимым условием для коллективного обсуждения интересов страны и защиты этих интересов. В резолюции Аркари указывалось также, что классовые организации законны и полезны, ибо они способствуют формированию политического и национального самосознания народа, что отвечает высшим интересам государства. Национализм, согласно Аркари, должен бороться «против современных демократических партий потому, что они не способны организовать и осуществлять политическую и социальную демократию в высших интересах государства». Но наряду с этим националисты должны отмежеваться от консерваторов, «потому что те боятся воображаемых катастроф, или опускаются до недостойных соглашений, или замыкаются в убогой и эгоистической защите узких интересов патроната»⁽¹³¹⁾. Третий проект резолюции предложила группа редакторов «Идеа национале». В этой резолюции начисто отвергалась возможность каких бы то ни было соглашений. Задача итальянских националистов, говорилось в резолюции, состоит в том, чтобы находиться в решительной оппозиции ко всем «демократическим и социальным партиям», нарушающим суверенные права

государства, — права, примат которых был провозглашен «всеми великими политиками от Камилло Кавура до Франческо Криспи». Эта резолюция собрала большинство голосов. Аркари и группа его единомышленников вышли из Националистической ассоциации, мотивировав это антидемократическим характером всей деятельности и пропаганды «Идеа национале». Если до римского съезда существовала некоторая неясность в идеологии национализма, то теперь она исчезла. Те, кто одержал верх в борьбе идей внутри националистического движения, хотели создать сильную и откровенно антидемократическую организацию. Они видели главного врага, разлагающего государство, не только в социализме, но и в либеральной демократии, а идея «сильного этического государства» уже тогда была важнейшим компонентом их идеологии. По существу, в тот момент их целью было взорвать режим, который исторически сложился в форме «социалистической монархии» Джолитти.

Предложенный Джолитти проект избирательной реформы был утвержден парламентом в июне 1912 г. О масштабах реформы дают представление некоторые основные данные. Отныне право голоса имели все без исключения мужчины, достигшие 30 лет. А те, кто прошел военную службу, могли голосовать уже в 21 год. Были отменены ценз грамотности и имущественный ценз. Следовательно, к урнам впервые должны были прийти крестьяне, преимущественно из центральных и южных районов страны.

Избирательная реформа была важнейшим достижением «либеральной эры» и большой личной заслугой Джолитти. Он, несомненно, осуществлял линию, отвечавшую его либеральной доктрине и его личным убеждениям, что, впрочем, не мешало ему быть совершенно неразборчивым в средствах. В периоды, когда парламентское большинство было ему обеспечено, Джолитти ловко манипулировал этим большинством. В принципе он относился к роли парламента с должным уважением, но практически отлично играл на человеческих слабостях и пристрастиях депутатов, на весьма мелких интересах. Он знал толк не только в «вещах», но и в «вещицах», поскольку, чего мы никогда не забываем «не был наивным».

Лично Джолитти был человеком неподкупным, но самым беззастенчивым образом прибегал к коррупции. Он подкупал депутатов, подкупал газеты. Несмотря на все официальные опровержения, было известно, что некоторые газеты регулярно получали «субсидии». Бывали факты настолько скандальные (особенно в период «долгого министерства Джолитти»), что многие друзья рвали с ним политические и личные отношения, а некоторые становились его активными врагами. Во время выборов, особенно на Юге, Джолитти прибегал к услугам так называемых *mazzieri*. Когда-то это означало «булавоносец», но применительно к Джованни Джолитти означало запугивание и шантаж. Его обвиняли также в том, что он использовал мафию. Газтано Сальвемини так ненавидел Джолитти, что назвал его министром della *malavita*, т. е. подонков общества, уголовных элементов.

После избирательной реформы 1912 г. стала очевидной необходимость договориться с католиками гораздо определеннее, нежели это было в 1904 г., когда им разрешили

«поступать согласно своей совести»; До реформы голоса католиков не могли играть той чуть ли не решающей роли, на которую надеялась либеральная буржуазия, мгновенно позабывшая о своем «традиционном антиклерикализме», когда ее напугал размах забастовочного движения. Но после реформы необходимо было найти новую «политическую формулу», чтобы обеспечить нужный умеренный состав палаты. Джолитти хотел сотрудничества с католиками, которые располагали широкой сетью массовых организаций, но в то же время не хотел платить за это сотрудничество слишком высокую цену. Габриэле Де Роза пишет: «Если бы католики на выборах 1913 г. прибегли к своей старой практике абсентеизма, это означало бы крах не только Джолитти, но и самого либерального государства. Но такая перспектива не могла возникнуть, настолько она казалась абсурдной, не говоря уж о том, что Джолитти вряд ли пошел бы на установление всеобщего избирательного права, если бы не эволюция католического движения, которая шла в сторону конституционализма и подбадривала его». Со своей стороны папа Пий X должен был — логически — уступить и согласиться с созданием общенационального политического центра, который мог бы направлять и контролировать массы избирателей-католиков. Конечно, государство теперь относилось к церкви куда более терпимо, нежели при Депретисе или Криспи, но все же во взаимоотношениях были «деликатные моменты».

В свою очередь Филиппо Меда преследовал далеко идущие политические цели. В эти годы он мечтал о создании автономной католической партии, которая заменила бы либералов в управлении государством. Но, поскольку это наталкивалось на упорное сопротивление Ватикана, Меда вел себя как и подобает центристу, проявляя незаурядный такт и ум. Практически ему приходилось поддерживать всякие комбинации, не всегда вполне чистоплотные, но Меда не был чрезмерным моралистом. В июле 1909 г. президентом Итальянского католического избирательного союза был назначен граф Винченцо Отторино Джентилони, адвокат, человек очень энергичный и прекрасный организатор. Он принадлежал к умеренным католикам. «Это течение требовало от организованных католиков вести борьбу, чтобы приостановить продвижение социалистов, радикалов и вообще всех мирян, принадлежащих к Крайнейлевой и к Либеральнойлевой. Но в то же время, поскольку папский запрет на создание католической партии оставался в силе, предвыборная деятельность католиков, по существу, сводилась к тому, чтобы поддерживать Джолитти и, насколько возможно, обуславливать его политику в клерикально-умеренном смысле»^[132]. Собственно, это наметилось уже во время выборов 1904 и 1909 гг., но в 1913 г. все приобрело иные масштабы, и католики не хотели упустить «возможность самоутверждения».

Мы уже говорили, что в Бергамо создалась группа католических деятелей, которые начиная с 1904 г. вырабатывали и старались осуществлять определенную линию на выборах. Они понимали, что после избирательной реформы надо найти какие-то новые формы сотрудничества с Джолитти и разрабатывали свои планы в обстановке полной секретности. Но в августе 1912 г. туринская «Гадзетта дель пополо» опубликовала интервью с каким-то

деятелем из Бергамо, не пожелавшим сообщить свое имя. Из интервью следовало, что готовятся какие-то сомнительные комбинации. Де Роза приводит много документов, связанных с этой историей. Очень интересны письма, которые один из руководителей бергамасских католиков, Джованни Мария Лонджинетти, умный и осторожный человек, работавший над подготовкой неофициального пакта, посылал Филиппо Меде, который видимо, тоже активно участвовал в выработке условий. Сразу после появления злосчастного интервью Лонджинетти послал вырезку из газеты графу Джентилони, заклиная его «делать и молчать». Поскольку интервью вызвало отклики, Лонджинетти посылает Джентилони еще одну вырезку, повторяя свои предостережения. Наконец (Лонджинетти сообщает об этом Меде) граф как будто внял его мольбам, прислав записку: «Договорились. Наш пароль — сопеть. Живи спокойно»⁽¹³³⁾.

Смысл операции заключался в том, что каждый кандидат в депутаты, согласившийся принять поддержку католиков, обязан либо в частном порядке дать заверения, либо внести в свою предвыборную декларацию семь пунктов, которых требовали условия пакта. Ничего особенного в этих пунктах не было: точное соблюдение конституционных норм, свобода религиозного воспитания детей, недопустимость разводов, довольно расплывчатые обещания способствовать социальному прогрессу и т. д. Важен был сам факт договоренности. Де Роза очень саркастичен. Было совершенно невозможно, пишет он, чтобы все, начиная с самого Джентилони, согласились «молчать и сопеть», в то время как был громадный соблазн рассказывать направо и налево, что такой-то кандидат, будь он либерал или консерватор... и т. д. Через две недели после опубликования интервью, сам Джентилони в том же Бергамо заявил публично, что многие депутаты, избранные в 1909 г. «благодаря поддержке католиков, разочаровали избирателей своим поведением в парламенте». Теперь, однако, ничего подобного не будет, так как католики потребуют предварительных гарантий. Джентилони популярно объяснил, какой силой являются католики, обладающие столь мощной организацией. Добавим, что и другие католические деятели вели себя крайне вызывающе. «Семь пунктов» были изложены в циркуляре, который Джентилони разослал всем периферийным организациям Католического избирательного союза с пометкой «конфиденциально». Однако, поскольку он сам принял позу спасителя отечества, не приходится удивляться тому, что началась серия скандалов. Во время предвыборной кампании социалистическая печать и многие либеральные газеты резко критиковали соглашения между кандидатами, угодными правительству, и католиками. 25 октября Альбертини писал в «Коррьере делла сера»: «Правительство пользуется Ватиканом, чтобы спасти своих кандидатов и чтобы давать волю своей ненависти. Ватикан не проявляет особой разборчивости в отношении прошлого этих министерских кандидатов»⁽¹³⁴⁾.

На выборах 1913 г. примерно треть депутатов обновилась. Социалисты (включая независимых) получили 79 мест против 41. Радикалы получили 73 места, две соперничающие группы республиканцев — 17. Эстрема в целом имела в новом парламенте 169 мест. Остальные 804 депутата были либералами различного толка, но в большинстве

поддерживали Джолитти. 6 ноября «Оссерваторе романо» признал, что «228 кандидатов получили голоса, поданные католиками». И добавил: «Очень возможно, что без этой поддержки бунтовщические партии получили бы гораздо больше мест».

Однако самый крупный скандал разыгрался не из-за заметки в «Оссерваторе романо», а из-за интервью с Джентилони, помещенного 8 ноября в римской газете «Джорнале д'Италия». Граф повторил ту же цифру — «228 депутатов», но привел такие подробности, что это произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Интервью вызвало гнев и возмущение. «Коррьере делла сера» заявила, что наконец-то все ясно: Джолитти — не более чем пигмей, зато граф Джентилони — гигант. В этом же духе высказались многие антиджолиттианские газеты. Социалистическая печать была еще резче. Высокомерный тон Джентилони придал всей истории новую остроту. Вообще было бы неверным представлять себе взаимоотношения правительственных кругов и Католического избирательного союза как некую идиллию. Порой возникали непредвиденные обстоятельства, например на Сицилии, где часто в игру вступала мафия и далеко не всегда так, как хотелось бы правительству. Позиция мафии была обычно непредсказуема: иногда правительственные кандидаты при ее помощи проходили, иногда она их проваливала. Очень многое зависело от личных моментов. А в общем благодаря пакту Джентилони, а также его личной энергии католики действительно оказали большое влияние на исход выборов. Но «над вновь избранным парламентом нависла тень, подозрение в неискренности, в искусственности. Значительной части умеренных удалось добиться избрания благодаря жалкой спекуляции голосами: они подчистили свои программы, если вообще не отказывались от традиционных убеждений... В результате выборов родилось парламентское большинство, но главные действующие лица не фигурировали в избирательных списках, не вели себя как открыто выступающая партия. Именно этому парламенту предстояло в недалеком будущем оказаться лицом к лицу с самой большой драмой В итальянской политической истории от момента воссоединения — со вступлением в первую мировую войну»⁽¹³⁵⁾.

После Ливийской войны раскол среди итальянских правящих классов все более усиливался и оппозиция «системе Джолитти» возрастала. Мы уже говорили, что Ливийская война и избирательная реформа были взаимосвязанными частями правительственной программы Джолитти, хотя реформу провозгласили открыто, а о войне пока старались молчать. Кароччи пишет, что ди Сан Джулиано, один из выдающихся сотрудников Джолитти, находился под влиянием Соннино, который «толкал его на объявление войны и обещал в этом случае поддержку своей группы в парламенте». Ко всему сказанному выше о Ливийской войне добавим, что сам Джолитти почти открыто признавал, что с экономической точки зрения она, возможно, была ошибкой, но с дипломатической — фактически неизбежной. «В конечном счете поведение Джолитти, который осуществил эту войну без всякого влечения к ней, но все же осуществил, было, если, конечно, стать на точку зрения правящего класса, менее ошибочным»⁽¹³⁶⁾.

Попробуем взглянуть на создавшееся в стране после войны и выборов положение с точки зрения правящего класса. Война не принесла желаемых экономических результатов.

Классовые противоречия в стране отнюдь не уменьшились, напротив: «Государство, несмотря на все искусство Джолитти и на применяемые им во время пребывания у власти репрессии, не смогло смягчить социальную напряженность. Классовые конфликты становились все более острыми, не поддавались контролю и исключали возможность какой бы то ни было функции посредничества»⁽¹³⁷⁾. Обратимся к Кароччи: «После окончания войны Джолитти мог сделать выбор: затормозить устремление вправо, стимулом для которого послужила война, или затормозить устремление влево, вызванное избирательной реформой. По правде говоря, перед Джолитти, видимо, даже не вставала проблема выбора, настолько очевидна решимость, с которой он пресекал продвижение влево»⁽¹³⁸⁾.

Кароччи считает, что, поступая так, Джолитти был верен себе: он никогда не любил форсировать, торопиться («если бы он поступал так, то был бы всего лишь посредственным политиком, либо гораздо большим демократом, нежели он являлся»). Джолитти своей правительственной политикой только выражал соотношение реальных сил, тенденции, преобладавшие внутри правящего класса. Следовательно, вопрос заключается в том, какие тенденции преобладали. Адольфо Пепе, анализируя развитие итальянского капитализма в этот период, пишет, что Ливийская война была всего лишь вариацией, «количественной, но не качественной», обычной поддержки, которую государство оказывало национальной индустрии. Поскольку война не привела к желаемым результатам и создался «экономический кризис особого типа», должен был начаться новый цикл. Здесь была возможна альтернатива: либо продолжать либеральный курс, пытаясь так или иначе справиться с положением, либо избрать более консервативные решения, чем те, что предлагал Джолитти. Симптомы того, что приближался конец определенного исторического периода, были налицо. В 1912 г. «Филиппо Турати пророчески утверждал, что буржуазия вступила в новую фазу, которой предстоит длиться, быть может, на протяжении жизни целого поколения. В этой фазе буржуазия отвергает те возможности сотрудничества с рабочими, которые она принимала в предшествовавшие годы»⁽¹³⁹⁾. Таким образом, закономерно прийти к мысли, что «система Джолитти» перестала, именно с точки зрения правящего класса, быть самой подходящей формой, позволяющей сохранять гегемонию буржуазии и добиваться реальных успехов в империалистической фазе развития либерального итальянского государства.

Кароччи дает очень интересную психологическую характеристику Джолитти. Он пишет, что, когда «человек из Дронеро» в начале 90-х годов впервые пришел к власти, его ближайшие, доверенные сотрудники были и его личными друзьями. Это подтверждается, в частности, перепиской и архивными материалами. Кароччи, который курировал последний том архивов Джолитти, датировал 1904 г. начало того, что он называет «одинокостью Джолитти». Мне представляется важным один факт, о котором Кароччи написал четыре слова: «Трагически умер министр Розано». Адвокат неаполитанец Пьетро Розано был одним из самых старых и близких друзей Джолитти, входил в состав его первого министерства. Когда Джолитти в ноябре 1903 г., после ухода Дзанарделли, сформировал кабинет, он назначил Розано министром финансов. Это вызвало резкие возражения. В

архиве Джолитти есть множество документов, среди них письмо Биссолати и того самого Карло Ромусси, директора газеты «Секоло» («Век»), через которого Джолитти в свое время уговаривал Турати войти в правительство.

Биссолати и Ромусси писали, что включение Розано в правительство недопустимо. Оба письма датированы 29 октября 1903 г., когда министерство еще только формировалось. Против Розано выдвигаются возражения морального порядка: будто бы во время репрессий Криспи он добился освобождения из ссылки некоего Бергамаско, получив за это гонорар не как адвокат, а как влиятельный парламентарий. Биссолати писал: «Дорогой Джолитти, вы знаете, как я хочу, чтобы ваша попытка сформировать демократическое, реформаторское правительство увенчалась успехом. Поэтому позволяю себе предупредить вас, что вы можете тотчас оказаться в трудном положении, если в кабинет войдут, как говорят, Розано и Патерно»^{[20][140]}. Биссолати предупреждал, что «моральный престиж правительства и лично Джолитти» сильно пострадает.

Ромусси 6 ноября в новом письме к Джолитти, анализируя поведение Розано в деле Бергамаско, замечал: конечно, легко возразить, что Розано действовал как адвокат. Но «для того, чтобы защищать, надо самому быть честным». И дальше: скептики могут сказать, что при такой точке зрения легко можно умереть бедняком, но такая позиция дает право называть бесчестными людей, подобных Розано. Кроме того, «люди, безнравственные в своей профессиональной деятельности, безнравственны также в политической жизни». И далее: «Не является доказательством силы проявлять упрямое презрение к общественному мнению, когда оно обвиняет какого-либо человека в бестактных поступках. Нельзя противостоять осуждению, вынесенному всей страной, оскорбленной в своих нравственных чувствах. В палате начнутся скандалы и шум, это повредит достоинству парламента и принесет вред всем. Будет поднят моральный вопрос. Можем ли мы, кто вместе с Кавалотти во имя морального вопроса начал борьбу против Криспи и его подонков, допустить, чтобы этот вопрос вновь возник в другом аспекте? Было бы опасным для демократии допустить, чтобы разные Ферри выступали отныне как единственные защитники морали в Италии. Вы, наверное, прочли статью Турати в «Критике» («Критика социале». — *Ц. К.*): он тоже объявляет вам бой»^[141].

В телеграмме на имя короля от 9 ноября 1903 г. Джолитти сообщает, что «министр финансов Розано этой ночью застрелился из револьвера». В архиве хранится предсмертная записка Розано, в своих воспоминаниях Джолитти тоже воспроизводит ее. Розано утверждает, что он ни в чем не виноват, держался пока мог, но больше не в силах: «Сдаюсь и умираю с твоим именем в сердце, полный благодарности и глубокой привязанности к тебе». В постскрипуме к записке Розано пишет: «Передашь ли ты от меня привет всем коллегам?...» Но в мемуарах Джолитти опускает вопросительный знак и меняется смысл, получается «Передай привет...». Джолитти будто хочет снять даже тень сомнений насчет Розано. Он пишет, что его друг Розано был абсолютно порядочным, но легко ранимым человеком, что самоубийство произвело потрясающее впечатление в парламенте и в стране, что многие называли это убийством. Мы, конечно, сейчас не можем с уверенностью судить

об этой истории. Представляется только вероятным, что смерть Розано усилила пессимизм Джолитти. Это 9 ноября 1903 г. Кароччи датирует начало одиночества Джолитти 1904 г. Психологически рисунок кажется верным.

Когда-то Джолитти прислушивался к мнению коллег и товарищей, реагировал на получаемые сигналы, проявлял гибкость и чуткость. В период «социалистической монархии» многое изменилось, изменился *стиль* Джолитти. Конечно, он понимал ценность дружбы, но власть отделяла его от других. Он всегда умел находить превосходных исполнителей, «техников», он предоставлял министерские посты компетентным и опытным специалистам, по все они работали под его непосредственным руководством. В какой-то мере иначе сложились отношения с «просвещенным консерватором» ди Сан Джулиано, но тот сам был яркой личностью, со своими взглядами и амбициями. И вообще исключения лишь подтверждают правило. Когда-то сотрудники были друзьями, теперь они стали прежде всего подчиненными. Позднее, в 1921 г., анализируя «эру Джолитти», историк-либерал Луиджи Сальваторелли писал, что вся «система Джолитти» была основана на личности и на деятельности одного человека. С его уходом с политической сцены система неминуемо должна была распасться.

Период «социалистической монархии» кончился 10 марта 1914 г., когда Джолитти и его правительство ушли в отставку. Изменилось время, возможности джолиттианской системы оказались исчерпанными. Антонио Грамши, анализируя причины создавшегося положения, называет два, по его мнению, главных фактора. Первый фактор — «утверждение в социалистической партии «непримиримых» во главе с Муссолини и их кокетничанье с меридионалистами». Второй фактор — «введение всеобщего голосования, которое неслыханно увеличило парламентскую базу Юга и сделало трудной индивидуальную коррупцию»^[142].

После избрания парламента нового созыва произошли некоторые перемены, которые способствовали уходу Джолитти с политической авансцены. Подготавливая текст речи, которую король произнес 27 ноября 1913 г. при открытии парламента нового созыва, Джолитти, чтобы немного смягчить атмосферу, включил в этот текст такой пассаж: «В Италии особо важны взаимоотношения между церковью и государством, мудро определенные нашими законами на основе самой большой религиозной свободы, которая, однако, никогда не должна приводить к вмешательству церкви в функции государства, поскольку государство, являющееся единственным представителем всего сообщества своих граждан, не может допустить никакого ограничения своего суверенитета»^[143].

Еще до открытия сессии, сразу после опубликования интервью графа Джентилони, о котором мы уже говорили, некоторые либеральные газеты поместили списки депутатов, избранных с помощью голосов католиков. Однако 150 из 228 значившихся в списках лиц прислали опровержения. Поскольку «Оссерваторе романо» 9 ноября назвал заявления Джентилони «неуместными», он в полемику с авторами опровержений не вступил. Когда же после королевской речи в парламенте начались прения по вопросам общей политики, положение создалось острое. Впервые избранный депутат социалист Франко Раймондо

произнес речь, в которой привел точные данные о различных злоупотреблениях, которые происходили во многих избирательных округах на Юге: нажиме властей, соглашениях с католиками в поддержку правительственных кандидатов. Раймондо заявил, что эти соглашения представляют большую опасность для свободы, так как клерикалы рано или поздно потребуют обещанной компенсации. Тут его перебил Джолитти, воскликнувший: «Им долго придется ждать этой компенсации!» — и добавивший, что те, кто заключил соглашения с католиками, «не настоящие либералы». (Напомним, что никаких формальных соглашений не было, формально правительство было ни при чем.)

Интересную речь произнес Артуро Лабриола, который заявил, что отныне больше нет «джолиттианской ситуации» и, следовательно, Джолитти может уйти. Проанализировав новую обстановку в парламенте, Лабриола отметил наличие трех главных сил: националистической группы, «независимых, или реформистских меридионалистов», и революционного социализма. «Десять лет тому назад, — сказал Лабриола, — всем казалось, что Вы, достопочтенный Джолитти, заложили основу вечного министерства. Личные милости, политический компромисс, соглашения между партиями, большая снисходительность в суждениях о разных административных делах, симпатия социалистов — казалось, все это, достопочтенный Джолитти, дало вашему правительству несокрушимую базу». Затем Лабриола перечислил объективные факторы, способствовавшие успеху правления Джолитти, в частности благоприятную экономическую конъюнктуру. Но сейчас все выглядит иначе, экономическая конъюнктура изменилась: выросла безработица, в промышленности — застой, налицо кризис, который из страны перешел в парламент.

Большинство, идеальное джолиттианское большинство, уже умерло». Затем Лабриола заявил, что национализм является новой большой силой, и добавил: «Национализм и империализм являются двумя различными понятиями, но оба эти феномена связаны с новыми потребностями капитализма»⁽¹⁴⁴⁾. (В предыдущей книге мы много говорили об эволюции взглядов Артуро Лабриолы, о его «параболе», которая закономерно привела его к поддержке вступления Италии в первую мировую войну. Напомним также, что фашизма Артуро Лабриола не в 1926 г. он эмигрировал, за границей выступал в антифашистской прессе.)

В ответ выступил впервые избранный депутат Луиджи Федерцони, представитель крайне правой группы. Он провел грань между понятиями «национализм» и «империализм». Он определил национализм как преимущественно идеалистическую доктрину, как «маленький авангард» либеральной партии, который надеется, что сможет непосредственно выражать чаяния и чувства народа. Соннино резко критиковал правительство справа, а потом заявил, что будет голосовать за доверие, но не столько за доверие к Джолитти, сколько «за доверие к Ливийской войне и к миссии Италии в районе Средиземного моря».

На этом же заседании парламента выступил также Антонио Саландра, который говорил о либеральных традициях, подтвердил принцип светского характера государства и заявил, что либералы сохранили большинство в палате и имеют полное право продолжать

руководить страной. Джолитти в заключительном слове защищал деятельность своего правительства, подтвердил необходимость Ливийской войны, хотя и добавил, что вел ее «без энтузиазма», и повторил то место в королевской речи где говорилось о светском характере государства. Он опять сказал, что люди, участвовавшие в операциях с пактом Джентилони, «не настоящие либералы». 18 декабря 1913 г. правительство получило вотум доверия: 362 человека — за, 90 — против, 13 — воздержалось. Социалисты и почти вся Эстрема голосовали против доверия кабинету Джолитти.

Для Джолитти создалось трудное положение. Дело даже не только в том, что оппозиция была значительной. Важно было другое: парламентское большинство было слишком разнородным и даже такой опытный политик, как Джолитти, столкнулся с очень неприятными ситуациями. Конгресс радикальной партии, проведенный в Риме 31 января — 2 февраля 1914 г., подавляющим большинством голосов решил перейти в оппозицию. В первый момент после конгресса некоторые министры-радикалы, несмотря на это решение, остались в правительстве. Вскоре Джолитти внес на рассмотрение парламента законопроект, провозглашавший преимущества гражданского брака перед религиозным. Тем самым Джолитти хотел подтвердить светский характер государства, но парламент отреагировал недоверчиво и враждебно: было подано 187 голосов — за, 201 — против. Между 10 февраля и 7 марта происходили большие дискуссии, связанные с финансовыми проблемами, и Соннино поднял вопрос о суммах, израсходованных на Ливийскую войну. Подавляющее большинство депутатов было за поддержку правительства, но как раз в тот момент министры-радикалы решили выйти из его состава (некоторые историки думают, что это было сделано не без одобрения Джолитти или во всяком случае не против его желания). Это дало «человеку из Дронеро» повод 10 марта представить королю заявление об отставке кабинета, не поставив предварительно на голосование вопрос о доверии правительству. Король принял отставку. Возможно, Джолитти думал, что все это ненадолго и он опять вернется к власти, но все сложилось иначе.

Джолитти в своих мемуарах писал, что результаты выборов показали неправоту тех консерваторов, которые, не осмеливаясь открыто выступать против избирательной реформы, втайне ее саботировали. Как будто ничего чрезвычайного не произошло. Социалисты выиграли много мест, но все же были в меньшинстве. Католики имели успех, особенно в деревнях, но в общем, несмотря на значительное обновление состава парламента, он сохранял свой прежний характер и правительству было обеспечено большинство. Однако «каждый новый парламент испытывает потребность, иногда полезную, провоцировать кризис. На этот раз толчок к кризису дали радикалы. Уход радикалов из большинства, поставивший «левую» коалицию в такие условия, что она не могла более осуществлять управление страной, логически приводил к тому, чтобы власть перешла к правым. Группа, которая на протяжении стольких лет преданно считала своим лидером Соннино, распалась после Ливийской войны, поскольку исчезли причины, объединявшие ее; каждый из этой группы получил полную свободу действий. Вследствие

этого самым подходящим кандидатом оказался Саландра, и, действительно, его имя назвали королем и большинство лиц, с которыми проводились консультации»⁽¹⁴⁵⁾.

Это место в мемуарах вполне соответствует характеру и стилю «человека из Дронеро»: ни одного лишнего слова, никакого — даже отдаленного — намека на выражение чувств, на риторику, никакой попытки подвести итоги своей собственной долголетней политической и государственной деятельности. Все сухо, лаконично, как-то отстраненно, словно бы речь идет не о конце очень важного периода в личной судьбе Джованни Джолитти и в истории итальянского либерального государства. Мужество у этого человека было, было и большое чувство собственного достоинства. Несмотря на уход от власти, имя Джолитти оставалось символом для друзей и для врагов.

ИДЕОЛОГИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В начале эры «социалистической монархии» значительная часть образованного итальянского общества независимо от того, были ли эти люди позитивистами или, например, неогегельянцами, верила в ценности либерализма как политической философии и в парламентскую систему. Но мы говорили уже о том, что постепенно происходил процесс коррозии, подтачивавший основы «системы Джолитти». Мне кажется, не будет преувеличением сказать, что сам Джолитти, со свойственным ему прагматизмом отстаивая примат реалистической политики и искусно балансируя между «левыми» и правыми, отчасти невольно способствовал возникновению в годы его правления феномена неотрансформизма. Он владел высшим искусством маневрирования, осуществлял самые смелые политические и парламентские комбинации, и то, что называли «цинизмом Джолитти», не выдумка и не преувеличение.

«Система Коррьере», в чем-то, быть может, менее эластичная, нежели «система Джолитти», могла противостоять системе «человека из Дронеро» прежде всего потому, что Луиджи Альбертини действительно был моралистом (в одной итальянской газете в 1979 г. писали, что Альбертини и дон Стурцо были «последними моралистами» в этой стране). Попытаемся дать синтез «системы Коррьере». Государство является высшей ценностью, антисоциализм не подлежит пересмотру, антиклерикализм — тоже, поскольку либеральное государство было создано в борьбе с церковью. Основа внешней политики — англофильство, внутренней — громадное значение, придаваемое южному вопросу. Что до экономики, то «Коррьере», как мы уже писали, выступал то в защиту либеризма, то в защиту протекционизма — это отражало сложную борьбу интересов. Отношение Альбертини к Ливийской войне сначала было отрицательным, но потом он «поддался риторике» и позже это признал.

Главные обвинения против Джолитти заключались в том, что он «циник и прагматик», пренебрегающий «священными ценностями Рисорджименто». Надо сказать, что «великие

традиции» как таковые никто не ставил под сомнение. Спор шел о том, кто их лучше истолковывает и осуществляет. Из-за этого однажды в парламенте произошла словесная дуэль между Джолитти и Саландрой, потому что Саландра претендовал на то, что именно он является «духовным сыном» Куинтино Селлы, одного из немногих политических деятелей, кого чтит и «человек из Дронеро».

Мы говорили уже, что Альбертини и Моска «были созданы друг для друга». По своему духовному складу оба были аристократами и доктринерами. Может быть, Альбертини был большим моралистом, а морализм часто предполагает некую склонность к утопии. Что до Моски, он утопий не признавал. Риторика не терпела оба. Альбертини и Моска были меридионалистами, так же как и Луиджи Эйнауди, и Соннино, и директор «Джорнале д'Италия» Бергамини. Однако, как известно, меридионалистами были люди совершенно различной политической ориентации. Возьмем для примера Моску и Эйнауди.

Моска был впервые избран в парламент в 1909 г. и резко возражал против проекта избирательной реформы, предложенной Джолитти. Ему этот проект представлялся «утопическим». В мемуарах Джолитти писал, что парламентская речь Моски была единственной, в которой содержались «аргументы, логические с консервативной точки зрения». Моска спорил и «со своим личным другом Гаэтано Сальвемини», который на протяжении нескольких лет боролся за введение в Италии всеобщего избирательного права, в частности защищая интересы крестьянского населения Юга. Моска же утверждал, что нелепо предоставлять право голоса неграмотным людям: крестьяне не смогут избавиться от своего «разнузданного индивидуализма» и не сумеют понять, что такое объективные законы развития и что такое право лишь потому, что они «вдруг станут избирателями». Анализируя положение Юга, Моска говорил, что политикой там занимаются преимущественно представители мелкобуржуазной интеллигенции: «адвокаты, не ведущие дел в суде; врачи, не имеющие клиентов, и в особенности студенты, за неспособность изгнанные из университетов». Именно люди такого типа руководили бы проведением местных и парламентских выборов на Юге и использовали бы их в своих личных интересах. Моска добавил (это признал и Сальвемини): «Этикетки клерикалов, антиклерикалов, и даже самых непримиримых социалистов обычно наклеиваются в маленьких центрах Юга на один и тот же товар. Везде одно и то же желание заполучить небольшой пост или, может быть, стать муниципальным ассессором или провинциальным советником». Моска также заявил, что до тех пор, пока общие экономические и социальные условия радикально не изменятся, всеобщие выборы будут лишь средством для профессиональных политиков делать карьеру⁽¹⁴⁶⁾.

Что касается Луиджи Эйнауди, который был не менее крупной фигурой, чем Моска (Моску больше интересовали политические проблемы, а Эйнауди — экономические), он до конца жизни сохранял верность своим либеральным убеждениям. Как и Сальвемини, он тяготел к конкретному. И сейчас мне хочется сослаться на одну важную работу Эйнауди, написанную много десятилетий спустя, после того как все стало прошлым: «социалистическая монархия», первая мировая война, фашизм, вторая мировая война, крах фашизма,

семилетнее пребывание самого Эйнауди на посту президента Итальянской республики. Вернувшись после всего пережитого к публицистической деятельности, Эйнауди, точно подводя итоги, вновь обратился к проблематике своей молодости. Он написал статью «Элементарный разговор о сходствах и о различиях между либерализмом и социализмом». Статья начинается заявлением, звучащим одновременно программно и саркастически по отношению к оппонентам. Все разговоры о слияниях, соглашениях или разногласиях не имеют смысла, если они не основаны на «отчетливой идее». «Однако нелегко открыть идею или идеи, которые разделяют или объединяют людей, потому что слова, к которым обычно прибегают, недостаточно ясны и понятны и отличаются преимущественно своей бессодержательностью. Эта бессодержательность, возможно, является причиной их успеха, так как возникает законное подозрение, что эти слова выбраны или сознательно, или непреднамеренно именно потому, что их можно применять к любому действию, которое пожелает совершить политик, когда он завоеует власть»⁽¹⁴⁷⁾.

И Эйнауди, и Моску, и Парето, и многих других в свое время интересовала структура власти и то, как — конкретно — она применяется и какие результаты дает. Это вопросы стратегии и тактики, и не надо забывать, что все эти крупные ученые принадлежали к среде буржуазии и буржуазной интеллигенции, так же как и «человек из Дронеро», и что поэтому объективно их классовые интересы сходились. Однако это не уменьшало ни важности вопроса, ни возможности споров о том, *как должен вести себя правящий класс*. Именно поэтому так интересны работы Луиджи Эйнауди, написанные после всего пережитого. В статье, которую я выбрала как одну из важнейших, автор никогда не употребляет определений вроде Историческая Правая и т. п. Он говорит о прошлом иными словами. Эйнауди считает неправильным противопоставление понятий «консерватизм и реакционность, с одной стороны, и прогрессизм — с другой», так как этим понятиям невозможно дать однозначное истолкование. «В прошлом в Италии называли консерваторами некоторых государственных деятелей, которые изгнали иностранцев, уничтожили тысячелетние королевства, изменили политические режимы, обновили налоговую систему, применяли должные законы к церковной собственности. А некоторые другие сами себя провозглашали прогрессистами. Это те, кто боролся за установление «прогрессивной» демократии, которая отрицала чередование между различными политическими партиями во имя своего собственного господства, осуществляемого от лица пролетариата, чей приход (к власти. — *Ц. К.*) означал бы, неизвестно почему, что никакие альтернативы больше не будут нужны, потому что возникнет совершенно новый порядок, а именно вечный социальный мир».

В статье Эйнауди много исторических реминисценций и ссылок на Руссо, Монтеня и т. д. Значение статьи в том, что ее можно считать манифестом итальянского либерализма. «Есть два принципа, — пишет Эйнауди, — противопоставляемые один другому при обсуждении любых политических, социальных, материальных или спиритуалистических проблем. Это идея свободы человеческой личности и идея кооперации или солидарности и взаимозависимости людей, живущих в обществе. Люди, все люди чувствуют значение этих

двух принципов, и однажды им кажется важнее первый, в другой раз — второй». Затем — четкое противопоставление: «Либералы и социалисты сходятся в том, что чувствуют уважение к человеческой личности, или — скажем проще — к человеку. Либералы ничего не добавляют к слову «человек», и социалисты обвиняют их в том, что они защищают лишь один тип человека, а именно «буржуазного» человека. Социалисты несколько расплывчато хотят освободить другую разновидность человека, а именно «пролетария», от экономического рабства и обвиняют либералов в том, что те хотят только «формальной» и «юридической» свободы и игнорируют основную свободу, которой будто бы является «экономическая». Если хорошо вдуматься, различие между одними и другими относится не к принципу свободы, но к принципу «равенства», который является чем-то другим и должен обсуждаться сам по себе»^[148]. Принцип равенства для Эйнауди, конечно, не имел того универсального значения, что принцип свободы. И это возвращает нас к вопросу о «системе Коррьере» и, следовательно, к «эре Джолитти».

В тот момент, когда избирательная реформа, проведенная Джолитти, в большой мере отвечала либеральному принципу свободы, она предполагала в какой-то степени и осуществление принципа равенства. Конечно, оставались все экономические и социальные различия, по было налицо и желание обеспечить себе более широкое *consenso* населения. 30 апреля 1950 г. в Турине Пальмиро Тольятти выступил с «Речью о Джолитти». Изданная в том же году брошюра стала библиографической редкостью, так как собрание сочинений Тольятти еще не дошло до 1950 г. Тольятти отметил, в частности, что во времена Джолитти парламентский режим был чем-то гораздо более серьезным, нежели в 1950 г. «Джолиттианская политика, особенно начиная с 1900 г., вся построена на желании правительственного сотрудничества с партией рабочего класса и с самыми выдающимися ее представителями»^[149]. Добавим, что «моральный вопрос» продолжал играть большую роль. Напоминаю о том, как в 1903 г. Джолитти уговаривали не включать в свой кабинет скомпрометированных людей. Это отнюдь не было пустыми фразами.

В 1914 г. после ухода Джолитти в отставку по всем правилам парламентской игры и по традиции пост премьера должен был бы занять Соннино. Заявление об отставке Джолитти вручил королю 10 марта 1914 г., а 13 марта Сальвемини в статье «Между Джолитти и Соннино» предлагал сформировать правительство Соннино — Биссолати, ибо лишь такой тандем мог, по его мнению, коренным образом изменить положение. В противном случае, писал Сальвемини, «джолиттизм продержится еще лет десять». Однако Соннино, может быть помня о двух неудачных опытах своих «100 дней», решительно отказался, и, как мы знаем, сам Джолитти назвал королю имя Саландры, который и был назначен.

Антонио Саландра, ученик знаменитого ученого, деятеля Рисорджименто Франческо де Санктиса, профессор административного права Римского университета, впервые был избран в парламент в 1886 г. Он входил как заместитель министра в первый кабинет ди Рудини и в последний кабинет Криспи, а потом был министром при генерале Пеллу и дважды при Соннино. Если Сиднея Соннино «никак нельзя было превратить в хитреца», то Саландра был человеком совершенно иного типа. Итальянские исследователи расходятся в

его оценках. Он родился в чиновной и состоятельной семье, владевшей землями. Формально он был интеллектуалом (профессор права!), но Алатри называет его нуворишем, Кароччи тоже судит о нем презрительно. Если, пишет Кароччи, «Соннино был реформаторским консерватором, то Саландра был консерватором без всяких прилагательных». Ему был 61 год, он, можно сказать, дорвался до власти и намерен был крепко за нее держаться. В парламенте, с которым Саландре пришлось иметь дело, было джолиттианское большинство. Оппозиция, из-за которой Джолитти пришлось уйти, состояла из радикалов, социалистов-биссолатианцев, масонов и антиклерикалов. Внутри большинства были люди, лично не любившие Джолитти, а мы помним о роли персонального момента в итальянской политике. Надо заметить, оппозицию не слишком интересовал уровень консерватизма Саландры, «тем более что Джолитти сам научил, насколько на практике Правая и Левая взаимозаменяемы. Куда важнее было сформировать правительство, которое имело бы возможно более широкую базу, чтобы помешать считавшемуся более или менее неизбежным возвращению вселявшего страх диктатора»⁽¹⁵⁰⁾. Саландра явно не обладал культурой Соннино. Но в ловкости ему не откажешь. Первое время он старался делать вид, что находится, так сказать, под высоким покровительством Джолитти. Тот пишет в мемуарах, что Саландра советовался с ним насчет формирования кабинета, и в частности просил уговорить ди Сан Джулиано остаться на посту министра иностранных дел. По просьбе Джолитти маркиз согласился. Саландра, разумеется, включил в свое правительство правых, а также нескольких деятелей центра и левых либералов, ничем лично не обязанных Джолитти. Ни радикалов, ни католиков Саландра не пригласил. Ясно одно: Саландра был честолюбив и не хотел ограничиться ролью халифа на час. Некоторые историки думают, что, не будь первой мировой войны, Саландра так и остался бы в памяти как второстепенная фигура, но история пожелала, чтобы все сложилось иначе. Высказывается кажущееся довольно убедительным предположение, что Джолитти считал свой уход в отставку временным и намерен был повторить уже не раз удававшийся маневр. А именно: он уходит, его сменяет не очень крупный деятель (почти всегда кто-то из правых), этот деятель не справляется, через некоторое время Джолитти возвращается к власти. Он и был в свою эпоху единственным, и равных ему не было, как в свое время не было равных графу Кавуру. И все-таки он недооценил Саландру. Саландра думал о будущем и стремился создать новый политический блок, который мог бы стать альтернативой джолиттианской системе. Такой тонкий человек, как Альбертини, не мог не понимать, что Саландра не обладает ни культурой, ни высокими моральными качествами Соннино, которого так долго поддерживала «Коррьере делла сера». Но что же было делать при создавшемся положении, когда Соннино не хотел и не мог взять на себя руководящую роль? Валерио Кастроново пишет, что, стремясь взять «антиджолиттианский реванш», Альбертини в чисто тактических целях пойдет на некоторые компромиссы: его газета «примет обязательство поддержать правительство Саландры, ловкого парламентария, но человека, более склонного — вне своей амбициозной программы вновь объединить все либеральные силы для «национальной политики» — к сделкам и уступкам при

осуществлении власти, нежели к принятию важных политических решений»^[15]. По-видимому, Альбертини, понимая ограниченность Саландры, помогал ему лишь потому, что Саландру можно было использовать в борьбе «системы Коррьере» против «системы Джолитти».

Мы говорили о том, что Соннино был отчасти связан с националистами. Саландра же был тесно связан с ними, особенно с человеком, которому предстояло стать главным теоретиком и идеологом националистического движения. Это Альфредо Рокко. Как читатели помнят, II конгресс Националистической ассоциации состоялся в Риме в декабре 1914 г., после Ливийской войны. Сальваторелли писал, что первоначальное содержание национализма было эзотерическим — доступным пониманию одних лишь посвященных. Однако классовая сущность национализма, очевидная еще в период «Реньо», в период Ливийской войны стала совершенно неприкрытой. Во время и после римского съезда риторики было удивительно много и она позволяла националистам вносить в свою пропаганду тот элемент идеализма, который нужен был для проникновения в некоторые общественные круги. Мы уже говорили, что националисты объявляли войну «высоким этическим понятием».

Националистическое движение нуждалось в теоретиках, которые могли бы создать политическую доктрину, основанную на каких-то философских постулатах. Оставаться на уровне Коррадини было невозможно. Он и в 1912 г. мало отличался от того Коррадини, который первенствовал во время флорентийского съезда: тот же невысокий уровень культуры, то же понимание законов истории как «войны империй». Но вот появился человек совершенно другого интеллектуального уровня — Альфредо Рокко. В молодости профессор Рокко симпатизировал социалистам, потом стал радикалом и наконец нашел себя в национализме. В марте 1913 г. он основал в Венето первую региональную националистическую федерацию, сотрудничал в «Идеа национале». Перед рождеством 1913 г. Рокко произнес в Риме речь на тему «Отдаленные и недавние причины кризиса итальянских политических партий». В ней уже заключались основные элементы доктрины, которая в 1914 г. была изложена в брошюре Рокко «Что такое национализм и чего хотят националисты». Отныне все цели и задачи националистического движения были изложены четко. Сначала шла преамбула. Во время воссоединения Италии деятели Рисорджименто допустили величайшую ошибку: они использовали движение для того, чтобы создать демократический и либеральный режим вместо того, чтобы думать о будущем нации. Между тем именно о нем следовало думать. У Италии очень маленькая территория, а население возрастает быстро (доказательство «расовой полноценности»). Отсюда величайшее зло — вынужденная эмиграция в поисках работы. «Мы требуем для себя места под солнцем, — заявлял Рокко. — Мы требуем этого потому, что хотим справедливости, нам нужно это место после стольких лет страданий и нужды. Мы требуем его потому, что теперь наконец у нас есть достаточно сил, чтобы выдвигать требования». Италия — сильная и здоровая нация, теперь в ее истории «начинается фаза экспансии и завоеваний». Сильные и прогрессирующие нации завоевывают не свободные, «ничьи» территории, а территории, которые прежде захватили нации, находящиеся в состоянии упадка.

После того как Джолитти ушел в отставку, а националисты заявили, что «Саландра — наилучшая из всех возможных кандидатур», Рокко в своей брошюре фактически делает либералам вполне определенное предложение политического альянса. Подводятся некоторые итоги, подтверждается неприятие социализма и демократии (опыта социалистического и джолиттианского реформизма). Затем почти прямое обращение к Саландре: «Захотят ли теперешние умеренные либералы дать своей программе настоящее национальное содержание? Будем надеяться на это. Более того, поможем им двигаться к достижению этой цели. Но, когда это произойдет, умеренные либералы не будут более умеренными, они будут национальными либералами, или, иными словами, националистами»⁽¹⁵²⁾.

Не оставалось никаких сомнений в том, что националисты предлагают себя в качестве ведущих идеологов правящего буржуазного класса. В программном документе Рокко была многозначительная фраза насчет того, что националисты будут способствовать тому, чтобы «теперешняя консервативно-либеральная тенденция» эволюционировала в сторону авторитаризма. И более того, эта тенденция «консервативная, следовательно, буржуазная в социальном плане, но *пока еще* (курсив мой. — Ц. К.) в политическом плане она либеральна». Много конкретных моментов. Например, националисты не возражают против всеобщего избирательного права (впрочем, избирательная реформа была уже проведена), но сами не сделают дальнейших шагов в сторону демократии, ибо это могло бы «привести к чрезмерному индивидуализму, являющемуся естественным следствием демократического принципа». Точно было сформулировано и отношение к католикам: националисты считают интересы государства абсолютными, но уважают свободу совести и поэтому выступают «против антирелигиозных преследований, которые позволяют себе антиклерикалы».

Поскольку националистов критиковали за их милитаризм, было заявлено, что националистический милитаризм не безумие — это лишь предвидение неизбежных грядущих войн. Для того чтобы из этих войн выйти победителями, необходимо крепить национальное единство. Между патриотизмом и национализмом есть разница, так как патриотами объявляют себя решительно все. После риторики вроде: «Национализм выступает против всех идолов на форумах и на площадях. Он выступает против всех расхожих идей, укоренившихся в плоских умах. Он атакует демократию, разрушает антиклерикализм, борется против социализма, подрывает пацифизм, гуманизм, интернационализм, сокрушает масонство, объявляет истощенной, ибо она уже изжила себя, программу либерализма»⁽¹⁵³⁾ — шло важное место. Национализм революционен и поэтому не годится для скептиков и слабых людей. Напротив, он обращается к молодым, «у которых есть чувство и вера», кто вступает в сознательную жизнь, не будучи отягощенным грузом предвзятых политических мнений. Кроме того, он обращается ко всем людям, принадлежащим или принадлежавшим к любой из партий, ко всем, кто «с болью обнаружил, что все итальянские партии забыли о национальном идеале и заменили его совсем другими идеями, интересами и амбициями». Здесь искусная комбинация риторики с

циничным предложением заключить политическую сделку с теми, кто готов на нее пойти — неважно по политическим или личным мотивам. В общем, националистическая доктрина «издания 1914 года» вышла за рамки элементарной логики и неуклюжей патетики Коррадини и предстала в своем «окончательном виде». Фактически она являлась призывом к консервативной и превентивной контрреволюции.

Националисты в 1914 г. располагали несколькими влиятельными органами печати. «Идея национале», начавшая выходить 1 марта 1911 г., была еженедельником, а с 1 октября 1914 г. стала ежедневной газетой. Ее финансировали представители тяжелой индустрии. В июне 1914 г. Рокко основал журнал «Иль довере национале» («Национальный долг»), где сотрудничал и Коррадини. Позиции рупора правых либералов «Джорнале д'Италия» не всегда, но во многом совпадали с позициями националистов. Кроме того, националисты осуществляли свою пропаганду «капиллярным методом», через местные мелкие газеты. В общенациональном плане каждая из газет не значила ничего, но на своих читателей оказывала влияние.

Мы помним, что на римском съезде националистов в 1912 г. произошел раскол и демократическая группа вышла из ассоциации. На следующем съезде в Милане в мае 1914 г., когда Рокко стал главным действующим лицом, националисты уже выступили в новом качестве. Они уже не довольствовались ролью «маленького авангарда либеральной партии», о чем говорил когда-то Федерцони. В вопросах экономики националисты заняли решительную протекционистскую позицию, и Рокко выдвинул идею «национальной солидарности производителей». Наряду с этим была провозглашена необходимость юридически включить синдикаты в рамки государства. Особый акцент делался на необходимость милитаризации страны. Таким образом, националисты вступили в конкуренцию с Саландрой и с правыми либералами, стремясь дать импульс усилению военного аппарата и увеличению авторитета государства перед лицом демократических и социалистических кругов. Помимо всего прочего, националистическое движение получало все большую поддержку со стороны некоторых групп промышленников, заинтересованных прежде всего в производстве оружия⁽¹⁵⁴⁾. Миланский конгресс важен с той точки зрения, что «накануне войны теоретико-практические основы итальянского национализма были окончательно определены. Во внутренней политике националисты стояли прежде всего за высший и абсолютный авторитет государства-нации. Следовательно, против либерализма, демократии, масонства, социализма»⁽¹⁵⁵⁾.

Редкостную проницательность проявил дон Стурцо. Сама идея национализма была в его глазах «антиисторичной и бесчеловечной». Ему была глубоко чужда националистическая концепция «высшей идеи государства». Дон Стурцо писал, что государство, воспеваемое националистами, — это «милитаристское государство, государство, опирающееся на класс промышленников и финансистов, протекционистское государство, управляемое олигархией либо абсолютной или почти абсолютной монархией, — следовательно, это антилиберальное, антидемократическое государство»⁽¹⁵⁶⁾. В те годы националисты пустили в ход термин *morale dei produttori*. Если перевести точно, это значит «мораль

производителей». Смысл в том, что протекционистская политика, выгодная прежде всего тяжелой индустрии, получала уже не смутную, а четкую политическую программу империалистической экспансии. Дон Стурцо понимал, что национализм — это идеология промышленных и финансовых кругов, которые, конечно, опираются и на мелкую буржуазию как на маневренную массу. Анализируя проникновение националистических идей в культуру, историк-либерал Сальваторелли пришел к убеждению, что национализм является идеологией мелкой буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции, той прослойки общества, отличительной чертой которой Сальваторелли считал *alfabetismo degli analfabeti* что буквально означает «грамотность безграмотных». Правда, Сальваторелли заметил также, что национализм видел в войне возможность «совершить реакционную и плутократическую революцию», но лишь вскользь коснулся этой темы. Вывод, видимо, сводится к тому, что в анализе таких феноменов, как национализм, надо учитывать все факторы: и классовые интересы, и моральные и психологические моменты, значение которых слишком часто недостаточно оценивается.

Профессор Пьеро Пьери, авторитетный специалист по военной истории, в книге «Италия в первой мировой войне» дал интересный анализ расстановки сил по вопросу об участии Италии в войне в правительстве, парламенте и обществе летом 1914 г. В частности, он писал о том, что националисты, у которых была своеобразная идеология («смесь различных доктрин, борьбы за существование, торжества наиболее сильных, позитивизма, идущего от Дарвина и от Спенсера»), с самого начала стояли за участие Италии в войне на стороне ее союзников⁽¹⁵⁷⁾. Однако правительство приняло решение о нейтралитете и нуждалось в поддержке Джолитти. «Человек из Дронеро» эту поддержку оказал. Он выступил с речью в Кунео. В мемуарах приведен текст телеграммы Саландры (от 11 августа 1914 г.). Саландра благодарил Джолитти от имени правительства и своего лично. Кроме особо подчеркивал, что «самый крупный итальянский государственный деятель, Джолитти, не входивший в правительство, одобрил и поддержал своим авторитетом заявление о нейтралитете». Дело в том, что формально Италия начиная с 1882 г. была союзницей Германии и Австро-Венгрии (Тройственный союз). Но стратегия Джолитти в период его пребывания у власти основывалась на том, чтобы одновременно улучшать отношения и с державами Антанты: Англией, Францией и Россией. Кроме писал даже, что союз с Германией и Австрией длился «скорее по инерции», так как «отношения Италии с Австрией всегда были плохими»⁽¹⁵⁸⁾. Кроме и другие историки, анализируя этот период, пишут, что Австро-Венгрия и Германия вели подготовку к войне в атмосфере такой секретности, что совершенно не консультировались с Италией. Поэтому Италия имела все основания занять позицию нейтралитета, когда началась первая мировая война. И Италия заняла такую позицию.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ВАРИАНТ ТРАГЕДИИ

На протяжении нескольких десятилетий в итальянской историографии при всем различии методологических позиций существовала тенденция объяснять вступление Италии в первую мировую войну не только и не столько тем, что она вступила в свою империалистическую фазу, сколько проблемами ирредентизма и «мифами Рисорджименто». В последние годы появилась возможность, используя новые, предельно выразительные и прежде недоступные документы, нарисовать более ясную и, так сказать, антиромантическую картину. Соннино принадлежит не слишком удачная, по вошедшая в оборот фраза (позднее ее стал применять и Саландра), смысл которой сводился к тому, что Италия имеет право на «священный эгоизм». Под этим подразумевалась законность колониальных притязаний Италии, ее стремления нагнать упущенное и стать «шестой великой державой» наряду с Англией, Францией, Россией, Германией и Австро-Венгрией.

То обстоятельство, что Италия входила в Тройственный союз, не могло не создавать некоей двусмысленности. Маркиз ди Сан Джулиано был убежденным англофилом, так же как и Соннино, который после смерти маркиза в ноябре 1914 г. стал министром иностранных дел в кабинете Саландры. Соннино, больший консерватор, чем ди Сан Джулиано, был сторонником политики престижа и оказывал большой нажим на колебавшегося Саландру. Как известно, Альбертини тоже был консерватором и англофилом. Поскольку правительство объявило о нейтралитете, Альбертини несколько недель вел себя очень лояльно, хотя с самого начала был убежден, что Италия не должна оставаться в стороне и что ей надлежит выступить на стороне держав Антанты. И все же 27 августа 1914 г. «Коррьере» опубликовала статью своего авторитетного сотрудника Андреа Торре, озаглавленную «Перед лицом великой войны. Ожидание и приготовления». Саландра послал Альбертини огорченное письмо и получил вежливый ответ, но с этого момента «Коррьере делла сера» все энергичнее выступала за участие Италии в войне. Кароччи пишет: «Альбертини одним из первых выступил за интервенцию... Интервенционистская позиция, занятая таким консерватором, как Альбертини, была элементом Исключительной важности, который толкнул Саландру на Принятие великого решения»^[159].

Чем же все-таки объяснялось первоначальное решение правительства сохранять нейтралитет? Многие историки сходятся на том, что в основе лежало отнюдь не миролюбие, а понимание того факта, что страна по уровню своего социально-экономического развития не смогла бы выдержать испытания большой войны. Известно, что Германия, с одной стороны, и Франция — с другой, самым интенсивным образом старались оказать влияние на итальянское общественное мнение. Этим занимались «дипломаты и деятели культуры, представители различных экономических и политических кругов стран, вовлеченных в войну, — как те, кто уже некоторое время жил в Италии, так и те, кто был туда специально направлен»^[160]. Кроме того, тратились огромные суммы на субсидирование (попросту на подкуп) некоторых итальянских газет. Несколько упрощая, можно сказать, что сознательно или бессознательно, но Саландра и другие, принимая решение о нейтралитете Италии, исходили из довольно циничного расчета: держаться в стороне, насколько это окажется возможным, а потом вступить в войну на

стороне тех, кому будет обеспечена победа. Или *почти* обеспечена, так что Италия сможет изобразить свою роль чуть ли не решающей. Конечно, существовали и оттенки мнений, и психологические факторы, но и цинизма было предостаточно.

Как можно охарактеризовать два противостоящих лагеря: сторонников вступления Италии в войну и сторонников сохранения нейтралитета? К первой группе относятся националисты, которым принадлежит пальма первенства. король, оказывавший давление на Саландру, и три течения, которые Канделоро предлагает классифицировать так: либеральный интервенционизм, демократический интервенционизм и революционный интервенционизм. А к сторонникам нейтралитета — нейтралистам — по этой классификации относятся либералы, католики и социалисты. Это, конечно, несколько схематично.

Начнем с националистов. Мы помним, что в соответствии с теорией «иерархии наций» Италия считалась естественным союзником Германии. Но националисты быстро поняли степень непопулярности Германии и Австро-Венгрии даже в самых шовинистических кругах. И уже 6 августа «Идеа национале» поместила статью члена редколлегии Роберто Форджес Даванцати «Конец Тройственного союза». Смысл заключался в том, что союзники (особенно Австро-Венгрия) часто обманывали Италию и она вынуждена была переориентироваться. Но воевать надо непременно: «Было бы абсурдом воображать, будто наши жизненные интересы можно защитить, оставаясь вне конфликта, ожидая, что победители или побежденные завтрашнего дня, кем бы они ни оказались, согласятся принимать в расчет нас. Политика строится на интересах, но есть некая воодушевляющая ее этика: победители и побежденные будут едины в одном — не признавать никакого права на участие в новом европейском порядке тех, кто не принес никакой жертвы ни кровью, ни деньгами»^[161]. Через неделю появляется статья другого члена редколлегии, Франко Копполы, «Австрия нас вынуждает».

Либеральный интервенционизм, естественно, возглавлял Альбертини. Большую роль играл и Д'Аннунцио, которого «Коррьере делла сера» печатала особенно часто: его страстная риторика отвечала распространенным вкусам. Для правого крыла либералов, кроме соображений престижа, серьезное значение имели и внутривнутриполитические вопросы. Они опасались за судьбу монархии. С одной стороны, боялись «революционной волны», а с другой — воинствующих националистов, которые могли бы выступить против нейтральной монархии. Кроме того, следует учитывать антиджолиитские настроения этих кругов. Джолиитти формально был лишь депутатом, но его имя оставалось символом определенной политической теории.

Что такое демократический интервенционизм? В книге «История итальянских политических партий» Франко Каталано пишет, что в эту категорию надо включить правых реформистов, оказавшихся вне партии после съезда в Реджо-Эмилии и основавших Социалистическую реформистскую партию. 2 октября они проголосовали за резолюцию, призывавшую к участию Италии в войне «во имя защиты свободы народов и во имя мира». Позднее реформисты, радикалы и конституционные демократы провозгласили

«необходимость оградить итальянские политические и экономические интересы, освободить земли, остававшиеся во владении Австрии, и способствовать победе Антанты, поскольку она выражает демократическую тенденцию, противостоящую тенденции милитаристской»^[162]. Добавим и масонов, которые даже опередили других. Еще 6 сентября великий мастер ложи «Гранде Ориенте» («Великий Восток») Этторе Феррари передал Саландре резолюцию ложи, выступавшей за вступление Италии в войну на стороне Антанты. Аналогичной была позиция журнала «Воче». С позиций демократического интервенционизма выступил и Гаэтано Сальвемини. Для него, как и для многих представителей интеллигенции, Германия и Австро-Венгрия были символами авторитарных и милитаристских режимов. 28 августа Сальвемини писал, что победа этих стран только усилила бы их злое влияние. Между тем как «великая лига наций, в которой приняли бы участие Англия, Франция, Россия, Италия и все или почти все малые народы, была бы громадным практическим экспериментом федерации народов».

Наконец, революционный интервенционизм был представлен сравнительно небольшой, но влиятельной группой. Здесь необходимо небольшое отступление. После съезда в Реджо-Эмилии, когда произошел раскол и правые реформисты были исключены из партии, такой же раскол произошел и внутри профсоюзного движения. Многие члены ВКТ считали ее позиции недостаточно радикальными, и в ноябре 1912 г. в Модене возникла новая организация — Итальянское профсоюзное объединение (УСИ), — объединившая несколько разнородных групп. Когда началась война, 13–14 ноября 1914 г. в Болонье на заседании руководящего совета УСИ один из лидеров организации, Альчесто Де Амбрис, предложил резолюцию, призывающую к вступлению Италии в войну. Представитель анархо-синдикалистов Армандо Борги предложил резолюцию, отстаивающую нейтралитет Италии, и большинство проголосовало за нее. Произошел раскол: анархо-синдикалисты остались в УСИ, а сторонники Де Амбриса и его единомышленника Филиппо Корридони вышли из УСИ и создали новую ассоциацию, отстаивавшую идеи интервенционизма, — Итальянский союз труда.

Прошло всего несколько недель, и эти же люди создали новую политическую группировку — «Революционное фашо интернационального действия». Какова была программа этой группы? Каково было кредо людей, считавших себя революционерами и патриотами? ««Интервенционизм во имя революции» был понятен и типичен в свете итальянской истории. Но в принципиально новых исторических условиях, когда Италия стала уже империалистическим государством, он объективно превращался и не мог не превратиться в орудие итальянского империализма. Это происходило независимо от субъективных устремлений адептов нового политического и идеологического течения. Далеко не все они стали впоследствии фашистами. Но значительная часть из них проделала весь тот путь от революционного интервенционизма к фашизму, символом которого стал Бенито Муссолини»^[163].

Переходим к лагерю нейтралитетов. Особенно важна позиция Социалистической партии, но об этом мы будем говорить несколько позже. Что касается других сторонников

нейтралитета, то напомним, что Джолитти полностью поддержал решение правительства Саландры о нейтралитете. Естественно, Джолитти никогда не был пацифистом. Однако, как умный, трезвый, и хорошо информированный политик, он считал, что мировая война будет длительной, трудной и что нельзя быть уверенным в ее конечном исходе. «Джолиттизм» отнюдь не был феноменом, исчерпавшим себя. Большинство парламентариев были настроены «джолиттиански», некоторые газеты подчеркнуто ссылались на авторитет Джолитти. Противники боялись «ренессанса», но и они не могли не считаться с его престижем.

Католическая церковь традиционно отстаивает идею пацифизма. Такую позицию занял Пий X. Он скончался 20 августа 1914 г. Новый папа Бенедикт XV в первой же своей энциклике в ноябре 1914 г. осудил войну, заявив, что она вообще оказалась возможной лишь потому, что человечество забыло о христианском учении. Ватикан явно желал, чтобы Италия оставалась вне конфликта. Но внутри католического движения существовали разнообразные позиции. Так, самый в то время авторитетный деятель итальянского католического движения граф Джузеппе Делла Торра, выступая 6 января 1915 г. в Обществе св. Петра в Риме, заявил, что существует абсолютный нейтралитет церкви и нейтралитет католиков, обусловленный правами и интересами, «составляющими духовное достоинство нации».

Теперь обратимся к позиции Социалистической партии. После съезда в Реджо-Эмилии равновесие внутри партии было настолько нарушено, что создалось исключительно тяжелое положение. В этой связи нам придется говорить о Муссолини^[21]. Как уже говорилось, он был профессиональным журналистом, сотрудником журнала «Ла соффитта», иногда печатался в таком популярном издании, как «Воче». Мы упоминали вскользь, что он был назначен директором центрального органа Социалистической партии «Аванти!» по предложению самого Костантино Ладзари. На истории с «Аванти!» остановимся сейчас более подробно. В 1979 г. в Милане вышла в свет книга Герардо Боццетти «Муссолини — директор, Аванти!»; в ней собраны любопытные материалы, и она сообщает о множестве фактов, на которые исследователи прежде не обращали внимания, хотя они и интересны.

Боццетти начинает книгу фразой: «Завоевание «Аванти!» представляет для Муссолини важнейший этап на пути к власти; без этого он потонул бы в провинциальном болоте». Исследование начинается сентябрем 1910 г., т. е. временем, когда молодой честолюбец Муссолини жил в Форли и начал выпускать свой еженедельник «Лотта ди классе». Накануне XI съезда Социалистической партии, о котором мы писали, шли оживленные споры насчет того, должна ли «Аванти!» по-прежнему выходить в Риме, либо целесообразнее перевести газету в Милан, «самый пролетарский город Италии». Все в то время признавали, что «Аванти!» переживает кризис. И вот Боццетти цитирует две статьи Муссолини в «Лотта ди классе». Муссолини использует дискуссию для ядовитых нападок на руководителей ИСП, и в частности на директора «Аванти!» Биссолати, которого он причисляет к тем журналистам, которые обладают безошибочным умением «убивать

газеты». Боццетти пишет, что ему кажется странным, почему никто до сих пор не заметил, что еще накануне XI съезда партии Муссолини вполне очевидно поставил своей главной целью захватить «Аванти!». Может быть, потому, что тогда он был еще «почти никем» и сам писал о себе как об «одиночке» и знал, что производит на многих людей странное впечатление. В книге Боццетти приводится свидетельство социалиста и масона Микеле Терцаги, который впервые увидел Муссолини на XI съезде, услышал его речь и спросил Ладзари, что это за странный тип. Ладзари будто бы ответил: «Он сумасшедший, но он нам нужен, потому что дает нам пятьсот голосов провинции Форли»⁽¹⁶⁴⁾. Впрочем, Муссолини пришлось, что его называли сумасшедшим, и он не без кокетства писал об этом в «Лотта ди классе».

После съезда в Реджо-Эмилии на посту директора «Аванти!» оказался Джованни Баччи. Сам Баччи отказывался от назначения, все понимали, что он останется в газете недолго. Финансовое положение «Аванти!» уже было очень тяжелым, префект Милана телеграфно сообщает Джолитти о том, что у «Аванти!» нет денег, чтобы платить заработную плату своему персоналу, начинаются даже разговоры о том, что газету, возможно, придется закрыть. Муссолини, как уже сказано, на съезде в Реджо-Эмилии был избран в состав руководства партии. Однако нет никаких документов, показывающих, что он в это время как-либо высказывался: вероятно, ждал естественного развития событий, краха Баччи и исполнения своего страстного желания заполучить в свои руки центральный орган партии. В нашем рассказе возникает новый персонаж — Паоло Валера (1850–1926), интерес к которому в Италии вновь пробудился в середине 60-х годов. Это был человек ярко одаренный, умный, саркастичный, дерзкий, анархического склада, обладавший отличным пером и редкостным темпераментом, гарибальдиец в самой ранней юности, писатель, политический журналист, революционер (вначале анархист, потом социалист), мастер памфлетов, дуэлянт, позер, участник литературного движения 70-х годов прошлого века Валера органически вписывается в панораму своего времени как характерный представитель богемы, с одинаковой страстностью занимавшийся политикой, авантюрами и искусством. Нас он интересует в связи с Муссолини. Родом из очень бедной семьи, самоучка, Валера был бунтовщиком по природе. Судя по известным материалам, он был очень талантлив, но было в нем и нечто двусмысленное.

У нас нет возможности подробно рассказать о дружбе и вражде Валеры, о том, как его арестовывали, как он возвращался, основывал журналы, которые большей частью скоро проваливались, писал под самыми экзотическими псевдонимами вроде «Иуда Искарот». Его отлично знали деятели политики и культуры, он был личностью, его роман «Ла фолла» («Толпа») хвалил Эмиль Золя. В 1901 г. он стал издавать еженедельник под тем же названием, но длилось это всего три года. Среди сотрудников еженедельника был и молодой Муссолини. После съезда в Реджо-Эмилии еженедельник неожиданно воскрес, и в первом же номере в статье Валеры «Я провозглашаю интервью шедевром» появился панегирик, посвященный Бенито Муссолини, который «разгромил правых реформистов» и т. д. 11 августа 1912 г. в журнале Валеры выступил и сам Муссолини под псевдонимом

Homme qui cherche^[22]. Статья вызвала скандал, так как автор утверждал, что все сотрудники «Аванти!» отнюдь не «идеалисты», а преследуют корыстные цели. Это было частью довольно грязной интриги.

Как ни удивительно, именно такой честный и искренний человек, как Ладзари, во время заседаний руководства партии 8–10 ноября 1912 г. предложил назначить Муссолини директором «Аванти!». Муссолини неплохо сыграл роль, и его чуть ли не просили занять этот пост: он вначале отказывался. В первое время реформисты не были встревожены назначением Муссолини: они были убеждены, что руководство партии, возглавляемой таким человеком, как Ладзари, сможет заставить Муссолини действовать в соответствии с принципами и традициями ИСП. Тревес и другие видные реформисты хотели во что бы то ни стало продолжать сотрудничество в газете. Но Муссолини начал с того, что решительно отстранил этих авторов. Нападки на левых реформистов, вначале осторожные, становились все откровеннее и грубее, в них сквозила личная ненависть.

Оперившись, Муссолини стал выступать не только против реформистов, но и против своих товарищей по фракции, которые, видимо, казались ему недостаточно «непримиримыми». Стал вполне очевидным антидемократический характер всего мышления Муссолини. 15 апреля 1913 г. «Аванти!» вынуждена была напечатать статью одного из самых популярных партийных лидеров, Серрати, который писал: «Имеет ли какой-нибудь смысл самое дело подготовки революции, начатое «Аванти!» под руководством Муссолини? Я этого не думаю. Мне почти хочется сказать, что это приносит обратный результат»^[165]. Полемизировать с Серрати было труднее, чем с реформистами. Но Муссолини колебался недолго и заявил, что статья «целиком ревизионистская». Критическое отношение к Муссолини крепло, но все-таки его продолжали поддерживать, особенно доверял ему Ладзари.

Почему все-таки так происходило? Прежде всего надо исходить из обстановки в стране. Продолжались перемены, изменялась сама структура рабочего класса. В крупных промышленных центрах промышленные рабочие были уже не вчерашними крестьянами или ремесленниками, а настоящими пролетариями. Реформистская линия, во всяком случае такая, какой она была выработана в первом десятилетии века, не поспевала за требованиями жизни. Но после съезда в Реджо-Эмилии реформисты, потерпев поражение, не хотели нарушать единство партии и вели себя вполне лояльно. Кроме того, им казалось, что «революционное большинство» — это некий гибрид, который долго не продержится. И все-таки революционная фразеология преобладала.

Тревес писал однажды, что существуют «революционеры-реформисты» и «революционеры-революционеры», образцом которых является Бенито Муссолини. Это звучало иронически, подразумевалось, что директор «Аванти!» является наследником так называемого катастрофического революционаризма. Под звучащим несколько странно эпитетом подразумевалась теория, что революция обязательно предполагает «большую кровь». Но линия «непримиримых социалистов» в Италии была абстрактной, массам не предлагались практически осуществимые цели. Кроме того, «внутри руководства (партии).

— *Ц. К.*) сосуществовали две линии, две стратегии, два умонастроения, находившие свое выражение в Серрати и Ладзари, с одной стороны, и в Муссолини — с другой»⁽¹⁶⁶⁾. Добавим, что многие «непримиримые» не верили «пи в какие догмы, даже в догмы научного социализма», и что теоретический уровень всего течения был очень невысок.

В ноябре 1913 г. Муссолини основал собственный, совершенно персональный журнал «Утопия», выходивший, как в то время и «Аванти!», в Милане. Иметь свой журнал — это повышало личный престиж Муссолини в мире культуры. Он как бы становился в один ряд со многими другими общественными деятелями разной ориентации от Турати до Преццолини или Коррадини, располагавшими своими журналами. Кроме того, если в «Аванти!» Муссолини вынужден был все-таки считаться с общепартийной линией, здесь у него были совершенно развязаны руки.

В апреле 1914 г. в Анконе состоялся XIV съезд Социалистической партии. Были оглашены обнадеживающие цифры: число членов партии удвоилось, тираж «Аванти!» казался почти сенсационным. Турати был тяжело болен, и Ладзари адресовал ему прочувствованный привет. Съезд прошел без ярких событий и столкновений, но ознаменовался успехом Муссолини, который одержал победу по всем главным пунктам повестки дня.

В новое руководство были избраны Ладзари, Серрати, Муссолини, Барберис и др. Комментируя итоги съезда, «Утопия» лицемерно писала: «Социализм — это идея, революция. Следовательно, социалистическая партия может быть только идеалистической и революционной. Она должна стремиться к реализации высшей идеи, потому что идея существует как нечто платоническое, в атмосфере, по должна воплощаться в истории». В июне 1914 г. должны были состояться муниципальные выборы. Социалисты, как обычно, проводили агитацию и обсуждали кандидатуры. В первое воскресенье июня в стране по традиции проводился День статута. В Анконе старый анархист Эррико Малатеста, издававший еженедельник «Волонта» («Воля»), и директор органа «непримиримых республиканцев» «Люцифери» («Люцифер») Пьетро Ненни призывали провести в противовес Дню статута антимилитаристские демонстрации. Демонстрации действительно прошли во многих городах, но наиболее крупная состоялась в Анконе, там полиция стреляла в толпу, были убитые.

В городе вспыхнула забастовка, сначала стихийная, затем официально провозглашенная Палатой труда. Все партии Эстремы и синдикаты были застигнуты врасплох. Волнения охватили всю страну, продолжались семь дней и вошли в историю под названием «Красная неделя». Они показали боевой дух и готовность к самопожертвованию народных масс, по одновременно и отсутствие четких лозунгов, организованности, руководства. «Красной неделе» посвящено немало исследований, из которых видно, как много было несогласованности. Так, когда ВКТ приняла решение прекратить забастовку, Малатеста не поверил и призвал народ к революции. Однако революция не состоялась, Филиппо Корридонни и несколько рабочих были арестованы. «Красная неделя» была одновременно и апогеем стихийного протеста пролетариата, и проявлением слабости итальянского рабочего движения.

Не успели стихнуть волнения, как произошло убийство в Сараеве и Европа оказалась на пороге войны. 26 июля 1914 г., сразу после того, как Австро-Венгрия объявила о частичной мобилизации, в «Аванти!» была помещена статья «Долой войну!», вполне соответствовавшая линии Социалистического Интернационала, лозунгом которого был абсолютный нейтралитет. 30 июля Социалистическая партия обратилась ко всем итальянским рабочим с призывом быть готовыми действовать. Подобно тому как правящие круги уже вступивших в войну стран делали все, чтобы склонить Италию к участию в войне, представители французских и немецких социалистов, чьи партии изменили принципам Интернационала, пытались склонить итальянских социалистов на свою сторону, но тщетно: Итальянская социалистическая партия держалась твердо.

Между тем в стране шло сильное брожение. Многие итальянские исследователи возлагают наибольшую долю ответственности за вступление Италии в войну на «демократических» и «революционных» интервенционистов (по классификации Канделоро) и называют имя Биссолати, «в котором было что-то от пророческого порыва Мадзини», хотя сам Биссолати был человеком сдержанным. Заметим кстати, что на съезде в Реджо-Эмилии, зная, что его неминуемо исключат из партии, Биссолати заявил, что сожалеет о том, что в апреле 1911 г. он и другие социалисты отказались войти в правительство, ибо, если бы они стали министрами, не было бы Ливийской войны. Он сказал: «Мы находились перед лицом национализма, который по сути своей является реакционной силой, использующей национальное чувство в своих собственных целях... Не следовало давать монополию на патриотизм тем, кто был очень заинтересован в том, чтобы отбросить, откинуть в сторону наше влияние, чтобы добиться осуществления своих империалистических мечтаний за рубежом и внутри страны»^[167].

Раджоньери считал, что главную роль в пропаганде за вступление Италии в войну играли не «демократические» или «революционные» интервенционисты, а националисты, которые были куда активнее и организованнее и располагали большими денежными средствами. Может быть, Раджоньери прав, считая, что националисты шли в авангарде интервенционистского движения. Во всяком случае, они «кричали больше всех». Всю осень, а потом зиму 1914/15 г. они организовывали демонстрации, агитируя за вступление в войну. А в лагере нейтралистов дела обстояли плохо. Республиканцы еще 11 августа стали создавать специальные комитеты и вести переговоры с французами. За ними последовали радикалы.

Возвращаемся к тому, что происходило в Социалистической партии. Она обратилась к народу с антивоенным манифестом и послала свою делегацию в Лугано для выработки совместных действий с швейцарскими социалистами. В делегацию входили Ладзари, Турати, Серрати и др. Входил и Муссолини, но он не поехал. «Аванти!» проводила линию партии, и еще 25 сентября в статье «Слово пролетариату» Муссолини демагогически нападал на тех, кто хотел бы втянуть итальянский народ в войну. О том, что произошло потом, написаны многие десятки книг не только итальянскими исследователями, но и историками других стран. Все, кто занимается проблемами фашизма и неофашизма,

неизбежно начинают с анализа того, что произошло в октябре 1914 г., когда Муссолини написал для «Аванти!» статью «От абсолютного нейтралитета к нейтралитету активному и действенному». Статья появилась 18 октября 1914 г. и была несомненным доказательством перехода Муссолини на сторону интервенционистов. Она вызвала настоящий шок. Мы не станем сейчас подробно говорить обо всем, что произошло потом, о заседаниях руководства партии, когда Муссолини требовал, чтобы все признали правильность его позиции, о том, как Ладзари предупреждал его, что он вступает на гибельный путь, и о том, как Муссолини ваявил, что уходит с поста директора «Аванти!». Он сделал свой выбор.

В эти недели шла подготовка к открытию новой газеты Муссолини «Пополо д'Италия» («Народ Италии»), Мы говорили о Паоло Валере. Он был очень близок к Муссолини, поэтому выберем из массы материалов его воспоминания «Разрыв произошел на последней встрече в Болонье», — Валера имел в виду заседание руководства партии, когда Муссолини заявил о своем уходе из «Аванти!». Дальше — подробности о новой газете, финансировании, выборе названия. Наконец Валера описывает собрание миланской организации 24 ноября 1914 г. (первый номер «Пополо д'Италия» вышел 15 ноября). На этом собрании, где социалисты кричали: «Иуда! Предатель!», Муссолини не только уверял, что он остается революционером, он также угрожал: «Заявляю вам, что с этого момента у меня не будет снисхождения, не будет никакой жалости по отношению ко всем тем, кто в эту трагическую минуту не говорит ни слова, потому что боится, что их освистают или будут кричать; «Долой!» Не будет ни снисхождения, ни жалости к тем, кто молчит, к лицемерам, к трусам». Это было концом.

Есть десятки версий относительно обстоятельств и причин ренегатства Муссолини — причин идеологических и психологических. Одна из них мне кажется интересной. В 1975 г. вышла книга Эмилио Джентиле «Истоки фашистской идеологии», где, в частности, рассматриваются идеологические послышки перехода Муссолини от социализма к интервенционизму. Приведем их с небольшими сокращениями: «...идея политики, субъективно понимаемой как искусство, т. е. как личная интуиция, позволяющая угадывать подходящие обстоятельства, которые можно моделировать по воле политика, а объективно являющейся простым применением силы или столкновением интересов и амбиций: сведение идей к мифам... т. е. к инструментам, пригодным для того, чтобы возбуждать страсти толпы, завоевать ее доверие и толкать ее к действиям; презрение к массам; представление об истории как о цикле иерархий, аристократий, элит — энергичных и волевых меньшинств; возможность социальных революций, осуществляемых великими вождями, которые предстают как новые люди, не подвластные общим моральным нормам; пессимизм и скептическое отношение к гуманитарным, моральным и социальным ценностям...»^[168].

Мне кажется, что Джентиле удалось в этой синтетической форме изложить некоторые характерные черты того, что итальянские исследователи часто называют «муссолинизмом», а не просто «фашизмом».

Все мы слишком хорошо знаем, какую зловещую роль предстояло сыграть Бенито Муссолини в послевоенной истории Италии. За рамками настоящей книги — анализ обстоятельств, при которых он пришел к власти, социальных сил, на которые он ориентировался, тех влиятельных групп, которые находились за кулисами и манипулировали будущим «дуче» и его чернорубашечниками в своих классовых интересах. «Черное двадцатилетие фашизма» оставило глубокий след в истории современной Италии: до сих пор интеллигенция старшего и среднего поколения вынуждена сводить моральные счета со своим прошлым.

Этот человек никогда не был ни революционером, ни подлинным интеллектуалом, ни даже личностью — пусть отрицательной — подлинно исторического масштаба. Для этого у него не было необходимых данных — интеллектуальных, моральных и даже политических. Но ловкость, цинизм, беспринципность, безграничная самовлюбленность — все это, как ни парадоксально, способствовало его успеху. Кончил он самым жалким образом. Человек, считавший себя нищеем, стал игрушкой в руках Гитлера. У Муссолини не хватило элементарного достоинства, чтобы покончить с собой, — это после всей декламации на тему о героизме, о лозунге «живите опасно!» и прочее.

Его конец ни в коем случае не может считаться неожиданностью: его можно было предвидеть. В этой книжке мы постарались показать, из какого теста был сделан этот жалкий и зловещий персонаж итальянской трагедии масок, пытавшийся уверить мир в том, что он является наследником римских цезарей.

Как мы уже говорили, зима 1914/15 г. была бурной. Джолитти на декабрьской сессии парламента подтвердил свою решительную оппозицию войне, и националисты начали яростную травлю. Джолитти подробно пишет о том, как его обвиняли в прогерманских симпатиях, в тайных контактах с немецким послом и т. д. Весной 1915 г. сражение между нейтралистами и интервенционистами вступило в решающую фазу. Правительство Саландры — Соннино вело очень двусмысленную политику. 26 апреля 1915 г. в Лондоне был подписан секретный договор, согласно которому Италия дала обязательство вступить в войну на стороне держав Антанты, которые со своей стороны гарантировали Италии всяческие компенсации после победы. В архиве Джолитти есть много писем и телеграмм: ему сообщали, что все ужасно, что Саландра взял или берет на себя роковые обязательства, что он, Джолитти, единственный человек, который может еще спасти положение. В письме депутата Луиджи Факты сообщалось, что многие парламентарии, причем не из числа друзей «человека из Дронеро», говорили: «Чудовищно, что Саландра не чувствует потребности узнать, что думает Джолитти»^[169].

Когда Джолитти приехал в Рим на заседание парламента, националисты устроили настоящую провокацию. «На вокзале, — вспоминает Джолитти, — меня ожидала толпа националистов, чтобы устроить мне враждебную демонстрацию. Мне советовали выйти не через обычную, а через запасную дверь, но я отказался, сказав, что хочу пройти через ту же дверь, что и всегда. И добавил, что если против меня устроили демонстрацию, то лучше мне ее увидеть. И, действительно, группа демонстрантов окружила меня и друзей,

пришедших меня встретить. Они сопровождали меня до моего дома со свистом и выкриками. Дойдя до подъезда, я обернулся и сказал: Но хотя бы один раз крикните: «Да здравствует Италия!»⁽¹⁷⁰⁾.

По приезде в Рим Джолитти получил более 300 писем, телеграмм, визитных карточек от парламентариев. Это было открытой политической демонстрацией в поддержку нейтралитета. 7 мая Джолитти получил записку от министра казначейства Паоло Каркано, просившего о свидании. Они встретились, и Каркано подробно изложил все доводы, по которым правительство считало необходимым в этот момент вступить в войну. «Я так же подробно возразил на все его доводы, — пишет Джолитти, — и указал на все опасности, навстречу которым пошла бы Италия. Каркано мои слова взволновали, на глазах у него были слезы. Но он сказал, что решение правительства вступить в войну окончательно. Однако он решительно ничего не сказал, не сделал ни малейшего намека на то, что уже подписан договор. Его молчание стало мне понятным только через несколько лет, когда большевики опубликовали Лондонский договор; тогда я узнал, что там имелось формальное обязательство все держать в секрете»⁽¹⁷¹⁾.

Король пожелал увидеться с Джолитти. При встрече Джолитти повторил королю все свои аргументы против войны, но король тоже не сказал о Лондонском договоре. Наконец состоялась встреча с Саландрой, который сказал, что решение принято, пути назад нет и что, если парламент не поддержит его, ему придется уйти в отставку. Трюк с отставкой действительно был проделан. Сам Саландра в сообщении для печати возложил ответственность на Джолитти и его друзей. Позднее Саландра обвинял Джолитти в неискренности и в том, что тот знал о Лондонском договоре, хотя и не читал текста. Саландра писал, что конфликт правительства с парламентским большинством «был весьма эффектно подтвержден демонстрацией джолиттианцев, поддержанных католиками справа и социалистами слева». И дальше: «Правительство не могло примириться с двусмысленным голосованием, я не смог бы пойти на соглашение, чтобы как-то продержаться под покровительством Джолитти»⁽¹⁷²⁾.

Заявление об отставке кабинета Саландры было подано 1 мая, король опять пригласил Джолитти для консультаций, но тот сказал, что при создавшихся условиях возглавлять правительство может лишь кто-то, придерживающийся ориентации Саландры. В это время произошли майские демонстрации интервенционистов («радужные дни»), в которых Муссолини и Д'Аннунцио играли активнейшую роль. Кульминацией было нападение на здание парламента. Кароччи убежден, что Саландра сам провоцировал антиджолиттианские демонстрации, хотя и уверял Джолитти, что он, Саландра, лично настроен против войны, да вот Соннино настаивает... Во время «радужных дней» Джолитти получил массу анонимных писем со всех концов Италии. Во всех без исключения повторялось обвинение, будто Джолитти получил от Германии и Австрии крупную сумму, чтобы попытаться помешать вступлению Италии в войну против них. Впрочем, замечает Джолитти в мемуарах, некоторым авторам анонимных писем эта сумма казалась недостаточной, и они ее удваивали.

Некоторые итальянские историки обвиняют Джолитти в том, что в эти решающие недели он был пассивен. Кароччи пишет: «Нейтрализм Джолитти был отчетливо консервативным, он был задуман как парламентский маневр, без того, чтобы принимать в расчет новые силы, существовавшие в стране, так как он недооценивал значение этих сил. Это было ошибкой, которую тот факт, что среди социалистов в тот момент преобладали революционные тенденции, объясняет лишь отчасти»^[173]. Раджоньери ставил вопрос несколько иначе: он писал, что существовали круги, для которых война была «исторической возможностью» (эту фразу не раз повторял Саландра), вывести Италию из состояния прострации, из того «морального кризиса», о котором так долго говорили. «Взятый в такой перспективе контраст Джолитти — Саландра... становится столкновением, быть может решающим, между двумя различными концепциями осуществления власти, существовавшими внутри итальянских либеральных кругов в момент растущего давления со стороны народных масс»^[174].

Король в конце концов не принял отставку кабинета, и Саландра, делая вид, что он «выполняет волю народа», потребовал у парламента неограниченных полномочий. 20 мая Турати произнес исключительно сильную речь в парламенте, но никакие речи не могли помочь. Сколько парадоксальных ситуаций создает история. Во время «радужных дней» на страницах «Идея национале» не только те, от кого было естественным этого ждать, но даже такие люди, как Маффео Панталеони, выступая с позиций «оскорбленных граждан», нападали на Джолитти и на парламентское большинство не просто резко, а яростно. Панталеони дошел до того, что, проводя аналогию между положением в Италии и во Франции, назвал убийство Жореса «счастливым несчастьем».

В своей «Истории...» Кроче писал о Саландре и о Соннино как об умных и опытных государственных деятелях, за которыми «стояли разум и душа Италии, какой она сложилась в своих традициях и в своих надеждах». Несмотря на такую высокую оценку, Кроче осторожно дает понять, почему он лично стоял за нейтралитет. Но философ хотел быть максимально справедливым. Он намерен был непредвзято судить и о тех, кто отстаивал идею участия Италии в войне. В частности, Кроче писал о Ренато Серре, чье имя стало почти символом для целого поколения итальянской интеллигенции. Тема отношения интеллигенции к войне — большая, сложная, включающая в себя много граней. Анализируя положение в Италии, Кроче довольно иронически писал, что католический пацифизм был пассивным. Что до социалистов, то «они ставили свои идеалы братства международного пролетариата выше интересов нации». В мае 1915 г. итальянские социалисты не призвали народ к активному сопротивлению войне. Была принята формула, предложенная Ладзари: *né aderire, né sabotare*^[23]. В этой формуле было множество оттенков: для одних важнее была первая часть, а для других — вторая. Итальянская социалистическая партия в отличие от французской или немецкой никогда не голосовала за военные кредиты, никогда не стояла за войну. Италия вступила в войну 24 мая 1915 г. Кончилась историческая эпоха, начавшаяся в годы объединения Италии. Именно вступление Италии в мировую войну привело ее к величайшей национальной трагедии — к

фашизму, с наследием которого итальянцам еще и сегодня приходится сводить политические и моральные счета.

Наверное, есть такой психологический закон: когда рукопись закончена, жаль расставаться с людьми. И хотелось бы начать все сначала. Потому что нельзя не отдавать себе отчет в том, что многое сказано слишком бегло, а о другом не сказано вообще ничего. И что можно было бы привлечь столько новых материалов, и лучше выписать фон, и даже, может быть, пожертвовать некоторыми персонажами, чтобы самые главные предстали перед читателем ярче и отчетливее. Есть, может быть, своя закономерность в том, что автор идет за своими персонажами, а это относится не только к художественной литературе и эссеистике, но и к работам по истории общественной мысли.

Меня больше всего интересуют *история идей* и люди, которые являются носителями этих идей. Мне очень хотелось хотя бы отчасти разобраться в загадке Джованни Джолитти: книга в основном об «эре Джолитти». 17 июля 1978 г. исполнилось 50 лет со дня его смерти, а в ноябре в Кунео состоялся посвященный ему научный конгресс. В том самом Кунео, центре избирательного округа, куда когда-то Джолитти приехал с визитом вежливости к синдаку вместо того, чтобы вести по всем правилам предвыборную кампанию. Немного было в итальянской истории государственных деятелей, о которых так жестоко спорили бы исследователи. За хронологические рамки этой книги выходит период, последовавший за вступлением Италии в первую мировую войну.

Когда Пальмиро Тольятти произнес 30 апреля 1950 г. в Турине свою знаменитую «речь о Джолитти», он, по существу, опроверг лаконичный и безжалостный тезис Сальвемини, который мы уже приводили. Тольятти сказал, что было бы абсурдом изображать Джованни Джолитти, человека, вышедшего из буржуазной и консервативной среды, пророком обновления, «однако нельзя отрицать, что сегодня он предстает перед нами как человек, лучше других понявший, в каком направлении должно двигаться итальянское общество, чтобы выйти из противоречий того времени». И далее: «Как фашизм, так и теперешний клерикальный режим усилили тоску по ясным, простым, честным законодательству и администрированию. С этой точки зрения законы джолиттианского периода были образцовыми»⁽¹⁷⁵⁾. Тольятти говорил и о том, что «новая джолиттианская установка прежде всего ликвидировала антисоциализм, положила конец драматическим распрям государства с рабочими ассоциациями». В своей речи Тольятти много раз ссылался на воспоминания Джолитти, анализируя и сопоставляя факты, размышляя о сущности либеральной доктрины.

После окончания первой мировой войны Джолитти ненадолго вернулся к власти. Фашистскую угрозу он недооценил: фашисты казались ему «нелепыми, но не страшными», и он думал, что их удастся абсорбировать в системе либерального государства. Первый раз он выступил против фашистов в парламенте в ноябре 1924 г. в связи с вопросом о свободе печати. Потом выступал еще раз. В последнем выступлении за четыре месяца до смерти, 16 марта 1928 г., Джолитти заявил, что он и его друзья не будут голосовать за фашистский законопроект о выборах. Тольятти говорил и об этом: «Бесспорно, волнующими были

последние слова, произнесенные Джолитти в палате депутатов, чтобы объявить о своей оппозиции последней фашистской избирательной реформе...»⁽¹⁷⁶⁾. Волнующими, но также поучительными, добавил Тольятти, потому что надо было бороться раньше.

Последние годы жизни Джолитти были печальными. 30 апреля 1927 г. он писал одному старому другу: «Политическая жизнь — это очень скверная жизнь. Я вошел в нее, не желая этого. Но если бы я родился второй раз, то пошел бы в монахи. И я очень рад, что никто из моих детей и внуков не проявляет ни малейшего намерения в эту жизнь войти»⁽¹⁷⁷⁾. Но мне кажется, что, если бы Джованни Джолитти родился вторично, он опять занялся бы политикой. Только, может быть, все было бы немножко иначе. Кстати, насчет одного из своих внуков «человек из Дронеро» ошибся: Антонио Джолитти — видный деятель Социалистической партии.

Когда Тольятти произнес свою туринскую речь, многие в Италии называли ее «актом воскрешения или реабилитации Джолитти». Вне зависимости от моральных оценок и несколько упрощенных аналогий надо признать, что по своему политическому таланту Джолитти выдерживает сравнение с графом Кавуром. И не случайно в заключительной части своей речи Тольятти сказал, что Джолитти «пошел дальше всех других буржуазных деятелей как в понимании потребностей народных масс, так и в попытке создать политический строй, основанный на демократии, так и в выработке программы, в которой заметна, пусть в зародыше, надежда на обновление»⁽¹⁷⁸⁾.

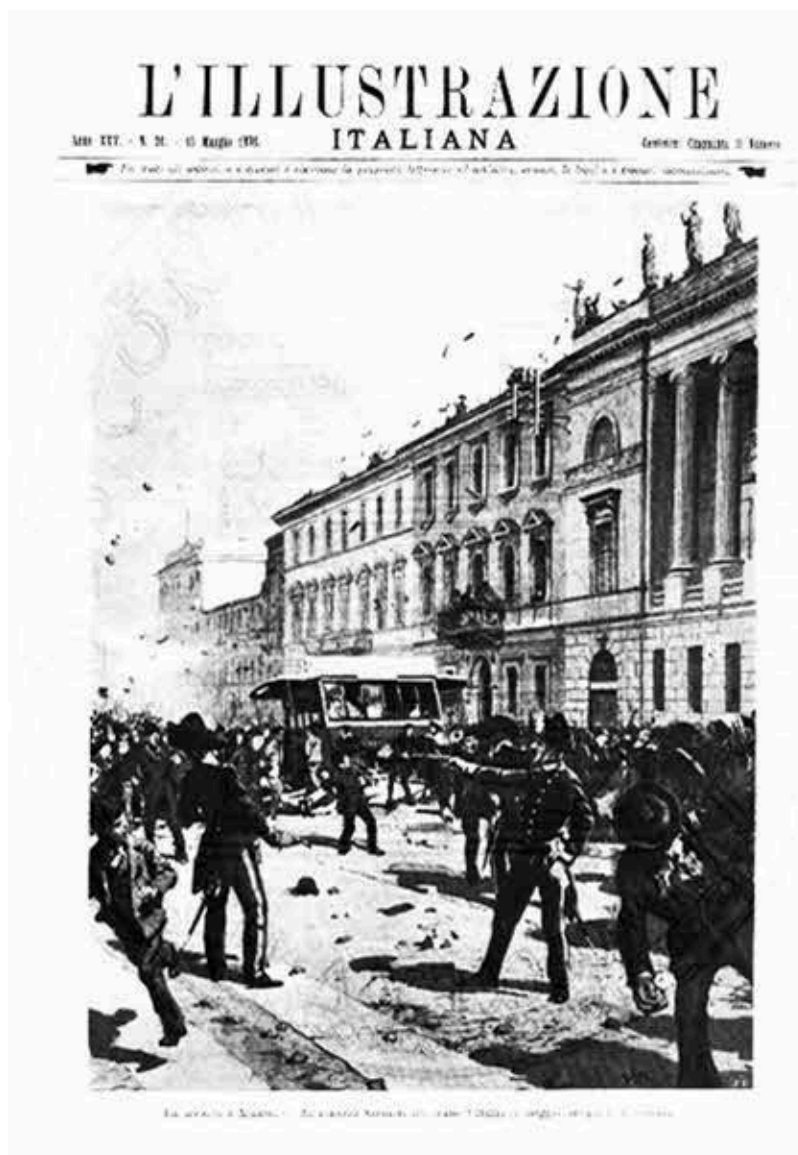
Жизнь сложнее всех логических схем. Такие убежденные консерваторы, как Гаэтапо Моска и Луиджи Альбертини, не приняли фашистской диктатуры. Моска 12 марта 1925 г. произнес в сенате речь по поводу «прерогатив главы правительства», — речь юриста, сухую, сдержанную, но откровенно оппозиционную. Луиджи Альбертини, вначале державшийся очень осторожно, тоже перешел в оппозицию, и в ноябре 1925 г. ему пришлось расстаться с «Коррьере делла сера»: директором газеты был назначен более угодный режиму журналист Пьетро Крочи. Вместе с Альбертини из редакции добровольно ушли некоторые видные сотрудники, среди них Луиджи Эйнауди. А в 1927 г. был издан секретный циркуляр, предписавший помешать тайному выезду Альбертини из страны. Этот циркуляр разыскан в архивах.

А вот такой тонкий интеллигент, «открытый всем ветрам», как Джузеппе Преццолини, в момент, когда фашизм рвался к власти, призывал деятелей культуры создать «Конгрегацию апостолов», ибо политикой должны заниматься политики и это никак не дело писателей и художников.

Во многих деятелях итальянской политики и культуры наших дней, мне кажется, оживают черты их отцов и дедов, хорошие и плохие. Угадывать и распознавать эти черты увлекательно. Прошлое и настоящее связаны так плотно, так тесно. Теоретические споры о социализме, либерализме, демократии ведутся безостановочно. В Италии происходит много загадочного и страшного. Думая о ее прошлом и о ее настоящем, а также — почему бы и нет? — о ее будущем, я вспоминаю фразу, которую любил повторять Грамши и которая должна помогать даже в самое трудное время: пессимизм разума, оптимизм воли⁽¹⁷⁹⁾.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Титульный лист журнала, посвященного майским событиям 1898 г.

Бои на улицах Милана в мае 1898 г.

Билет Социалистической партии

Демонстрация 1 мая 1902 г. в Триесте

ФИЛИППО ТУРАТИ

АННА КУЛИШОВА

АНТОНИО ЛАБРИОЛА

Заголовки статей «Аванти!» о первой русской революции. 1905 г.

ДЖОВАННИ ДЖОЛИТТИ

*Стачка портовых рабочих в Генуе в знак протеста против роспуска Палаты труда.
1900 г.*

Разгон антивоенной демонстрации. 1914 г.

«Дерево мира», посаженное участниками антивоенного митинга в одном из провинциальных городов Италии. 1915 г.

INFO

К 41 Кин Ц. И. Италия на рубеже веков. — М.: Наука, 1980, 199 с. с илл.
5.6.

К 10605-360/054(02)-80-59-80 НП 0506000000

Цецилия Исааковна Кин
ИТАЛИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ
Из истории общественно-политической мысли

Утверждено к печати
Редколлегией серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства О. Б. Константинова
Художник В. А. Кобрин
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Л. В. Каскова
Корректоры Л. С. Агапова, Л. Н. Карасева

ИБ № 18487

Сдано в набор 30.06.80.
Подписано к печати 3 10.80.
Т-12782 Формат 84x108 1/32.
Бумага № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 10,92. Уч. изд. л. 11,7
Тираж 50000 экз. Тип. зак. 3263
Цена 70 коп.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва; В-485; Профсоюзная ул.; 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

.....

FB2 — mefysto, 2024

70 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ГОТОВИТСЯ
К ПЕЧАТИ
КНИГА

РАХШМИР П. Ю.

Происхождение фашизма.

— М.: Наука, 1980, (История и современность).

Прошло более полувека с тех пор, как на политической сцене капиталистического мира появились фашисты. Где коренятся истоки фашизма? Какие факторы обусловили его возникновение? Каким образом он набрал силу? На эти вопросы и отвечает предлагаемая вниманию читателя книга. В ней рассказывается о предыстории фашизма и его становлении, вскрывается ответственность монополистической реакции за ту зловещую роль, которую он сыграл в истории европейских народов, объясняются причины возрождения неофашистских тенденций в наши дни. Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся актуальными проблемами новой и новейшей истории.

Заказы просим направлять по адресу:
МОСКВА В-164, Мичуринский проспект 12, магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;
ЛЕНИНГРАД П-110, Петрозаводская ул. 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13; 320005
Днепропетровск, проспект Гагарина, 24;
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
375009 Ереван, ул. Туманяна, 31; 664033
Иркутск 33, ул. Лермонтова, 303;
252030 Киев, ул. Ленина, 42; 277012
Кишинев, ул. Пушкина, 31; 443002 Куй-
бышев, проспект Ленина, 2; 192104
Ленинград Д-120, Литейный проспект,
57; 199164 Ленинград, Менделеевская
линия, 1; 199004 Ленинград, 9 линия,
16; 103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект,
51; 630090 Новосибирск, Академгоро-
док, Морской проспект, 22; 700029
Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100
Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
450075 Уфа, проспект Октября, 129;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского,
42; 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

---

notes

Примечания

1

Вещь, никому не принадлежащая (лат.).

2

Право первого завоевателя (лат.).

3

Ни одного гроша, ни одного человека (нем.).

4

Движение сицилианских фаши было возглавлено «Союзами трудящихся», Название происходит от fascio — союз, объединение.

5

Букв.: частичная смена министров.

6

Примкнувшие к социалистам после периода Первого Интернационала.

7

Программа-минимум Социалистической партии выработывалась много лет, основной ее смысл заключался в необходимости постепенного, реформаторского перехода к социализму,

8

Постепенного, т. е, реформистского.

9

От орегаіо — рабочий. В 1882 г., когда была основана Рабочая партия, в нее принимали только людей, занимавшихся физическим трудом.

10

Букв.: раньше буквы. Имеется в виду наличие какого-то явления до того, как оно становится очевидным.

11

Более открытую политику.

12

Букв.: согласие населения.

13

Анна Кулишова — жена Турати, видная деятельница русского, а затем итальянского революционного движения.

14

От слова *inlegro* — единый,

15

Не следует (*лат.*). Имеется в виду запрещение участия католиков в парламентских выборах.

16

Избирающие, но не избираемые (*лат.*).

17

Irredento — неосвобожденный, находящийся под чужим владычеством,

18

Королевский дворец.

19

Предупреждение.

20

Эмануэле Патерно, будучи синдаком Палермо, упрятал в тюрьму человека, раскрывшего его злоупотребления. Позднее это стало известно.

21

Мне уже пришлось довольно много писать о Муссолини. Поэтому отсылаю читателя к моим книгам «Миф, реальность, литература» (М., 1968) и «Итальянские мозаики» (М., 1980).

22

Человек, который ищет (фр.).

23

Не присоединяться и не саботировать.

comments

Комментарии

1

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 394.

2

Там же, с. 395.

3

Там же, с. 394–395.

4

Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. Bari, 1967, p. 9.

5

Berselli A. La Destra Storica dopo l'Unità: Italia legale e Italia reale. Bologna, 1965, p. X.

6

Giolitti G. Memorie della mia vita. Milano. 1967, p. 47–48.

7

Storia d'Italia dall'Unità a oggi. Torino, 1976, vol. 4^{xxx}, p. 1741.

8

Giolitti G. Op. cit., p. 48–49.

9

Dalle carte di Giovanni Giolitti: Quarant'anni di politica italiana. Milano, 1962, vol. I, p. 8.

10

Storia d'Italia..., vol. 4^{xxx}, p. 1753.

11

Giolitti G. Op. cit., p. 59.

12

Канделоро Дж. История современной Италии. М., 1973, т. 6, с. 476.

13

Dalle carte..., p. 342.

14

Giolitti G. Op. cit., p. 78.

15

Ibid., p. 86.

16

Dalle carte..., p. 214.

17

Канделоро Дж. Указ. соч... с. 534.

18

Криспи покинул свою первую жену, Розалию Монмассон, которая делила с ним годы изгнания, последовала за ним в «Тысячу» Гарибальди.

19

Croce B. Op. cit., p. 161.

20

De Dosa G. Storia del movimento cattolico in Italia: Dalia Restaurazione all'eta giolittiana. Bari, 1966, vol. I, p. 317–318.

21

Gobetti P. La rivoluzione liberale. Torino, 1965, p. 55.

22

Giolitti G. Op. cit., p. 113.

23

Il socialismo nella storia d'Italia: Storia documentata dal Risorgimento alla Repubblica / A cura di Gastone Manacorda. Bari. 1966, p. 260.

24

Gli anarchici: Cronaca inedita dell'Unità d'Italia / A cura di Aldo de Jaco. Roma, 1971, p. 667.

25

Storia d'Italia..., Torino, 1975. vol. 4^{xx}, p. 823.

26

Ibid., p. 1005.

27

Garin E. Storia della filosofia italiana. Torino, 1966, vol. 3. p. 1268.

28

Croce B. Op. cit., p. 139.

29

Mosca G. Il tramonto dello Stato liberale. Catania, 1971, p. 32.

30

Alatri P. Lineamenti di storia del pensiero politico moderno, Messina, 1975, vol, II, p. 135.

31

Dalle carte..., p. 398.

32

Il socialismo nella storia d'Italia..., p. 293.

33

Giolitti G. Op. cit, p. 123.

34

Carocci G. Giolitti e l'eta giolittiana. Torino, 1961, p. 51.

35

Il socialismo nella storia d'Italia..., p. 318.

36

Procacci G. La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Roma, 1970.

37

Ibid., p. 169.

38

Mammarella G. Riformisti e rivoluzionari. PSI 1900–1912. Firenze, 1968, p. 115.

39

Procacci G. Op. cit., p. 177.

40

Giolitti G. Op. cit., p. 119.

41

См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 457–460.

42

Там же, т. 39, с. 252.

43

Mammarella G. Op. cit., p. 118.

44

Procacci G. Op. cit., p. 183.

45

Catalano F. Filippo Turati. Milano, 1957, p. 136.

46

Arje G. Storia del socialismo italiano (1892–1926). Torino, 1977, p. 83.

47

Il socialismo nella storia d’Italia..., p. 318–319.

48

Dalle carle..., p. 328.

49

Ardigo A. Toniolo: il primato della riforma sociale per ripar-tire dalla società civile. Bologna, 1978, p. 105.

50

Ibid., p. 106–107.

51

La storiografia italiana negli ultimi vent'anni. Milano, 1970, vol. 2, p. 757.

52

Ardigo A. Op. cit., p. 110.

53

Baglioni G. L'ideologia della borghesia industriale nell'Italia liberale. Torino, 1974, p. 281.

54

De Rosa G. Op. cit., p. 361.

55

Cervelli I. I cattolici dall'Unità alla formazione del partito popolare. Rocca San Casciano, 1969, p. 30.

56

Ardigo A. Op. cit., p. 201-202.

57

De Rosa G. Op. cit., p. 365.

58

Galli G. I cattolici e il sindacato. Milano, 1969, p. 109.

59

De Rosa G. Op. cit., p. 373.

60

Ibid., p. 376.

61

Galli G. Op. cit., p. 109.

62

Турати после майских событий 1898 г. был приговорен к 12 годам тюремного заключения. Но он был избран депутатом парламента и поэтому, в силу итальянской традиции, был освобожден.

63

Gramsci A. Quaderni del carcere: Letteratura e vita nazionale. Torino, 1966, p. 375.

64

La cultura italiana dall'900 attraverso le riviste. Torino, 1966, vol. 1, p. 442.

65

Ibid., p. 490.

66

Gobetti P. Op. cit., p. 126.

67

Vecchio e nuovo nazionalismo di Giovanni Papini e Giuseppe Prezzolini. Roma, 1967, p. 2.

68

La classe dei colti. Bari, 1970, p. 19.

69

Castronovo V. La stampa italiana dall'Unità al fascismo. Bari, 1973, p. 169.

70

Gramsci A. L'Ordine nuovo 1919–1920. Torino, 1955, p. 306.

71

Storia d'Italia..., vol. 4^{xx}, p. 1011.

72

Gramsci A. Quaderni del carcere: Il Risorgimento. Torino, 1966, p. 75.

73

Carocci G. Op. cit., p. 46.

74

Ibid., p. 56.

75

Procacci G. Op. cit., p. 374.

76

Cortesi L. Il socialismo italiano tra riforme e rivoluzione: Dibattiti congressuali del PSI» 1892–1921. Bari, 1969, p. 131.

77

Arfe G. Op. cit., p. 83–84.

78

Cortesi L. Op. cit., p. 249.

79

Ibid., p. 254.

80

Carocci G. Op. cit., p. 93.

81

De Rosa G. Op. cit., p. 436.

82

Ibid., p. 453.

83

Mura V. Gattolici e liberali nell' eta giolittiana. Bari, 1976, p. 27.

84

Carocci G. Op. cit., p. 101.

85

Croce B. Op. cit., p. 211.

86

De Rosa G. Op. cit., p. 420.

87

Della Religione, della Chiesa e dello Stato, considerazioni di Romolo Murri, Deputato al Parlamento, con Speciale riguardo alle relazioni fra la Chiesa e lo Stato nella vita e nelle leggi italiane. Milano, 1910, p. 182–183.

88

Грамини А. Избр. произв., М., 1957, т. 2, с. 159.

89

Croce B. Op. cit., p. 154.

90

Ibid., p. 223.

91

Ibid., p. 140.

92

Garin E. Intellettuali italiani del XX secolo. Roma, 1974, p. IX.

93

См.: *Тольятти П.* Лекции о фашизме. М., 1974, с. 14.

94

Garin E. Intelletuali italiani del XX secolo, p. XX.

95

См.: *Тольятти П.* Указ. соч.

96

Baglioni G. Op. cit., p. 426–427.

97

Turati F. Uomini della politica e della cultura. Bari, 1949, p. 8.

98

Giolitti G. Op. cit., p. 104.

99

De Rosa G. Op. cit., p. 462.

100

Ardigo A. Op. cit., p. 27.

101

De Rosa G. Op. cit., p. 536.

102

Giolitti G. Op. cit., p. 182.

103

Candeloro G Storia dell'italia. Milano, 1978, v. 8, p. 297.

104

Dalle carte..., p. 111.

105

Giolitti G. Op. cit., p. 183.

106

Candeloro G. Op. cit., p. 299.

107

Cortesi L. Op. cit., p. 347.

108

Giolitti G. Op. cit., p. 217.

109

Ibid., p. 216.

110

Ibid., p. 295.

111

Mangoni L. L'interventismo della cultura: Intellettuali e riviste del fascismo. Bari, 1974, p. 4.

112

La Voce (1908–1916): Antologia/A cura di G. Ferrata. San Giovanni Valdarna; Roma, 1961, p. 66.

113

Il socialismo nella storia d'Italia..., p. 366.

114

Giolitti G. Op. cit., p. 193.

115

De Felice R. Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1965, p. 98.

116

Mammarella G. Op. cit., p. 284.

117

Cortesi L. Op. cit., p. 409.

118

Ibid., p. 415.

119

Mammarella G. Op. cit., p. 360–361.

120

Il socialismo nella storia d'Italia..., p. 378.

121

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 407.

122

Arfe G. Op. cit, p. 99.

123

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 409.

124

Il socialismo nella storia d'Italia..., p. 99.

125

Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 184–185.

126

Castronovo V. Op. cit., p. 199.

127

Dalle carte..., p. 57.

128

Tranfaglia N. Dallo stato liberate al regime fascista. Milano, 1973, p. 17.

129

Gramsci A. Quaderni del carcere. Il Risorgimento, p. 94–95.

130

Storia d'Italia..., vol. 4^{xx}, p. 1101.

131

La stampa nazionalista, p. XVI.

132

Ibid., p. 360.

133

De Rosa G. Op. cit., p. 558.

134

Цит. по кн.: *Candeloro G.* Op. cit., p. 363.

135

De Rosa G. Op. cit., p. 576.

136

Carocci G. Op. cit., p. 150.

137

Pepe A. Lotta di classe e crisi industrial in Italia: La svolta del 1913. Milano, 1978, p. 15.

138

Carocci G. Op. cit., p. 151.

139

Ibid., p. 157-158.

140

Dalle carte..., p. 338.

141

Ibid.

142

Gramsci A. Quaderni del carcere. Il Risorgimento, p. 98–99.

143

Candeloro G. Op. cit., p. 365.

144

Ibid., p. 366.

145

Giolitti G. Op. cit., p. 316.

146

Mosca G. Op. cit, p. 141.

147

Einaudi L. Prdiche inutili. Torino, 1969, p. 203.

148

Ibid., p. 209.

149

Togliatti P. Discorso su Giolitti. Roma, 1950, p. 20.

150

Carocci G. Op. cit, p. 165.

151

Castronovo V. Op. cit, p. 188.

152

La stampa nazionalista, p. XXL.

153

Ibid., p. XXIII.

154

Candeloro G. Op. cit, p. 21.

155

Valeri N. La lotta politica in Italia dall'Unità al 1925. Firenze, 1958, p. 392.

156

Sturzo L Popolarismo e fascismo. Torino, 1924, p. 306.

157

Pieri P. L'Italia nella prima guerra mondiale. (1915–1918), Torino, 1968, p. 21.

158

Croce B. Op. cit, p. 256.

159

Carocci G. Op. cit, p. 174.

160

Storia d'Italia... vol. 4^{xxx}, p. 1967.

161

La stampa nazionalista, p. 222.

162

Catalano F. Storia dei partiti politici italiani. Torino, 1968, p. 206–207.

163

Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919–1929 гг. М, 1968, с. 30.

164

Bozzetti G. Mussolini direttore dell'Avanti! Milano, 1979, p. 19.

165

De Felice R. Op. cit, p. 153. *Pepe A.* Op. cit, p. 58.

166

Cortesi L. Op. cit, p. 537.

167

Centile E. Lo origini dell'ideologia fascista (1918–1925).

168

Bari, 1975, p. 15.

169

Dalle carte... p. 144.

170

Giolitti G. Op. cit, p. 331.

171

Ibid, p. 332.

172

Цит. по кн.: *Valeri N.* Op. cit, p. 408–409.

173

Carocci G. Op. cit., p. 176.

174

Storia d'Italia... vol. 4^{xxx}, p. 1975.

175

Togliatti P. Op. cit, p. 45.

176

Ibid, p. 80.

177

Il tempo, luglio 19, 1978.

178

Togliatti P. Op. cit, p. 94.

179

Эта фраза принадлежит участнику Парижской коммуны Бенуа Малону.